

УРАЛО— АЛТАИСТИКА

Археология
Этнография
Язык

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

УРАЛО- АЛТАИСТИКА

Археология
Этнография
Язык

Ответственный редактор
д-р филол. наук Е.И. Убрятова

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). – Новоси-
бирск: Наука, 1985.

В сборнике отражены последние результаты совместных советско-венгерских исследований в данной области. Исследуются вопросы генетической и типологической общности Урало-Алтайского региона, рассматриваются вопросы социальной, этнической и культурной истории урало-алтайских народов, а также генетического родства и ареальных связей урало-алтайских языков.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, языковедов.

Рецензенты Б.В. Болдырев, Н.К. Тимофеева

Редакционная коллегия: д-р ист. наук Р.С. Васильевский, канд. ист. наук И.Н. Гемуев, д-р ист. наук Т.М. Исламов, канд. ист. наук В.А. Ламин, канд. филол. наук Л.Г. Панин (отв. секретарь), канд. ист. наук Ю.С. Худяков

у $\frac{0507000000 - 863}{042(02) - 85}$ 52-85-IV

© Издательство "Наука", 1985 г.

Р.С. Васильевский

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ НАРОДОВ СИБИРИ

Выдающимся событием XX столетия, имеющим всемирно-историческое значение, стало образование Союза Советских Социалистических республик. Создание союзного многонационального государства рабочих и крестьян явилось закономерным продолжением славного дела Великого Октября. В результате устранения социального и национального гнета сложились объективные предпосылки для преодоления национальной обособленности, для решения национального вопроса. "Пролетарская партия, — отмечал В.И. Ленин, — стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций"¹. Осуществить это можно было лишь при условии полного национального освобождения, истинного доверия больших и малых наций и народностей друг к другу. В этом заключался главный смысл ленинской формулы великого братства народов, блестяще подтвердившейся всем многолетним опытом СССР.

Процесс революционных преобразований старой России был нелегким. Особенно сложно он проходил на окраинах страны, где многие народности и этнические группы находились на стадии полуфеодальных и даже родовых отношений. Преодоление этой вековой отсталости, развитие народов Сибири по принципиально новому, небывалому еще в мировой истории некапиталистическому пути — такова сущность социальных, экономических, нравственных преобразований, которые провело Советское правительство после Октября на огромной территории от Урала до Тихого океана.

В результате последовательного осуществления мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства здесь было организовано местное национальное самоуправление, на национальной основе созданы низовые органы Советской власти, в рамках РСФСР образованы автономные республики и области, национальные округа и районы. По решению правительства создаются Якутская и Бурятская автономные республики, а также Хакасская и Горно-Алтайская автономные области². Несколько позже были образованы национальные по составу населения Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский, Охотский (эвенско-ламутский) округа, а также ряд национальных районов, в том числе Нанайский и

Ульчский на Амуре, Алеутский на Командорских островах и др. Так на деле реализовывался основной принцип ленинской национальной политики — право наций на самостоятельный выбор формы государственного существования.

Бесправные некогда народы Сибири ныне управляют своими собственными делами и участвуют в управлении страной. Их представители — якуты, буряты, чукчи, коряки, эвенки — входят в высшие органы Советской власти, в советский парламент.

Колоссальные по масштабам прогрессивные преобразования произошли в экономическом базисе и социальной структуре этих народов. Решающим условием для этого явилась социалистическая индустриализация нашей страны в целом. Из отсталой окраины Сибирь превратилась в регион с мощным промышленным, научным, культурным потенциалом. В соответствии с преобразованиями в экономическом базисе изменилась социальная структура, застойно существовавшая сотни лет. Исчезла почва для эксплуатации человека человеком. Были ликвидированы прослойки из полуфеодальных или феодально-капиталистических групп — носителей примитивных форм эксплуатации.

Минуя капитализм, малые народности края при помощи русского и других народов Советского Союза, стоявших на более высоком уровне социально-экономического развития, преодолели старый экономический уклад и втянулись в бурный процесс построения социализма. Этот путь нашел свое конкретное выражение прежде всего в переходе от индивидуального к коллективному хозяйству. Сложились принципиально новые формы общественного производства, комплексного в основе, позволяющего не только широко и всесторонне осваивать, но и воспроизводить в расширенном виде естественные богатства тайги и тундры. Широкое промышленное освоение Сибири, бурный научно-технический прогресс явились новым мощным фактором, влияющим на все стороны жизни сибирских народностей, ломающим их прежнюю изолированность. В таких автономных округах, как Ханты-Мансийский, Эвенкийский, Корякский, Чукотский, Усть-Ордынский, Агинский высокими темпами развиваются угольная, горная, лесная, газовая, местная и другие отрасли промышленности. На их основе выросли современные индустриальные центры — Норильск, Мирный, Сургут, Нижневартовск, Солнечногорск, Амурск, Анадырь и др. Задачи развития автономий и страны в целом предусматривают гармоническое сочетание традиционных форм хозяйства, быта, культуры с новыми явлениями в жизни коренных народов Сибири. В нашей действительности не было и не может быть речи об ограничении их только традиционными занятиями. Они располагают возможностью пользоваться достижениями, накопленными всем советским народом, и вносят свой вклад в экономику и культуру Советского государства.

В последние годы увеличивается отряд высококвалифицированных, индустриальных рабочих коренных национальностей. Так, численность рабочих ведущих профессий за период 1959–1979 гг. увеличилась: слесарей и электрослесарей в Бурятской АССР — в 2,6 раза, в Якутской АССР — в 3,3; электромонтеров в Бурятской АССР — в 2,5, в

Якутской АССР – в 3,5 раза. Численность бурят и якутов в металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей отраслях промышленности Бурятии и Якутии за этот же период возросла соответственно в 4,1 и 4,6 раза³. Показателен также рост рядов специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве. С 1965 по 1981 г. их численность увеличилась: в Бурятской АССР с 34,8 до 95,2 тыс.; в Якутской АССР – с 42,4 до 118,7 тыс., в Тувинской АССР – с 9,1 до 24,1 тыс.⁴

В связи с интенсивным хозяйственным освоением, созданием новых промышленных центров, образованием новых городов и рабочих поселков, возросшим социально-культурным уровнем коренных народов Сибири и Дальнего Востока заметно увеличился удельный вес их городского населения. Сегодня в городах или благоустроенных рабочих поселках проживает каждый пятый якут, коряк, ительмен, алеут; каждый четвертый бурят, хакас, ненец, эскимос, манси; каждый третий нивх, эвен, юкагир.

Советское правительство постоянно уделяет внимание развитию экономики и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Ярким свидетельством этого является принятое в 1980 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановление "О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера". Во исполнение его принято соответствующее постановление и правительством Российской Федерации⁵. В нем, в частности, предусматривается завершить к 1990 г. перевод кочевых семей северных народностей на оседлый образ жизни с обеспечением полной занятости в общественном производстве, профессионального обучения с учетом местных традиций.

Ленинская программа по национальному вопросу предусматривала ликвидацию общей культурной отсталости, неграмотности населения, создание письменности для сибирских народностей, не имевших ее ранее. За годы Советской власти в жизни коренных народов произошла подлинная культурная революция. Она началась с ликвидации неграмотности, с работы культбаз и красных чумов, действовавших в самых далеких районах Сибири, с создания алфавитов для бесписьменных языков. В Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР хранятся первые буквари, учебники, словари народов Сибири – уникальные документы первых этапов этой культурной революции.

Разработка основных принципов национальной политики Коммунистической партии и ее важной органической части – языковой политики – принадлежит В.И. Ленину. Принципы эти провозглашают полную свободу и равноправие всех национальных языков, необходимость создания условий для их развития, безусловное право каждого гражданина государства пользоваться родным языком: "Демократическое государство безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков"⁶.

Коренной перелом в характере и темпах культурного развития у народов СССР, в том числе и Сибири, произошел в конце 20-х – начале 30-х гг. Он был обусловлен созданием письменности на родных

языках. Этот фактор наглядно демонстрирует подлинность культурной революции, которая пробудила интерес не только к знаниям, но и политическую активность, трудовой энтузиазм аборигенного населения.

В результате проведенных мероприятий в 30-е гг. у народов Сибири уровень грамотности поднялся: у бурят — с 23 до 82%, хакасов — с 13 до 84, алтайцев — с 12 до 83, эвенков — с 8 до 67, якутов — с 6 до 76, чукчей — с 0,6 до 47% и т.п. По данным социального-лингвистического обследования народов Сибири, проведенного в 60-х гг. под руководством В.А. Аврорина, к 1967 г. этот показатель у чукчей составил 97,1%. У нанайцев доля грамотных в конце 20-х гг. не превышала 8%, в конце 30-х гг. — увеличилась до 70%, а в 1967 г. — приблизилась к 100%. Чтобы лучше понять глубинную суть этих коренных изменений, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на характеристике языковой ситуации сибирских народностей. Ряд общих черт в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках позволяет объединить их в одну большую алтайскую языковую семью.

Тюркские языки

Якутский язык. Общенародная якутская письменность по существу появилась после революции. До этого издавалась в основном миссионерская литература (на основе фонетической транскрипции акад. О.Н. Бётлингга). Интенсивная работа по созданию общенародной письменности началась в первые же годы после Октябрьской революции. На основе международной транскрипции С.А. Новгородовым был разработан проект алфавита, который был утвержден Совнаркомом Якутской АССР в 1922 г. В 1924 г. алфавит этот был усовершенствован, а в мае 1929 г. — заменен единым новотюркским алфавитом на латинской основе. В 1939 г. якуты перешли на новый алфавит, в основу которого положена русская графика. На современном этапе развитие литературного языка якутов происходит в условиях развертываний внутренних потенциальных возможностей самого якутского языка и при тесном взаимодействии с русским. При этом растет число якутов, свободно владеющих русским языком⁸.

Тувинский язык. До установления Советской власти язык у тувинцев, не имеющих письменности, функционировал в очень узких сферах семейного быта и примитивного патриархального хозяйства. В 1930 г. было положено начало литературному языку, который начал развиваться на основе латинизированной письменности, а с 1941 г. — на базе русской графики. Начиная со средних веков тувинский язык интенсивно взаимодействовал с монгольским. Влияние это было длительным, даже в течение первого десятилетия после образования Тувинской Народной Республики делопроизводство велось на монгольском языке. В последнее время заметно усилилось влияние русского языка, из которого заимствуется множество слов и терминов, связанных с новым, социалистическим бытом, производством и культурой. На ту-

винском языке ныне ведется школьное преподавание, передачи по радио и телевидению, выходят газеты, журналы и книги.

Хакасский язык. До революции хакасы не имели общего самоназвания и представляли собой ряд отдельных племен. В советскую эпоху эти племена консолидировались в единую социалистическую народность, приняв имя древних киргизов (хакас). Письменность и литература на хакасском языке начинают развиваться лишь в годы Советской власти. В 1924 г. специальной комиссией Хакасского уревкома на основе русской графики впервые разрабатывается хакасский алфавит; с 1928 г. осуществлялся переход на латиницу; в 1939 г. появился новый алфавит, в основу которого положена русская графика. За советский период сформировался литературный язык хакасов, сейчас на нем пишутся стихи, проза. На его развитие большое влияние оказывает русский язык, который является вторым языком для значительного числа хакасов.

Алтайский язык. Письменность впервые была создана в 40-х гг. прошлого столетия представителями Алтайской духовной миссии. Однако общенародный литературный язык алтайцев стал вырабатываться лишь после революции. В 1923 г. на основе русской графики был создан и введен новый алфавит.

Шорский язык. До революции не имел письменности, алфавит разработан лишь в советское время на основе русской графики. На его базе в 1927 г. был создан первый букварь, и стала издаваться первая шорская газета.

Монгольские языки

Бурятский язык. До Великого Октября восточные буряты в основном в религиозных целях пользовались одним из стилей классического монгольского языка. На нем велась в основном и бытовая переписка. Западные буряты не имели никакой письменности. В 1931 г. письмо бурят было переведено на латиницу, а в 1938 г. — на русскую графику. Это явилось стимулом для культурного развития. К 1938 г. было осуществлено всеобщее начальное обучение, преподавание в начальной школе полностью было переведено на бурятский язык. Появились значительные произведения национальных писателей, которые приблизили литературный язык к разговорной народной речи.

Тунгусо-маньчжурские языки*

Эвенкийский язык. Письменность эвенки получили в 1931 г.

Нанайский язык. В 1931 г. был создан первый алфавит на латинизированной основе, в 1936 г. он переведен на базу русской графики.

* Письменность на этих языках разработана в советское время ленинградскими учеными.

Эвенский язык. В 1931 г. введен алфавит на основе латиницы, в 1936 г. письменность переведена на основу русского алфавита. С 1932 г. на этих языках издается большими тиражами оригинальная и переводная учебная, политическая, художественная, детская литература.

Финно-угорские языки. Сложной представляется история формирования так называемой уральской языковой семьи. По ряду близких черт в эту общность включаются финно-угорские и самодийские языки. У специалистов пока нет единого мнения о том, где формировались эти языки. Решение данного вопроса возможно лишь на основе комплексного подхода с привлечением как лингвистических, так и археологических и антропологических материалов. Археологами высказываются предположения о формировании уральской этноязыковой общности уже в мезолите. В начале эпохи бронзы произошло отделение угрофиннов от единой уральской общности. С протоутрами связываются памятники андроновской культуры бронзового века Западной Сибири.

Из числа финно-угорских языков на территории Сибири представлены обско-угорские языки – хантыйский и мансийский*.

Хантыйский язык. Попытки создать хантыйскую письменность предпринимались еще русскими миссионерами в дореволюционный период. В 1897–1898 гг. была издана азбука И. Егорова на обдорском диалекте. Однако разработка хантыйской письменности по существу началась лишь в советское время. Основная заслуга в этом деле принадлежала ученым Института народов севера. С 1932 г. на хантыйском языке стала регулярно издаваться учебная, художественная и другая литература. Однако широкому распространению единого письменного языка мешала диалектная раздробленность. Письменность, созданная на основе одного (казымского) диалекта, была чужда носителям остальных диалектов. Потребовалось создать письменности и на других диалектах. В результате в настоящее время письменными являются пять диалектов хантыйского языка.

Мансийский язык. До революции манси не знали письменности. Ее в быту заменяли различные тамги и рисунки, крестики и палочки. В 1931 г. советскими языковедами был разработан алфавит для манси. Вначале на основе латиницы, а с 1937 г. – русской графики.

Самодийские языки

Ненецкий язык. Младописьменный. Первый букварь на ненецком языке издан в 1932 г. на базе латинского алфавита. С 1937 г. письменность переведена на русскую графическую основу. В настоящее время на этом языке печатаются учебники для 1–5-го классов, учебники родного языка для педучилищ, словари, сборники ненецкого фольклора. В Ямало-Ненецком автономном округе издается окружная газета "Красный Север". Широко издается оригинальная и переводная литература.

* В низовьях Оби проживают коми-зыряне, язык которых входит в пермскую группу финно-угорских языков.

Селькупский язык. В конце XIX в. Н.Г. Григоровским была сделана попытка создать для селькупов письменность, но азбука была такой несовершенной, что селькупам трудно было даже узнать свой родной язык. В начале 30-х гг. советские ученые составили алфавит на основе латиницы. Были изданы буквари, книги для чтения, учебники. В настоящее время селькупская письменность переведена на русскую графику.

Пристальное внимание исследователей давно и стабильно привлекают загадочные кеты и их своеобразный язык. Кеты – один из малочисленных аборигенных народов Сибири, насчитывающий, по данным последней переписи населения, около 1200 чел., которые проживают в поселках по притокам Енисея. Основное занятие – пушной и рыбный промысел. Относясь к трем различным антропологическим типам, кеты пользуются говорами одного языка. Его генетическое родство с какими-либо из известных науке языковых семейств не установлено. Контакты с самодийскими, тунгусо-маньчжурскими, угорскими и тюркскими языками ограничиваются в основном лексическими заимствованиями. Кетский язык отличается необычайно сложной структурой. Предпринимались попытки сблизить его с кавказским, баскским и сино-тибетским языками, но они не увенчались успехом. Между тем решение этой проблемы может дать ответ на вопросы происхождения ряда народов Сибири и Центральной Азии.

В настоящее время родным языком в разной степени владеет не более одной трети кетов, преимущественно люди старшего поколения. Дети и молодежь на родном языке практически не говорят. Русским языком владеет свободно почти все население, что объясняется смешанным расселением, широким общением с русскими и системой воспитания детей в интернатах.

У сибирских народов, не знавших до Октябрьской революции письменности, с удивлением и страхом смотревших на волшебные куски "говорящей бумаги", сегодня есть не только своя письменность, но и собственная литература. Появились собственные талантливые ученые, поэты и писатели, яркие художники.

В этой статье нет возможности даже просто перечислить имена всех тех представителей творческой и научной интеллигенции народов Сибири, чьи труды и произведения стали достоянием всего советского народа. Широко известны не только в Советском Союзе, но и за рубежом имена национальных писателей, поэтов, таких как чукча Юрий Рытхэу, якут Платон Ойунский, бурят Хоца Намсараев, нивх Владимир Санги, нанай Григорий Ходжер, манси Юван Шесталов и многих других.

Более 100 представителей народностей Сибири имеют ученые степени и звания. Они работают в научно-исследовательских институтах и вузах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Якутска, Иркутска, Улан-Удэ, Горно-Алтайска, Абакана, Кызыла, Владивостока, Магадана, ведут исследования в области гуманитарных, биологических, химических, сельскохозяйственных и других наук.

Для духовной атмосферы, в которой развивались национальные

культуры народов Сибири, характерно органическое единство и взаимодействие национального и общесоветского, свойственного для всех народов Советского Союза. Показательно в этом отношении развитие языковой ситуации в Сибири. Наблюдается повышение роли русского языка в качестве второго языка, на котором происходит общение людей разных народностей. Статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что у сибирских народностей русский язык находит все большее распространение. По сравнению с 1970 г. заметно возросла численность владеющих русским языком среди нганасан (72,4% в 1979 г. против 41,3% в 1970 г.), долган (73,5% против 62,7%), тувинцев (59,3% против 38,9%), бурят (72,1% против 66,8%) и т.д.⁹ Вместе с тем обращает внимание тот факт, что язык межнационального общения не заменяет и не подменяет языков этнических общностей — национальных языков, а функционирует во взаимодействии с ними. Этот феномен языковой среды требует специального изучения. В связи с этим представляются интересными наблюдения В.А. Аврорина, который отмечал: "...процесс смены родных языков идет, и он направлен в сторону естественного расширения позиций русского языка, но, так как наряду с ним столь же интенсивно идут и другие процессы, свидетельствующие об устойчивости родных языков у очень многих народов, считать его главным, определяющим развитие языковой ситуации нельзя. Русский язык завоевал и продолжает укреплять свои позиции у нерусских народов преимущественно как средство межнационального общения и овладения высшим уровнем знаний и культуры"¹⁰.

Русский язык стал мощным, общепризнанным фактором взаимодействия сибирских народов. Выразительно писал об этом Ю. Рытхэу: "Я никогда не устану благодарить судьбу за то, что в период становления как человека, в период формирования духа моего, рядом были великие русские, с их идеями, созвучными моим смутным, еще не сформировавшимся мыслям. Это были Ленин и Толстой, это был сам русский народ, верный друг, помощник и союзник народов Сибири в их борьбе за лучшую жизнь... Роль русского языка в культурном становлении малых народов Севера невозможно переоценить. Подобно самому близкому другу, он помогал подниматься с колен другим языкам, точно так же, как поднимались и распрямлялись во весь рост сами носители этих языков"¹¹.

Черты братского сотрудничества, черты новой общности людей — советского народа проявляются во всех областях творческой активности народов Сибири — в экономике, культуре, науке. Жизненная реальность некапиталистического развития сибирских народов — беспрецедентное явление в истории. Оно стало возможным в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики. Создание многонационального объединения может служить образцом и примером для других наций и народов мира.

- 1 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 167.
- 2 История Сибири. Т. 4. Л., 1968, с. 285–286.
- 3 Халбаев М.Н. Индустриальное развитие национальных республик и областей Сибири в условиях зрелого социализма. – В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем, вып. II. Новосибирск, 1981, с. 98.
- 4 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М., 1981, с. 225.
- 5 Собрание Постановлений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1980, № 14, с. 259–270.
- 6 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71–72.
- 7 Архив отдела филологии ИИФФ СО АН СССР, с. 7–9.
- 8 Коркина Е.И. Исследования якутских североведов. – В кн.: Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981, с. 93.
- 9 Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. М., 1980, с. 16–17.
- 10 Авдорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 230.
- 11 Рытхэу Ю. Истоки великой общности. – Коммунист, 1972, № 6, с. 44.

А. Барта

vk.com/ethnograph

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В УРАЛИСТИКЕ И АЛТАИСТИКЕ

Этническая археология предполагает изучение этапов этнической истории по материалам археологии, сравнительно-исторической лингвистики и палеоэтнографии. Большое значение имеет применение методики этноархеологии в решении проблем урало-алтаистики.

По поводу родства уральских и алтайских народов существуют две точки зрения. Согласно одной, которая основывается на данных сравнительно-исторической лингвистики, эта связь является генетической. В соответствии с другой, черты сходства, в частности в обеих группах языков, объясняются их длительными контактами. Тюркские языки продолжительное время оказывали сильное влияние на уральскую семью. К сожалению, возможность взаимовлияния обеих лингвистических групп пока не изучена.

В сравнительно-исторической лингвистике сложилась модель, описывающая этапы образования этносов в ранней урало-алтайской языковой общности. Она была принята за основу в этногенетических построениях археологами, антропологами, этнографами. При определении хронологии этапов этнической истории уральских и алтайских народов в этнолингвистической модели использована периодизация археологических культур севера Евразии. По данным лингвистики, этносы, относящиеся к урало-алтайской языковой общности, осознавали свое единство по принципу кровного родства. В уральских языках понятие "народ" этимологизируется как "совокупность дочерей и сыновей". Однако есть основания усомниться в объективности языка как источника. Так, язык дунайских тюрк-болгар не сохранился, а их этноним живет как национальное имя славян-болгар; давно нет волжских болгар, но чувашский язык или является прямым наследником волжско-болгарского, или относится к болгарской группе тюркских языков (хотя чуваша не приняли этнонима болгар). Венгры имеют два этнонима: "мадьяр" – угорское самоназвание, а "венгр", "унгар", как называют мадьяр другие народы, происходит от "оногур" – этнонима болгаро-тюрк. Венгерский язык относится к угорской группе уральских языков. Отсюда следует вывод, что исторические судьбы этносов и их языков не всегда одинаковы.

По всей вероятности, древние уральцы и алтайцы не являются генетически родственными этническими общностями, но между ними сложились весьма древние контакты. Ареалы происхождения древних уральцев, по-видимому, совпадают с территорией Северной Евразии, а значительные этапы этнической истории древних алтайцев проходили в степном поясе Евразии.

Имеются разные гипотезы об ареале сложения и обитания древнеуральского этнического субстрата. Однако всеми специалистами признается, что эта территория совпадала с лесной или таежной зоной. На наш взгляд, наименее оправданно предположение о западно-сибирской прародине угорской ветви, поскольку оно "отрывает" уже на древнейшем этапе угров от финских родичей. Но даже в этой наиболее шаткой концепции заслуживает внимание мысль о включении лесостепи в ареал древнеуральского этнического субстрата.

Отсутствие точных данных осложняет идентификацию древнеуральского этнического субстрата и позднейших групп уральцев с археологическими культурами севера Восточной Европы и Западной Сибири. Существует мнение, которое мы разделяем, что в среднем мезолите (VII–VI тыс. до н.э.) связь между группами этого древнего субстрата уже ослабевала. В керамическом неолите группы древних уральцев мигрировали на территории от Сибири до Финляндии. С участием неизвестных, возможно индоевропейских, групп возникали и распадались уральские этнические образования. Эти процессы следует рассматривать как один из этапов этнической истории уральцев.

Советская археология, этнография, антропология и лингвистика располагают богатым материалом по этнической истории уральцев. Особенно поразительны успехи археологии, которая, привлекая дан-

ные естественных наук, существенно расширила наши представления. В предполагаемых ареалах расселения уральских этносов выделены археологические культуры, отражающие культурно-хозяйственные типы. С периода керамического неолита выявляются культурно-хозяйственные типы Северной Евразии и контакты между ними.

В распоряжении археологии имеются разные методы этнической идентификации культур. Сходство культурно-хозяйственных типов отражает следующее явление: общность хозяйственной деятельности и быта разных, но контактирующих этносов, которая базируется на одинаковых природно-географических условиях жизни людей разных этносов, создает общие черты в культуре. Ситуация осложняется, когда для одного этноса существуют разные культурно-хозяйственные типы. К сожалению, пока не существует единого метода для этнической идентификации археологических культур. Исследователи анализируют уральские этнонимы; выявляют географические координаты уральских этносов из письменных исторических источников, исторической этнографии, лингвистики; изучают антропологические характеристики людей уральских этносов. Этническая идентификация уральских этносов различных археологических эпох находится на стыке смежных научных дисциплин. По природе эти исследования являются историческими — они направлены на выявление специфики этнической истории в рамках отдельных периодов и социально-экономических формаций, а также ее преемственности.

Степень надежности этнической идентификации носителей археологических культур разная. Нередко поздние уральские этнонимы в литературе переносятся в глубь столетий и тысячелетий и связываются без особых оснований с древними этническими образованиями. Привлечение лингвистического материала, который можно было бы стратифицировать по этническим признакам и периодам, позволяет выдвигать более продуктивные гипотезы. Такой древний языковой материал проглядывается в гидро- и топонимах. Методологической основой для их сбора и систематизации могут служить принципы, разработанные представителями западно-сибирской школы, которую создал А.П. Дульзон. По опубликованным примерам известно, что корни и форманты гидро- и топонимов не во всех случаях показывают этническую принадлежность этих названий. В этой работе необходима большая точность, потому что в одном и том же ареале в разное время разные этносы дали имена рекам, водоемам и местностям. В некоторых случаях пришельцы сохранили старые гидро- и топонимы, дали им только новые форманты и огласовку. Случается, что гидро- и топонимы не поддаются расшифровке на основе известных нам палеоазиатских или палеоевропейских языков. Гидро- и топонимы смогут оказаться ценными этническими индикаторами в случаях, когда их этимология раскрывается и их общая семантика выдает языковую семью или даже язык. Хронологическое сопоставление археологических памятников с гидро- и топонимами, а также с данными смежных наук позволит высказать новые гипотезы и, возможно, сделать окончательные выводы.

Для решения задачи желательно осуществить лингвистическую

обработку и публикацию огромной коллекции гидро- и топонимов, собранной А.П. Дульзоном и его учениками. Анализ накопленного материала поможет разработке гипотезы по этнообразованию в археологических периодах.

И. Эрдели

ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Древние венгры относительно быстро перешли порог образования своего государства. Со времени их появления на Дунае до образования королевской власти прошло менее ста лет. Уже отец первого короля Иштвана – воевода Геза – выпустил первую монету, определил центр страны – г. Эстергом на Дунае и дал возможность западноевропейским миссионерам обратить венгров в христианскую веру, ставшую вскоре общегосударственной. Вокруг правителя страны в это же время образовалась и сильная дружина. К XI в. древневенгерский, по всей вероятности рунический, шрифт был утрачен и в королевской канцелярии для составления грамот стали использовать латинский и греческий шрифты. В XI же веке была составлена первая, но сохранившаяся полностью до наших дней, хроника венгров. Их отношения с другими странами и народами складывались по-разному. Моравское государство (*Moravia Magna*) под ударами венгров пало еще в начале X в. С Болгарским государством при воеводе Такшоне (внук Арпада, предшественник Гезы) были установлены прочные мирные отношения. Враждебность между Венгрией и Византией в значительной мере предпрешла будущее сближение Венгерского государства не с Константинополем, а с Римом. В 972 г. воевода Геза установил мирные отношения со швабами (с баварцами в 991 г. происходили военные столкновения). Почти в то же время северной частью Венгрии, вплоть до Ухерске Храдиште, овладели чехи, которые проникли на территорию белых хорватов уже в середине X в. и господствовали там до 990 г.

Венгрия оформилась территориально как единое целое к концу X в. Трансильвания была подчинена новому централизованному государству после заключения брачного союза между дочерью Дюлы – главы Трансильвании и воеводой Венгрии Гезой – будущим отцом короля Иштвана.

Во время правления первого короля сложилось характерное административное деление страны на медье (область, комитат), в центре которых были замки королевских правителей. Оно отчасти сохраняется и в административном делении современной Венгрии.

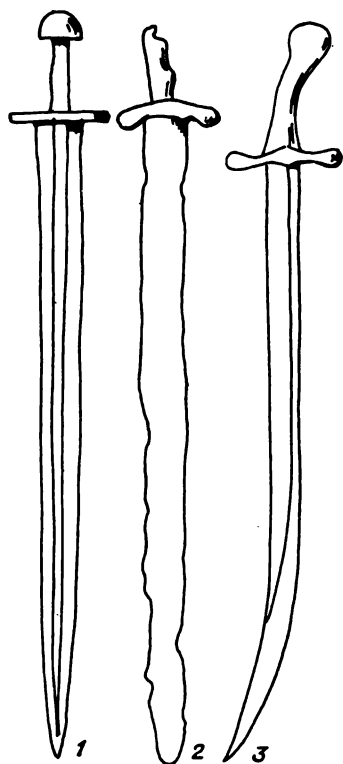
Члены дружины правителя централизованного государства в значительной мере вербовались из западно-европейских, в основном немецких, рыцарей. Чужеродные элементы в окружении короля получили у венгров название "гостей" (лат. *hospes*). Уже во время правления Гезы в Венгрии поселились рыцари швабского (алеманского) происхождения. В X в. здесь появились колпинги, под именем которых подразумеваются варяги (их имя встречается и в топонимах Задунавья (Варонг)). С ними, а возможно, с русскими воинами, погребения которых предположительно выделяют на северо-востоке страны (с. Бестерец, Домбрад), попали в Венгрию боевые топоры русского типа. Среди телохранителей короля в XI–XIII вв. в письменных источниках упоминается предводитель русских (*dux Ruizorum*). В дружине главы государства, по-видимому, было очень много волжских болгар. Они даже получили во владение от Такшоньи крепость Пешт и расселились по селам данной области. К сожалению, археологами пока не выявлены следы их пребывания на территории Венгрии¹.

Широко распространенным оружием древневенгерских воинов была сабля, техника изготовления которой, по-видимому, у хазаров и венгров достигла вершины совершенства. Заметный наклон рукоятки в сторону лезвия и относительно короткое изогнутое лезвие (длина около 90 см) с елманью – вот характерные особенности древневенгерских сабель (см. рисунок, 3). Число найденных на территории Венгрии сабель (IX–X вв.) превышает уже более 140 шт. Кроме сабель воины-кавалеристы имели на вооружении копья². Сабли, аналогичные древневенгерским, мы находим в долине р. Кубань и в предгорьях Кавказа (Колосовка, Чир-юрт).

После поражения венгров на р. Лех (955 г.) и на Балканах (970 г.) стало ясно, что воевать против тяжелой конницы, используя легкую кавалерию, вооруженную саблями, уже невозможно. Защитники венгерского королевства нуждались в новом вооружении. Двулезвийный меч византийского типа на территории Венгрии пока зафиксирован только в одном случае на древневенгерском погребении X в. в с. Кунагота³ (см. рисунок, 1).

Западно-европейские рыцари, которых было много в королевской (ранее – воеводской) дружине, познакомили венгерских воинов с более совершенным тяжелым оружием. Двулезвийным мечам стали вооружать дружины короля и местных феодалов⁴. Правда, вначале нередко случалось, что воины перековывали рукоятки мечей западного образца на старинный лад (см. рисунок, 2). Однако оружие, заимствованное с запада, стало преобладающим в вооружении королевской дружины. С помощью дружин немецких рыцарей Хонта, Пазманья и Венцелина король Иштван победил удельного князя Коппана области Шомоди (крепость Шомодьвар), простиравшейся от оз. Балатон до р. Дравы. Отметим, что на этой части страны вообще не встречены двулезвийные мечи X–XI вв. западно-европейского типа. Там, по-видимому, сохранилось еще в самом начале XI в. восточное вооружение воинов.

По мнению К. Бакаи, погребения с двулезвийными мечами западно- и северо-европейского типов часто группируются около центров

Рубящее оружие древних венгров.

1 – меч; 2 – меч с наклонной рукоятью;
3 – сабля.

областей – новых королевских раннефео-
дальных административных центров
медье⁵. Фиксируются также подобные
памятники времени правления Гезы (ко-
нец IX в.).

Очевидно, часть двулезвийных мечей
была захвачена венграми у моравян по-
сле решающей битвы с ними. А. Рутткаи
и Б. Хроповский допускают, что часть
этого оружия (например, меч из древне-
венгерского погребения в с. Черни Брод
в Словакии) была изготовлена славяна-
ми в IX в. Но мечи, найденные в древне-
моравских погребениях или поселениях
IX в., иностранного происхождения, они
были привезены с Рейна или из Север-
ной Европы. Такое оружие обнаружено в
древневенгерских погребениях IX–X вв.
с конем на территории современной Сло-
вакии, а также Закарпатья и Венгрии.

В заключение отметим, что более
совершенный тип оружия и новая орга-
низация войск стали одним из решающих факторов основания раннефео-
дального венгерского государства. К концу XII в. венгры перешли
на западно-европейское вооружение, только печенег, проживающие на
территории Венгрии, и сёкеи, особая группа венгров (те и другие
“засечные люди”), имели прежнее, степное вооружение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fodor I. A magyar-bolgár kapcsolatok történeti hát-
teréről. – In: *Bolgár tanulmányok*. Debrecen, 1980, S.21–22.

² Gombos A. *Catalogus fontium historiae hungaricae*.
T. 1. Budapest, 1937.

³ Bakay K. *Archäologische Studien zur Geschichte
der ungarischen Staatsgründung*. – AАН, 1967, S.107–173.

⁴ Györffy Gy. *István király és műve*. Budapest, 1977.

⁵ Bakay K. *Archäologische Studien...; Idem.* *A magy-
ar államalapítás*. Budapest, 1978.

РИТУАЛЬНАЯ ПОСУДА

В АВАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Археологический материал, выявленный в Карпатском регионе, относится ко второй половине VII в. н.э., который знаменует собой важный этап в истории аварской цивилизации. При исследовании остатков металлической посуды этой эпохи необходимо обратить внимание на ее роль и место в погребальном обряде.

Назначение ритонов как символов власти уже неоднократно анализировалось специалистами¹. В каждом из рассматриваемых здесь семи погребений ритоны являются атрибутом воинов, у которых обнаружены пояса с золотыми или позолоченными бляшками². Две бляшки с зернью, штампованные детали ремня (за исключением одного, найденного в кладе у Земянски Вробока) и пять псевдопряжек изготовлены из золота. Восемь бляшек, выполненных в полихромном стиле, с каменными вставками сделаны из золота или позолоченной бронзы. Большинство пластинчатых ремней без украшений изготовлены из серебра, и лишь некоторые — из позолоченной бронзы.

В могилы Кунсентмиклошского и Перешепинского каганов в качестве символов власти попали плети с золотыми бляшками и золотые ложки. Такие предметы, во всяком случае из золота, в коллекциях из других памятников не известны.

В могилах, в которых была найдена металлическая ритуальная посуда, обнаружены восемь мечей с украшениями из благородных металлов (все из одиночных погребений)³. Три из семи выявленных сабель⁴ были украшены золотыми бляшками (две зафиксированы на малых семейных кладбищах в Озоре и Игаре, одна — в родовом погребении № 1 в Кишкереш-Вагохид). Сабли самых знатных из погребенных в трех родовых могильниках покоились в обычных деревянных футлярах (Фехерто, погребение № 29; Желовце, погребение № 818; Вацхартян, погребение № 6), один из подвесных ремешков был украшен двумя позолоченными бронзовыми розетками (Сегед-Атокхаза, одиночное захоронение). Существует мнение, что мечи характерны для ранних авар, а сабли — для поздних. С нашей точки зрения, эти разные виды оружия указывают не на время происхождения, а на место владельца в иерархии аварского общества. Очевидно, более знатные представители носили меч, а рядовые — саблю. В соответствии с рангом умершего распределялось и количество стрел в колчане. Полный набор стрел в колчане свидетельствовал о том, что его владелец был руководителем далеких военных походов. Меньшее же число стрел определялось погребальными обычаями. Колчаны, украшенные бляшками из благородного металла, встречаются очень редко в памятниках⁵ (Кунсентмиклош-Бабонь, Боца, Перешепина).

Ювелирные изделия также служат отличительными признаками об-

шественного положения их владельцев. Такое украшение, как ленточный зажим для кос, в рассматриваемой группе памятников не получило достаточно широкого распространения⁶. По предварительным данным, находку из Кунсентмиклош-Бабонь (комплекс с погребальным убором, украшенным золотыми пластинками) можно рассматривать как символический зажим для косы. К этому кругу украшений можно отнести и нагрудные броши⁷, получившие несколько позднее всеобщее распространение. В могильниках выявлены и их прототипы — штампованные и с бисерным окаймлением. Тремя брошами на налобных повязках выделяли людей, которые при жизни относились к господствующему слою⁸. Обычным украшением мужчин и женщин были серьги. Четное число сережек свидетельствовало о достаточно высоком ранге покойного. Смысл непарных украшений пока еще не выяснен⁹.

Перстни были найдены в мужских и женских погребениях, а браслеты — преимущественно в женских. Встречаются могилы (Боча, родовое кладбище Кишкереш-Вагохид), в которых на одежде погребенных сохранились золотые украшения. Вероятно, здесь захоронены знатные авары. Из двух погребений, в которых наверняка покоились каганы, происходят решетчатые носилки с покрытием из благородного металла (Кунсентмиклош-Бабонь) и остатки сооружения типа балдахина (Перешепина). На всех исследуемых памятниках (Перешепина, Келегей, Кунагота, Озоре, Igar) выявлены немногочисленные бляшки с лошадиной сбруи. Эти предметы были изготовлены из благородного металла и свидетельствуют о знатности конных воинов.

Что касается погребального обряда, то на одном из последних его этапов на гроб или около него помещали металлическую посуду. Данная традиция восходит к кочевническому обряду подношения кубка¹⁰. В кругу кочевых народов угощение едой и напитками считалось признаком высшего почета и уважения. Этот обычай соблюдался и в погребальных обрядах. Оставляя в могилах еду и питье, древние тем самым совершали подношение богам¹¹. Знатные люди использовали для этого ценную по тем временам металлическую посуду, а простолюдины — глиняную и деревянную.

Существует гипотеза, что находки из центрально-азиатских погребений и изображения сосудов на надгробных памятниках, а также среднеазиатские фрески и каменные изваяния, запечатлевшие поминки по усопшему, можно отнести к единому религиозному обряду — культу почитания предков¹². Сосуд в руках человека символизирует присутствие души умершего (иногда вместо сосуда изображали птицу). Исследователи обосновали идентичность сосудов, найденных в погребениях, с изображениями на каменных изваяниях. Так, А.А. Чариков установил зависимость между формами сосудов и временем происхождения¹³. Из пяти сосудов, синхронных раннеаварской эпохе (VI-VIII вв.), три были обнаружены в погребениях, датированных (в Карпатском регионе) 630 г. н.э.¹⁴ Среди находок наиболее часто встречаются кувшины с широким поддоном, кольцообразным ушком и слабо изогнутым венчиком. Им соответствуют погребальные памятники 630-670 гг. Боча, Кишкереш-Вагохид. Кувшины такой формы зафиксированы и в Озоре, который считается основным местом археологического изуче-

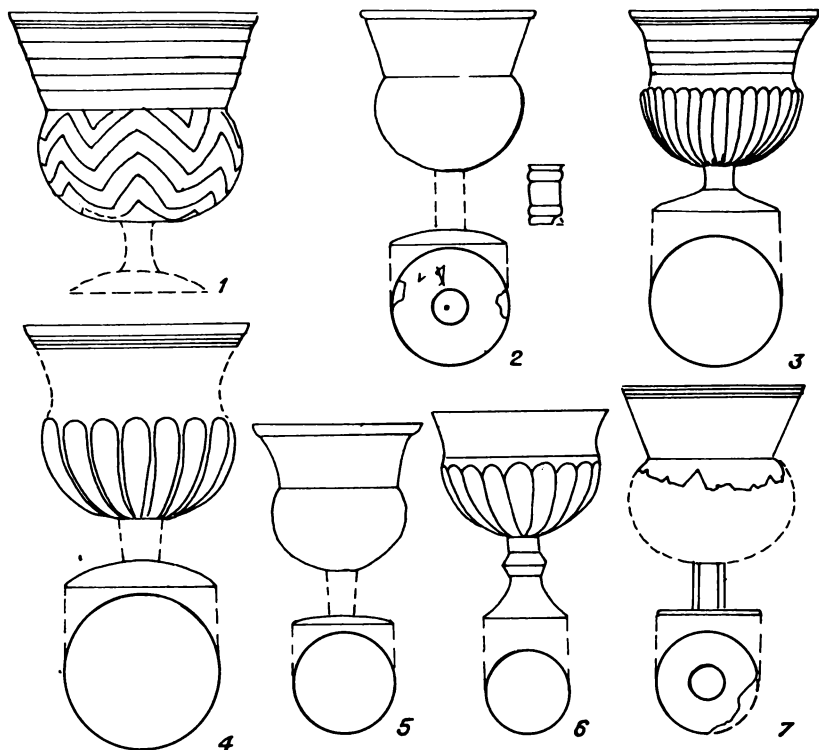

Рис. I. Кубки с изогнутым венчиком.

1 – Кунагота; 2 – Кишкереш-Вагохид 1 (IV); 3 – Боча; 4 – Тепе; 5 – Игар-III; 6 – Залесы; 7 – Сегед-Атокхаза.

ния волны переселенцев 670-х гг. К сосудам указанного типа принадлежат кубки с изогнутым венчиком и немного расширяющимся поддоном, или с ножкой (рис. I). Выявлены также сосуды, характерные для более позднего времени: чаши в форме полушара на тонкой ножке, упирающейся в круглое основание¹⁵ (рис. II). По материалам кладов из Залесья и Земянски Вробок (Немешварбок) можно определить одновременное бытование двух типов кубков. Точная их датировка возможна по монетам из клада Земянски Вробок, предназначенным для денежного обращения.

Особого внимания заслуживает вопрос о функциональной принадлежности отдельных сосудов. Д. Ласло, анализируя клад из Надьсент-миклош, составил из всех сосудов два столовых сервиза. Рунические надписи на одном из изделий могут служить в качестве надежного отличительного признака¹⁶. Золотые предметы, которые представляют самый ранний в хронологическом отношении "слой" клада – ритон, два кубка и две входящие одна в другую чаши с византийскими украшениями, нанесенными позже, органически вписываются в столовый

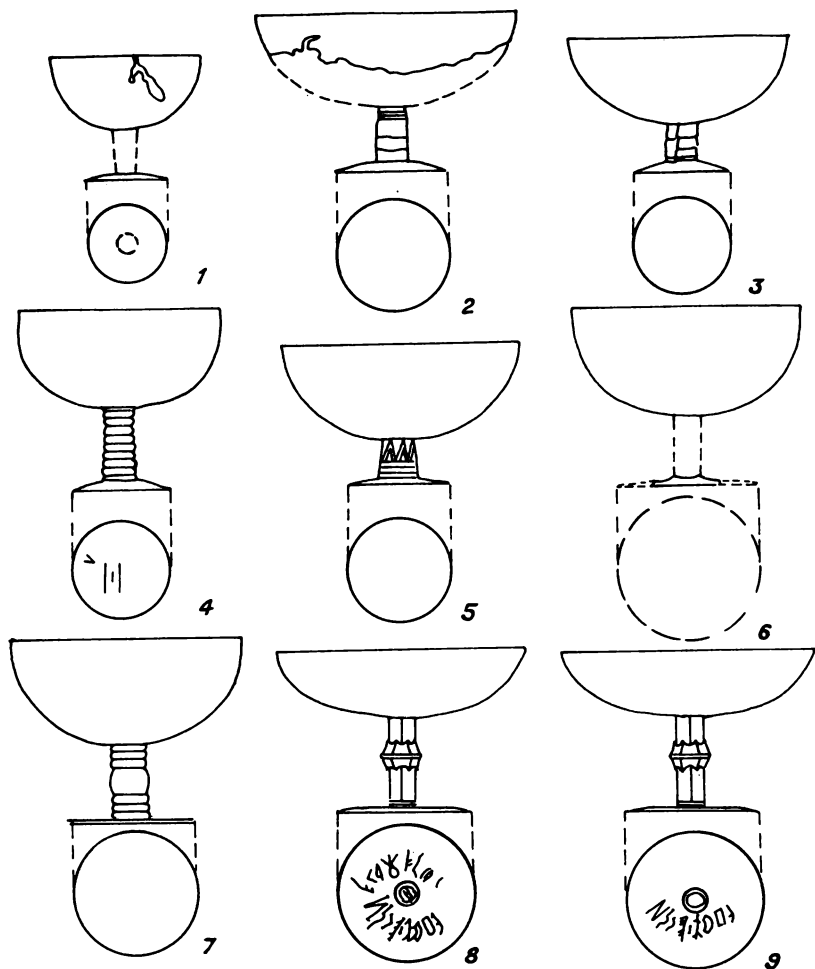

Рис. II. Кубки полусферической формы.

1 - Озора; 2 - Желовце 818; 3 - Желовце 257; 4,5 - Будапешт-Тихань-тер 5; 6 - Сегед-Фехерто Б49; 7 - Земянски Вробок; 8 - Надьсентмиклош 23; 9 - Надьсентмиклош 22.

сервис "князя". На всех пяти сосудах видны рунические надписи¹⁷. Соотношение посуды для хранения, а также для питья и еды никак нельзя считать случайным. Подобную систему можно заметить и в коллекции золотой и серебряной посуды, происходящей из княжеского погребения из Перешепины¹⁸. Сасанидские, согдийские и византийские изделия в одном полном сервизе составляют здесь несколько самостоятельных наборов (рис. III). Очевидно, серебряные кубки (два набора по пять изделий в каждом) и два серебряных кувшина тюркского типа принадлежали одному человеку. На некоторых предметах

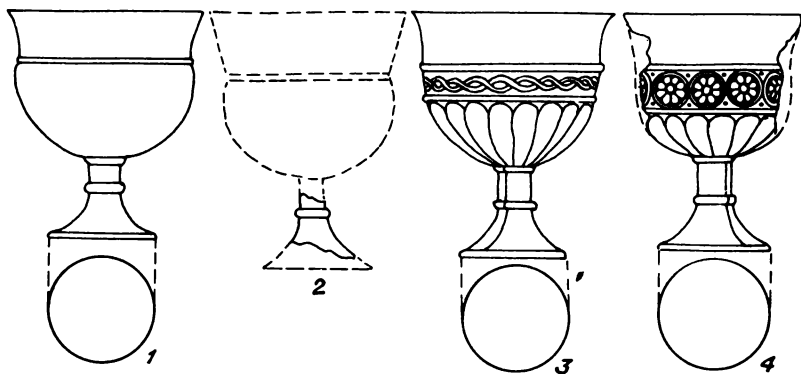

Рис. III. Серебряные кубки.

1, 3, 4 – Малая Перешепина, 2 – Келегейские Хутора.

обнаружены процарапанные знаки владельца, которые, видимо, следует отнести к кругу тюркских рунических надписей*.

Металлическую посуду различных типов можно выделить в следующие группы:

1) полный набор (лишь в княжеских погребениях) – блюдо, кувшин + кубок, чаша + ложка;

2) неполный набор (в захоронениях племенной знати) – блюдо + чаша или кувшин + кубок + чаша;

3) один сосуд (в могилах людей, стоявших во главе малых общественных групп, родов, больших семей, или их приближенных) – кувшин, или кубок, или чаша.

Дополняют наши представления о погребальном обряде данные о содержании сосудов, обнаруженных в памятниках. В погребении № 17 из Кишкереш-Вагохид в серебряном кувшине найдены остатки зерна¹⁹. Судя по состоянию тонких серебряных стенок кубков, в них хранилась жидкость с высоким содержанием кислот. Вероятно, когда-то кубки были тщательно закреплены в вертикальном положении и наполнены напитками. Их устанавливали в области груди, головы или ног погребенного или же помещали на крышку гроба.

Рассматриваемые кубки были заимствованы кочевниками, очевидно, у эллинов. В пользу этого предположения свидетельствуют кубок с ножкой, выполненный в стиле кантарос, кубок без ручки и получившие широкое распространение в Европе и Азии каннелюры.

Впервые применение и распространение кубков отмечено у населения Первого тюркского каганата, захватившего после 552 г. территории азиатских авар (жуан-жуани). Из Центральной Азии изделия попали на восток – в Китай, Корею и на запад²⁰. Местные, алтай-

* Автор выражает признательность З.А. Львовой и Б.И. Маршаку за помощь в определении знаков.

ские "предшественники" этих сосудов имели форму котлов: один подвесной, другой с коническими ножками²¹. Именно с последним типом котла Н. Феттих связывает происхождение кубков "жертвенного котла малых размеров" (по материалам Мартыновки)²².

Возвращаясь к вопросу о надмогильных каменных изваяниях, широко распространенных на всей степной территории в эпоху средневековья²³, отметим, что все они, а также погребальный инвентарь онгурсо-болгарских племен отображают одинаковые религиозные представления. Ребристые украшения на ленточных кубках с изогнутым венчиком, обнаруженные в Карпатском регионе, часто можно видеть и на изделиях мастеров, прошедших, очевидно, византийскую школу. Подобным образом оформлялись предметы-символы власти (ритоны, рукояти и ножны мечей, оковки ножен ножей), украшения представителей знатных родов (браслеты, перстни). Возможно, это изделия ювелиров, работавших при дворе аварских каганов. Посуда, происходящая из погребений людей менее высокого ранга, не требовала столь высокого профессионального мастерства и была изготовлена из менее качественного материала. Серебряные кубки, изготовленные для торговли, можно считать изделиями местных мастеров. Примером этому можно считать кубок из клада в Залесье: по форме и манере исполнения он отличается от византийских изделий того времени²⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что посуда из драгоценных металлов являлась необходимой деталью сопроводительного инвентаря в погребальной обрядности высшей знати Аварского каганата. Ее полный набор соответствовал княжеским погребениям, неполный – захоронениям высоких чиновников, один сосуд – могилам родоначальников или глав большесемейных общин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Csallány D. Szegedi avarkori sirielemek és hun-bolgar ivókürtök régészeti kapcsolatai i. – Arch. Ert., 1946–1948, VII–IX, p. 350–359; László Gy. Études archéologiques sur l'histoire de la société des avars. – АН, Budapest, 1955, XXXIV, p. 226; Garam E. Adatok a középvárkor és az avar fejedelmi sírok régészeti és történeti kérdéseiről. – Folia Arch., Budapest, 1976, XXVII, p. 145.

² László Gy. Études... p. 220–227, 252–256.

³ Bálint Cs. Vestiges archéologiques de l'époque tardive des sassanides et leurs relations avec peuples des steppes. – ААН, 1978, 30, p. 173–212; Bóna I. A szegvár-sápoldali lovassir. Adatok a korai avar temetkezési szokásokhoz. – Arch. Ert., 1979–1, 106, p. 3–32; Idem. Studien zum frühavarischen Reitergrab von Szegvár. – ААН, 1980, 32, p. 31–95.

⁴ Kovács L.A. Honfoglaló magyarok fegyverei: szab-
lya, balta, lándzsa. Budapest, 1980.

⁵ László Gy. Études . . . , p. XXXVII-XLI.

⁶ Stloukal M., Hanakova M. Antropologický výzkum
pohřebiště ze 7 - 8 století v Želovcích. - Slov. Arch.,
1974, XXI-1, p. 125-185.

⁷ Garam E.A. Közép avarkor sirobulussal keltezhető
leletköre. - Arch. Ert, 1978-2, 103, p. 206-216.

⁸ Bóna I. Studien . . . , p. 36-39.

⁹ Ibid., p. 39-42.

¹⁰ Alföldi A. Antik ábrázolások az eurázsiai lovas-
pásztorok ismeretéhez 2. - Folia Arch., 1941, III-IV,
p. 171-175.

¹¹ Csallány D. Szegedi . . . , p. 358.

¹² Ugrin E. Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve,
1980, p. 132-156.

¹³ Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний
Прииртышья. - СА, 1979, 2, с. 179-190.

¹⁴ Там же, с. 184.

¹⁵ Там же, с. 185.

¹⁶ László Gy., Rácz I. A nady sentmiklósi kincs. Bu-
dapest, 1977, p. 164-168.

¹⁷ Csallány D. Szegedi . . . , p. 359; Garam É. Ada-
tok . . . , p. 144.

¹⁸ Бобринский А. Перещепинский клад. - МАР, 1913, № 34,
с. 111-120.

¹⁹ László Gy. Études . . . , p. 31.

²⁰ Garam É. Adatok . . . , p. 145; Ugrin E. Le tre-
sor . . . , p. 88-103.

²¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - МИА, 1949,
№ 9.

²² Fettich N. Régészeti tanulmányok a késô hum fém-
művesség történetéhez. - AN, Budapest, 1951, XXXI,
s. 38.

²³ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских сте-
пях. - МИА, 1958, 62, с. 207-212.

²⁴ Ugrin E. Le trésor . . . , p. 148.

О ДОСТОВЕРНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В советской исторической науке имеется достаточно богатый опыт этнических сопоставлений археологических культур различных эпох. Подобный же опыт накоплен и нашими зарубежными коллегами, в частности венгерскими специалистами.

Последние два десятилетия для изучения неолита и бронзового века Западной Сибири проводятся масштабные полевые работы. Планомерные раскопки и исследования памятников неолита ведутся экспедициями Уральского, Томского, Омского, Кемеровского и Алтайского университетов, Института археологии АН СССР, Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В этот период было открыто несколько интересных неолитических комплексов, среди которых необходимо отметить стоянку раннекерамического периода неолита лесостепного Приобья (Басандайка I), первые могильники в Прииртышье (Хутор Бор IV). Работами по изучению бронзового века охвачены фактически все районы Западной Сибири. В течение многих лет здесь успешно трудятся участники экспедиции Уральского и Томского, Омского, Тюменского и Челябинского университетов, Института археологии АН СССР, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а также Петропавловского и Новосибирского пединститутов. Огромнейшее значение для понимания многих проблем бронзового века региона имеют также работы Института археологии АН СССР на территории Хакаско-Минусинской котловины.

В ходе изучения памятников неолита и бронзы Западной Сибири произведены следующие значительные работы, имеющие большое источниковедческое значение: 1) картографированы археологические памятники неолита и бронзы. Выявлены регионы и участки, где предстоят поиски новых памятников; 2) разработана в основных своих звеньях хронология главных эталонных комплексов памятников; 3) определены большие ареалы групп памятников или археологических культур, которые различаются рядом характерных признаков, проступающих преимущественно в керамике, в частности, ее орнаменте; 4) предприняты попытки социально-экономических реконструкций ряда конкретных общностей. Особое место здесь занимают исследования палеоантропологических материалов эпохи неолита и бронзы, предпринятые В.А. Дремовым. Значение этой работы трудно переоценить, поскольку она является единственной построенной на материалах Западной Сибири и ведется на новых данных, широко представляющих различные этапы древней истории Западной Сибири. Разработан и достаточно обстоятельно классифицирован инвентарь различных культур.

Сейчас можно уверенно говорить о типичных формах каменных изделий позднего неолита и ранней бронзы, бронзового инвентаря ранней и поздней бронзы. Наиболее тщательно разработана типология керамики, особенно керамические орнаменты. На основании этих исследований определены ареалы некоторых типов инвентаря, керамических форм, керамических орнаментов.

При изучении памятников неолита и бронзы Западной Сибири специалисты, как правило, затрагивают различного рода исторические связи культур, культурных общностей изучаемой эпохи. В ходе этой работы иногда проводятся очень широкие параллели, аналогии в культуре (в чертах быта, погребального обряда, в инвентаре и т.п.). К сожалению, не всегда правильная интерпретация исследователями самого понятия "исторические связи" делает непродуктивным анализ археологических материалов.

Существенным упущением археологов, занимающихся проблематикой Западной Сибири, является резкое отставание интерпретационного уровня исследований от источниковедческого. В результате специалисты не располагают полной информацией о всех археологических работах в регионе.

Перед археологами Западной Сибири стоят большие задачи. Первостепенными среди них являются: создание новых и совершенствование традиционных методов исследований; разработка методологии археологических исследований, в первую очередь вопросов методологии этнических интерпретаций археологических культур и комплексов. Позиция всех этнических сопоставлений, проводимых современными исследователями эпохи неолита и бронзы рассматриваемого региона, уязвима потому, что не решен главный вопрос этой части научных исследований: в какой мере та или иная общность археологических памятников (вариант культуры, культура, культурно-историческая провинция) соответствует определенной этнической общности. Порою можно только удивляться, как просто, не утруждая особыми доказательствами, авторы некоторых научных публикаций оперируют археологическими комплексами, культурами или другими общностями, подразумевая под ними этнически единое целое. Такая простота, к сожалению, приводит к тому, что мы в конце концов в качестве древних общностей людей рассматриваем большие или малые группы археологических памятников, связанных по признаку сходства керамических орнаментов или даже по признаку сходства техники нанесения орнамента. Почти все работы последних лет, в которых так или иначе рассматриваются проблемы этногенеза урало-алтайских этносов, оперируют именно этими признаками. Критерий достоверности выводов подобных исследований никак нельзя считать правильным. Степень достоверности, однако, можно значительно повысить, если использовать метод анализа субстратных этнических компонентов, который был предложен применительно к селькупам Г.А. Пелих, а до нее усиленно использовался В.Н. Чернецовым. Исследование субстратных компонентов в культуре этноса дает возможность представить реальный состав культурных элементов, образовавших нынешний сплав в этносе. Каждый из компонентов входит в состав этноса в различные периоды его истории, су-

ществует в его составе на разных хронологических отрезках. Любой этнос является сложным образованием, включающим в свой состав многообразные, отличающиеся по происхождению исторические элементы, выявляющиеся в языке, в антропологических чертах, в материальной и духовной культуре. Отсюда вытекает непереносимое условие применения ретроспективного метода, а именно выделение и выяснение генезиса компонентов, составляющих изучаемый этнос. Например, в эпоху неолита и бронзы на территории Западной Сибири имелось несколько областей с характерными чертами в технике керамической орнаментации. Эти технические приемы орнаментации применялись здесь вплоть до середины II тыс. н.э. Действительно, в памятниках конца I – середины II тыс. н.э. мы обнаруживаем комплексы керамических орнаментов, которые восходят ко времени неолита, ранней и поздней бронзы*. Примечательно, что в некоторых случаях преемственность в керамике I и II тыс. до н.э. со времен эпохи неолита и бронзы обнаруживается не только в технических приемах, но и в формах сосудов. Неоднократно отмечались в литературе параллели самусьских антропо- и зооморфных изображений с бронзовыми литыми изображениями в кулайских памятниках периода раннего железного века. Некоторые исследователи обращали внимание на параллели (по орнаментации, по некоторым чертам погребального обряда и т.п.) между еловскими памятниками и памятниками кулайской, малгетско-релкинской культурами и культурой селькупов II тыс. н.э. Примечательно и то, что некоторые антропологические особенности коренных обитателей Западной Сибири можно объяснить через неолитические комплексы, комплексы эпохи бронзы и раннего железа. Все эти факты в отдельности не вызывают каких-либо сомнений, однако они могут говорить иногда об очень противоречивых исторических процессах, не позволяющих нам проводить прямую связь между этническими общностями II тыс. н.э. и эпохи неолита или бронзы, между этносом кулайской культуры и этносом (или этносами), оставившим самусьско-ростовкинские или еловско-ирменские памятники. Иначе говоря, единственные линии связи, обнаруживаемые в различных областях культур, отдаленных друг от друга во времени комплексов, не могут быть достаточным доказательством этнической преемственности между этими комплексами. Достоверность повысится, если мы будем иметь представление о кор-

* Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974; Матюшенко В.И. К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья. – В кн.: Из истории Сибири, вып. 7. Томск, 1973; Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы). – Там же; Чиндина Л.А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа. – Там же; Матюшенко В.И. Некоторые общие вопросы происхождения кулайской культуры. – В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.

нях, судьбе, роли каждого компонента, входящего в состав этнических общностей разных хронологических этапов, в жизни того или иного этноса. Разумеется, в ряде случаев можно обнаружить заметную эволюцию разных этнических образований; не исключено, что совершенно определенный набор компонентов, возникший в известную историческую эпоху, может оказаться неповторимым в последующие исторические этапы. Такого рода метаморфозы должны свидетельствовать о смене этноса на изучаемой территории.

Метод исследования субстратных этнических компонентов дает возможность широчайшим образом применять известное требование комплексного подхода к этногенетическим исследованиям. Выявление всех этнических компонентов изучаемого этноса предполагает использование археологических, этнографических, лингвистических, антропологических и других данных.

А.Х. Х а л и к о в

ВЕНГРЫ, БОЛГАРЫ И БУРТАСЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ

Письменные источники IX—X вв., в частности сочинения арабских и персидских географов и историков, описывая области Итиля и Урала, почти всегда помещали рядом венгров (мадьяр), болгар (булгар) и бургас. Так, по сведениям Ибн-Русте, область мадьяр, или первый из краев мадьярских, лежит между землею печенегов (по Гардизи — болгар) и землею болгарских эсегель¹. Автор X в. Масуди пишет о нахождении "поселений бургасов между государством хазар и булгар"². Эти же источники сообщают, что болгары и бургасы живут в лесостепи; сохраняют в той или иной степени кочевнические традиции (наиболее сильно венгры, несколько меньше болгары, еще меньше бургасы); остаются преимущественно язычниками; подчинены или контактируют с хазарами; понимают друг друга или общаются друг с другом на тюркском языке; хорошо вооружены; основное их богатство — меха; часто, если не постоянно, воюют друг с другом³.

Специалисты уже обращали внимание на все эти сведения. Однако, как свидетельствует достаточно обширная литература по ранним венграм⁴, ранним болгарам⁵ и бургасам⁶, они рассматривали каждый из интересующих нас народов по отдельности. Лишь в последнее время некоторыми исследователями предпринимались попытки осветить во взаимосвязи историю этих народов, но, к сожалению, не в полной совокупности, и это не давало возможности раскрыть закономерности их развития и правильно наметить основные этапы этногенеза. Отдельные аспекты темы рассмотрены Е.А. Халиковой (венгерско-болгарские взаимоотношения⁷), нами (о подчинении или даже завоевании бургас болгарами не позднее IX в.⁸), М.Г. Мухамедовой

(о трансформации оболгаризированных буртас в татар-мишарей⁹) и И. Вазари (о связи имени мишар-мажар с этнонимом мадьяр¹⁰). Отсутствие надежных материалов (в первую очередь археологических, ибо письменные уже были исчерпаны) затрудняло комплексное решение проблемы. Интенсивные археологические исследования, которые проводятся в последние десятилетия в Среднем Поволжье и Приуралье, привели к открытию памятников, оставленных или связанных с названными выше племенными объединениями. Прежде всего началось исследование археологических объектов ранних болгар и соседних с ними племен¹¹. Были открыты ранние языческие могильники типа Кайбельского в Ульяновской области и Больше-Тарханского в Татарии, оставленные собственно болгарами (берсула-барсилы) и, возможно, савирами (сувары), отогнанными с Северо-Восточного Предкавказья и Нижнего Поволжья арабскими походами 30-40-х гг. VIII в.¹² Несколько более поздним временем (IX-X вв.) датируются могильники типа Танкеевского и Тетюшского¹³, в материалах которых проявляется смешение особенностей погребального обряда и инвентаря, характерных, с одной стороны, для собственно ранних болгар, а с другой — для приуральско-прикамских племен. Изучение раннеболгарских поселений, относящихся в основном к IX-X вв., показало также, что в раннеболгарскую среду инкорпорировались выходцы как из салтовского (болгаро-хазарского), так и из среднеазиатского мира¹⁴.

В середине 70-х гг. XX в., особенно после открытия в Татарской АССР Больше-Тиганского могильника, в Нижнем Прикамье и Башкирском Приуралье были выделены памятники ранних венгров. Надежная их увязка с материалами Паннонии, а также с кушнареновско-караевокуповским кругом памятников в Приуралье позволила высказать мнение о том, что древневенгерские племена появились в Западном Приуралье не ранее рубежа VI-VII вв. и находились до 30-х гг. IX в. Здесь, очевидно, и располагалась область легендарной — MAGNA HUNGARIA, или Великой Венгрии¹⁵.

Проведенные в 1980-1982 гг. археологические исследования обширного курганный-грунтового могильника у с. Армииева в Пензенской области подтвердили высказанную нами еще в 50-е гг. мысль о принадлежности Армиевских курганов культуре буртас¹⁶. Они также позволили установить, что буртасы появились в западных районах Поволжья примерно на рубеже VIII-IX вв. Здесь они, находясь в зависимости от хазар, но сохраняя свою оригинальную культуру, обитали на протяжении IX-X вв. Не позднее рубежа X-XI в. буртасы были покорены болгарами, что нашло отражение в достаточно широком распространении на земле буртас городищ и селищ с красноглиняной керамикой болгарского облика¹⁷.

В ходе археологических исследований удалось выявить особенности каждой из интересующих нас племенных группировок. Так, для раннеболгарских могильников характерны грунтовые могилы без внешних признаков; относительно бедный погребальный инвентарь; наличие в могилах взрослых преимущественно кувшинной керамики, изготовленной на гончарном круге. Древневенгерские могильники представлены в основном подкурганными захоронениями, в которых вместе с

погребенными зафиксирована преимущественно лепная круглодонная и цилиндрошейная посуда с тонконарезным изящным орнаментом; нередко встречаются остатки лицевых покрытий в виде наглазников, наротников, а иногда и целые серебряные маски; богатое оружие, поясные наборы, украшения и др. Как следует из материалов Армиевского курганно-грунтового могильника, у древних бургас был биритуальный погребальный обряд — подкурганное трупосожжение и грунтовое трупоположение (в обоих случаях носил вторичный характер), умершим клали плоскодонную ангобированную (преимущественно горшковидной формы) посуду, погребальный инвентарь отличался бедностью.

Вместе с тем имеются и общие элементы. В могильниках ранних болгар, как и ранних венгров и бургас, с умершим, как правило, захоранивали части туши лошади (в Армиевском могильнике — чаще крупного рогатого скота) — голову и нижние части конечностей. Могильники ранних болгар и венгров содержат в основном остатки трупоположений с западной ориентацией. Погребенные захоронены с однотипным набором оружия (однолезвийные сабли, остатки сложного лука, черешковые наконечники стрел, боевые топоры), конской сбруи (удила, стремяна, детали седел), орудий труда (ножи) и украшений (серьги, налобные и шейные украшения, поясные наборы, браслеты, перстни и т.п.). Но в этих могильниках изредка встречаются так характерные для бургас вторичные захоронения. В Армиевском курганно-грунтовом могильнике отмечены почти все предметы (оружие, конская сбруя, орудия труда, украшения), имеющиеся в раннеболгарских и древневенгерских могильниках. Наряду с ними имеется инвентарь (височные подвески с бипирамидальным грузиком, спиральные пронизки, серьги с усиками, пластинчатые накладки, железные тесла и т.п.), характерный для древнемордовских могильников. Здесь же обнаружены специфичные для древних венгров серебряные наглазники и сердцевидные поясные накладки. Изредка встречаются и обычные для венгров и болгар грунтовые захоронения с западной ориентацией погребенных.

Наличие общих элементов в культуре ранних болгар, венгров и бургас VIII—IX и IX—X вв. в значительной мере объясняется тем, что именно в это время все они входили в круг воздействия широко распространенной в юго-восточных и восточных районах Восточной Европы салтово-маяцкой культуры¹⁸, в той или иной степени соответствующей культуре племен, связанных с Хазарией, или Хазарским каганатом¹⁹. Однако некоторые особенности, прежде всего погребального обряда и частично материальной культуры, не имеют аналогий и параллелей в салтово-маяцкой культуре. В этом ряду можно отметить погребение человека с частью коня, лицевые покрытия в могилах древних венгров и изредка бургас, вторичные погребения бургас, керамику кушнаренковского типа у древних венгров и ангобированную горшковидную посуду у бургас и т.п. Эти признаки этнического своеобразия культуры каждого из племенных объединений служат ориентиром в поисках истоков, путей развития и дальнейших судеб ранних венгров, древних болгар и бургас. Естественно, немаловажное значение здесь имеет сопоставление выводов, полученных на основе анализа археологических материалов, с данными письменных источников.

Археологические материалы показывают, что контакты всех этих племен и их предков начались, очевидно, еще до их появления в Западном Приуралье и Среднем Поволжье. Территорией, на которой зарождались эти древние контакты, были районы, лежащие к востоку и юго-востоку от Урала и между Уралом и Аральским морем. Где-то в этом ареале до первых веков нашей эры находились земли протоболгар, до рубежа VI–VII вв. – протовенгров (мадьяр), до рубежа VIII–IX вв. – протобуртас²⁰. Именно здесь происходило сближение предков всех интересующих нас племен, хотя все они уже тогда входили в разные языковые, следовательно, и разные этнокультурные группы: протоболгары – в тюрко-огузскую, протовенгры – в южно-угорскую, протобуртасы – в западные группы огузо-кипчакского объединения. После выхода этих племен в Восточную Европу контакты не прекратились, а еще более усилились. В Нижнем Прикамье, Среднем Приуралье и Среднем Поволжье в VII–IX вв. происходило сближение культур древних венгров, ранних болгар и родственных им племен. Оно развивалось как за счет постоянных контактов древних венгров с более северными полоумско-ломоуатовскими племенами, составившими впоследствии, судя по материалам могильников типа Танкеевского, значительную часть населения ранней Волжской Булгарии, так и за счет непосредственного соприкосновения древних венгров с собственно болгарами, которые проникли в Среднее Поволжье из более южных районов около середины VIII в. Следует заметить, что отношения древних венгров с собственно болгарами носили в основном характер конфронтации. Они привели к тому, что в 30-е гг. IX в. значительная часть древних венгров отошла на запад и на непродолжительное время заняла под свои кочевья область, известную под именем Леведии, или Лебедии²¹. По мнению большинства исследователей, эта территория располагалась в районах Среднего Подонья²². Северо-восточнее Леведии, в верховьях Суры, Цны, Мокши и Хопра, в это время уже обитали буртасы, с которыми древние венгры неминуемо должны были вступить в непосредственный контакт. Причем эти связи были настолько тесными, что на буртас, которые восприняли некоторые элементы венгерско-мадьярской культуры, частично перешел даже этноним венгров – мадьяр, мажар²³.

Примерно на рубеже IX–X вв., и особенно в первой половине X в., болгары, которых с этого времени стали называть булгарами, усилили свою экспансию на буртас и не позднее рубежа X–XI вв. присоединили их территорию к своему государству. Булгария становится единоличной владелицей основных земель Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья²⁴. Вместе с булгарами здесь проживает и остаточное венгерское и обугаризованное буртасское население. К 1236 г. венгры еще не полностью ассимилировались в болгарской среде, о чем свидетельствует известие венгерского монаха Юлиана²⁵. О буртасах содержатся упоминания в источниках, относящихся ко времени после монгольского нашествия. Все это говорит о том, что в формировании и развитии культуры и этноса населения Волжской Булгарии X–XIII вв. участвовали не только собственно болгары, но и древние венгры, легендарные буртасы.

- 1 Цит. по: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967, с. 48.
- 2 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962, с. 234.
- 3 Там же.
- 4 Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungaren an der Kama und im Ural. — Re' geszeti Füzetek, Ser. II, Budapest, 1981; N 21; Fodor I. Die groze Wahderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982.
- 5 Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- 6 Васильев Б.А. Проблема бургасов и мордва. — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960.
- 7 Халикова Е.А. Ранние венгры и болгары. — В кн.: Плиска-Преслав. Т. III. София, 1981.
- 8 Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978, с. 63.
- 9 Мухамедова М.Г. Татары-мишари. М., 1972.
- 10 Vásáry J. The Hungarians or Mozárs and the Messers. Misers of the Middle Volga Region.—Arch. Eur. Medii Aevi, 1975, N 1.
- 11 Халиков А.Х. Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге. — В кн.: Плиска-Преслав. Т. III. София, 1981.
- 12 Халиков А.Х. Происхождение татар..., с. 32-35.
- 13 Halikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka. — In: Les anciens hongrois et ethnies voisines á l'Est. Budapest, 1977.
- 14 Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории Татарской АССР. — В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- 15 Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. — СА, 1976, № 3.
- 16 Халиков А.Х. Армиевский курганно-грунтовой могильник. — В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981.
- 17 Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обугаризированных бургас. — В кн.: Из истории ранних болгар. Казань, 1981.
- 18 Плетнева С.А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.

- 19 Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- 20 Халиков А.Х. Към въпроса за археологическите извори на културата на протобългарите. – Проблеми на културата, София, 1981, № 4.
- 21 Багрянородный Константин. Об управлении государством. – Изв. Гос. Академии истории материальной культуры, М.–Л., 1934, вып. 91.
- 22 Fodor I. Die groze Wahnderung..., S. 247.
- 23 Vásáry J. The Hungarians or Nozárs and the Mescers.
- 24 Халиков А.Х. Происхождение татар..., с. 62–63.
- 25 Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе. – Исторический архив, М.–Л., 1940, вып. III.
-

М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина

ГОРОДИЩЕ ЧУДСКАЯ ГОРА

В СВЕТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

АНДРОНОИДНЫХ КУЛЬТУР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Городище Чудская Гора находится на левом берегу Иртыша, в 12 км от центра Знаменского района Омской области, примерно в 0,8 км от д. Богочаново. Городище, площадь которого около 10 тыс. м², разделено четырьмя рвами глубиной 1,5–2 м и двумя валами высотой 1,1–1,6 м на пять различных по размерам площадок.

Памятник исследовался в 1974 г. М.Ф. Косаревым, в 1976–1977 гг. – Т.М. Потемкиной. Раскопанная площадь составляет 640 м². Почти полностью вскрыта третья площадка, частично – четвертая, разрезаны валы и рвы, ограничивающие пятую. Материал четко делится на четыре культурно-хронологических комплекса: сузгунский (эпоха поздней бронзы, около рубежа II и I тыс. до н.э.), красноозерский (переходное время от бронзового века к железному, примерно VII–V вв. до н.э.), потчевашский (раннее средневековье, VI–VIII вв. н.э.) и татарский (XIV–XV вв. н.э.). Комплексы характеризуют четыре этапа заселения Чудской Горы. Продолжительность проживания здесь, равно как и размеры освоенной площади, на разных этапах была неодинаковой. Наиболее мощные наслоения (0,3–0,9 м) относятся к сузгунской культуре. Посуда сузгунского облика встречается на всех вскрытых участках, но особенно ее много на третьей и четвертой площадках. Керамика красноозерской культуры представлена в основной на западной, мысовой, зоне памятника и тяготеет к верхней части культурного слоя. Поселение потчевашской

культуры с девятью видимыми на поверхности жилыми западинами . располагалось на четвертой площадке и было укреплено с двух сторон мощными валами и рвами. Следы пребывания татар сохранились главным образом в виде керамики. Ее немного, но она выявлена на всей исследованной площадке.

В рамках данной статьи будут рассмотрены в основном материалы сузгунской и красноозерской культур. Изучение этих наиболее интересных комплексов Чудской Горы, различающихся не только по характеру культур, но и по стратиграфической и планиграфической позициям, позволяет дополнить представления об истории этих культур, о радикальном изменении этнической карты этой территории.

Сузгунское население оставило на Чудской Горе несколько длинных узких сооружений (12–8х3–5 м) с отвесными стенками, углубленных в материк на 0,15–0,16 м и расположенных плотным рядом в средней части горы. Поперечные стенки построек заканчиваются у северного и южного склонов, в отдельных случаях обрываются у их края и не прослеживаются. В трех случаях по направлению к склонам выявлены коридорообразные выходы. Полностью исследованы четыре постройки, частично – пять. В ходе дальнейших раскопок, вероятно, будут открыты новые сооружения. На полу жилищ расчищены следы столбов, обугленные тонкие жерди, углистые полосы и пятна, остатки кострищ, глиняные вымостки из крупных слабо обожженных кирпичей, пятна золы, скопления пережженных мелких костей с золой, ямы малых и средних размеров с керамикой (иногда с целыми сосудами), костями животных и рыб, золой, мелкими кальцинированными костями.

Вокруг очагов и ям найдены 132 целых и раздавленных глиняных горшка (многие из них стояли вверх дном), более 20 тыс. обломков сосудов. В каждой из полностью исследованных построек обнаружено 22–46 сосудов. Выявлены бронзовые (антропоморфная фигурка, однолезвийный нож, острие, наконечник стрелы), костяные (наконечники стрел, концевые рожки от луков, проколки и др.), каменные (фрагменты литейных форм, оселок, грузило, залощенные гальки), глиняные предметы (лячки, обломки тиглей, грузила, предметы неясного назначения). Обнаружены скопления костей (преимущественно черепа и конечности) лошади (29 экз.), коровы (18), мелкого рогатого скота (6), лося (8), собаки (8 экз.). Найдены также чешуя и кости рыб. Характер материала показывает, что сузгунское население, жившее на Чудской Горе, вело многоотраслевое хозяйство, в котором сочетались две производственные традиции – северная, охотничье-рыболовецкая, и южная, скотоводческая (пастушеско-земледельческая?).

Посуда сузгунского слоя представлена в основном горшками вытянутой и приземистой форм с невысокой шейкой, раздутыми боками, резко суживающимися к сравнительно небольшому плоскому дну. В глиняном тесте обнаружена примесь шамота, внутренняя и внешняя поверхности гладкие, иногда залощенные. Орнамент покрывает всю или почти всю поверхность сосудов, иногда – дно. Как правило, изделия украшены узорами из рядов наклонных насечек, а также оттисками гладкого и гребенчатого штампа, нередко образующими разные вариации елочного мотива. Однообразие орнаментальной схемы часто нару-

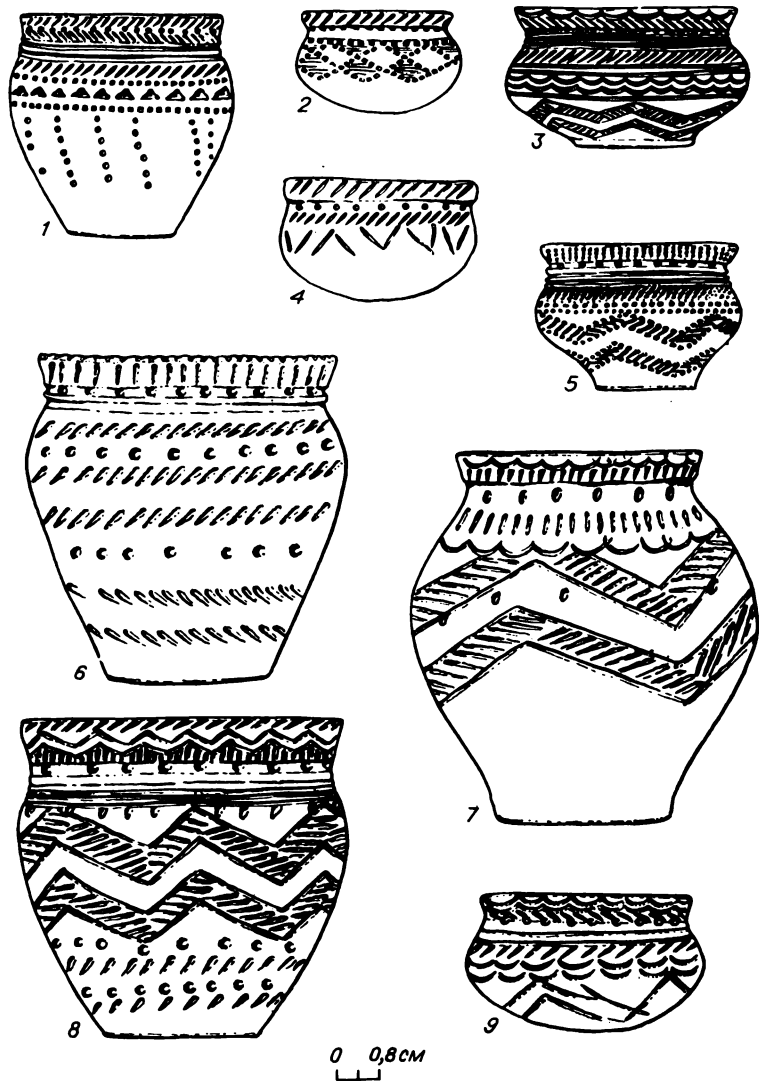

Рис. I. Сузгунская керамика.

шалось включением геометрической зоны. Она располагалась обычно в верхней половине тулова и состояла из простых или усложненных ленточных зигзагов, наклонных заштрихованных лент, "деградированных" меандров, треугольников и др. (рис. I; II, 1-4, 7). Орнаментальное поле, как правило, делилось поясами круглых ямок. Наряду с горшками найдены круглодонные сосуды, которые профилировкой верхней части мало отличаются от плоскодонных горшков. Для них характерны уже известные элементы орнамента, но без деления на зоны. Сосуды

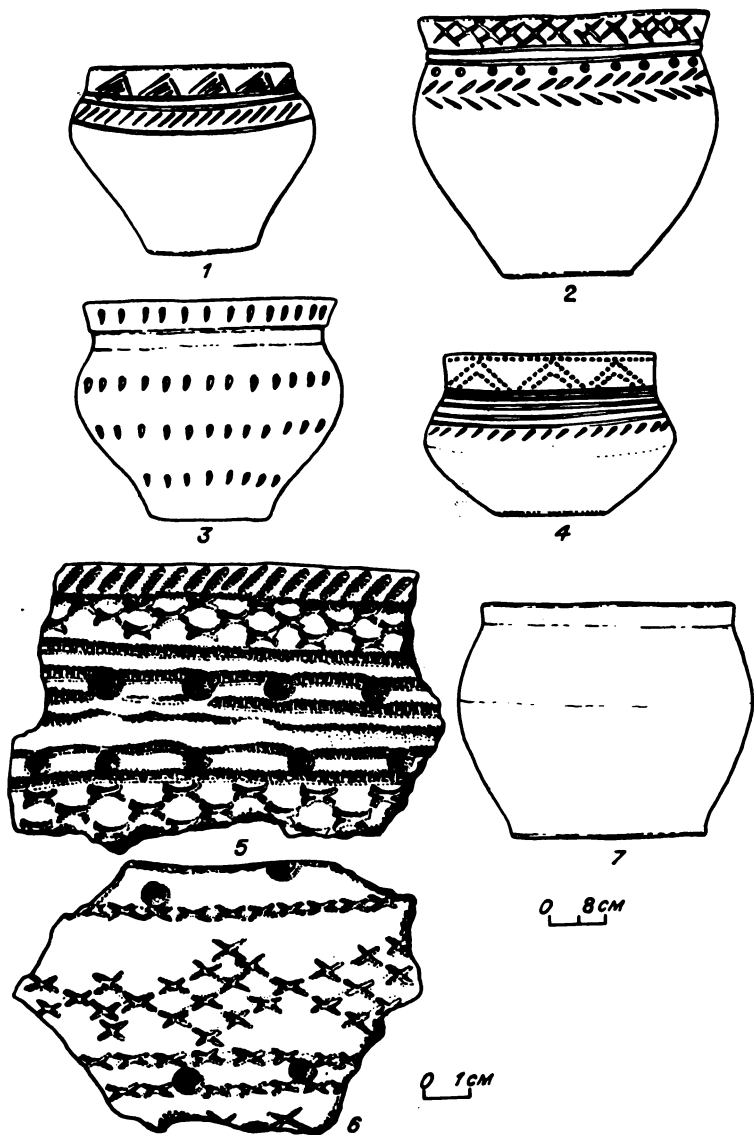

Рис. 11. Сузгунская и крестово-ямочная керамика.

баночной формы, орнаментированные редкими горизонтальными рядами насечек, встречаются редко.

Сузгунская культура таежного Прииртышья близка еловской культуре Среднего Приобья и вместе с нею входит в круг так называемых андронидных культур. Мы вправе рассматривать их как западный и восточный варианты единой сузгунско-еловской этнокультурной общности (так же как черкаскульскую и федоровскую культуры можно считать вариантами черкаскульско-федоровского этнокультурного мас-

сива, а алакульскую и тазабагыбскую — частями алакульско-тазабагыбской этнокультурной общности). В орнаментации сузгунской и еловской посуды четко прослеживаются элементы двух декоративных традиций — гребенчато-ямочной и федоровской, причем последняя, особенно в пределах еловского ареала, была в значительной мере трансформирована в результате карасукско-ирменского влияния. Это говорит о том, что сузгунско-еловская этнокультурная общность складывалась в ходе взаимодействия на поздних этапах бронзового века двух встречных миграционных волн — северной, носителями которой было население с гребенчато-ямочной керамикой, и южной, преимущественно федоровской, столкнувшихся на юге таежной зоны. Освоение южными и северными мигрантами пограничной зоны тайги и лесостепи было облегчено тем, что локализовавшиеся здесь ранее самусьская и родственные ей культуры по каким-то пока не ясным причинам прекратили свое существование (вероятно, еще до начала массового продвижения сюда носителей гребенчато-ямочной и федоровской культурных традиций).

Ряд прямых и косвенных свидетельств позволяет предполагать, что население федоровской культуры проникло на юг Западно-Сибирской равнины в период усыхания степей¹. В северную зону степного Прииртышья и в обь-иртышскую лесостепь пришли с юга "карасукоидные" группы, а федоровское население, отчасти вследствие ухудшившихся ландшафтно-климатических условий, отчасти под давлением степняков, в значительной своей массе отодвинулось к северу и начало осваивать юг таежной зоны.

В южные лесостепные районы Западной Сибири во II тыс. до н.э. проникают северные племена. В результате в сузгунской культуре постепенно затухают федоровские элементы и все больше усиливаются черты гребенчато-ямочной традиции. Закат сузгунской культуры был связан с продвижением примерно в VIII в. до н.э. в пределы сузгунского ареала населения из Нижнего Обь-Иртышья со своеобразной крестово-ямочной посудой.

Крестово-ямочная керамика Чудской Горы представлена горшковидными сосудами с плавно отогнутой или дугообразно выгнутой шейкой, раздутым туловом и сравнительно небольшим плоским дном. Для орнамента характерны горизонтально идущие прямые, зигзагообразные или геометрические (в виде цепи треугольников, ромбов и пр.) пояса из частых оттисков крестового штампа (рис. II, 5, 6). Достаточно часто узор складывался из рядов отпечатков гребенчатого штампа. Орнаментальное поле делилось рядами глубоких круглых ямок. Наиболее близкие аналогии этой посуде прослеживаются в керамическом материале из Нижнего Обь-Иртышья, который выделен Е.А. Васильевым в особую атлымскую культуру, сформировавшуюся на севере Западной Сибири на поздних этапах бронзового века². Население атлымской культуры продвинулось с севера на юг около VII в. до н.э. Оно стало осваивать не только юг таежной зоны, но и обь-иртышскую лесостепь, где в начале железного века распространились красноозерские и завьяловские племена, в посуде которых четко прослеживаются элементы крестово-ямочного орнамента. Следует отметить, что офор-

мивавшаяся в Нижнем Обь-Иртышье на поздних этапах бронзового века крестово-ямочная орнаментация возникла на основе гребенчато-ямочной традиции и представляет собой ее северный вариант. Поэтому носителей крестово-ямочной традиции правомерно рассматривать преемниками населения с гребенчато-ямочной керамикой. Один из авторов данной статьи уже высказывал предположение о том, что развитие гребенчато-ямочной орнаментальной традиции на территории Западной Сибири связано с керамическим ремеслом древних самодийцев³. Эта гипотеза была поддержана специалистами⁴. Если учесть, что федоровцы (и черкаскульцы), по мнению большинства археологов, связаны с древними уграми, то сложение сузгунско-еловской общности в этническом аспекте следует воспринимать как процесс взаимодействия угорских и самодийских групп. В интервале от поздних этапов бронзового века до начала эпохи железа в южно-таежном Обь-Иртышье и лесостепном Приобье возрастает роль самодийского (гребенчато-ямочного) этнического элемента. С приходом сюда в переходное время (от бронзового века к железному) носителей крестово-ямочного орнаментального комплекса коренное население этих районов стало, по всей вероятности, преимущественно самодийским. Северные мигранты, известные в среднем Прииртышье и Новосибирском Приобье по памятникам красноозерского и завьяловского типов, частью ассимилировали родственное им сузгунское и еловское население, частью отодвинули его далее на юг – в верховья Иртыша и Оби. Поселения конца бронзового века с керамикой еловско-сузгунского облика известны сейчас в лесостепной Барабе и на Алтае (Дворниково, Коровья Пристань, Корчажка V и др.). В целом этот этнокультурный сдвиг отражает, на наш взгляд, первое появление в верхней части бассейна Оби, в предгорьях Алтае-Саян, значительных масс северного, самодийского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. – СА, 1966, № 2; Он же. Этнокультурные сдвиги в Томско-Нарымском Приобье в свете данных палеогеографии. – В кн.: Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969; Он же. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины. – В кн.: Материалы совещания "Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири". Томск, 1979.

² См.: Чемякин Ю.П., Коротаев В.П. Многослойное городище Барсов Городок 1/10. – В кн.: Вопросы археологии Приобья. Томск, 1976; Васильев Е.А. Исследование памятников эпохи бронзы в таежном Приобье. – В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979; Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А. Памятник у села Малый Атлым на реке Оби. – В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.

³ Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. канд. дис. М., 1964; Он же. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. - СА, 1972, № 2; Он же. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 157-158.

⁴ Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье. - В кн.: Из истории Сибири, вып. 7. Томск, 1973; Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийных народностей. М., 1979.

⁵ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. - МИА, 1953, № 35; Сальников В.К. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 347; Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 158-159; Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. М., 1976, с. 62-63.

Л.А. Чиндина

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСТЬ-ПОЛУЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Этнокультурная история Западной Сибири в эпоху раннего железа занимает важное место в решении проблем урало-алтаистики. В 50-х гг. В.Н. Чернецов в обобщающих работах сформулировал свои взгляды на эту проблему¹. В эпоху раннего железа в Западной Сибири складывается несколько культур. В Среднем Прииртышье в середине I тыс. до н.э., по мнению В.Н. Чернецова, появилась саргатская культура, принадлежавшая южной группе угров-савилов - предков бабанинцев и мадьяр. В Нижнем Приобье и Прииртышье им была выделена потчевашская культура, существовавшая с V в. до н.э. Она сформировалась из двух компонентов - саргатского и зеленогорского и принадлежала уграм. В керамике этой культуры была выделена группа с фигурно-штамповой орнаментацией. В Омском Прииртышье (правобережье вплоть до Тары) на рубеже эр складывается среднеиртышская культура. На территории Нижнего Приобья была выделена усть-полуйская культура, существовавшая в IV в. до н.э. - II в. н.э. Исходными послужили местный палеазиатский и пришлый потчевашский (южноугорский) компоненты. На базе этой культуры в I тыс. н.э. складывается нижнеобская древнехантыйская культура. В Среднем Приобье В.Н. Чернецов выделил древнесамодийскую кулайскую культуру IV в. до н.э. - I в. н.э. В Верхнем Приобье, по его мнению, существовала синхронная усть-полуйской - фоминская культура, которую М.П. Грязнов относил к раннему средневековью². Имея разные мнения о хронологии культуры, оба исследователя признавали ее ран-

неугорскую принадлежность. Точку зрения на культурно-хронологическую схему В.Н. Чернецова разделяла В.И. Мошинская³.

Расширение источников в 60–70 гг. вызвало необходимость пересмотреть некоторые положения этнокультурной истории Западной Сибири. Среди специалистов развернулась дискуссия по проблемам хронологии и происхождения потчевашской и усть-полуйской культур. В настоящее время исследователями признается, что потчевашской культуры в эпоху раннего железа не существовало. Она появилась лишь в эпоху раннего средневековья. В раннем железном веке эту территорию занимала саргатская культура, которую В.А. Могильников, по-прежнему относит к древнеугорской⁴, а ряд других специалистов, в частности В.И. Васильев, — к самодийской основе⁵.

В связи с изменением точки зрения на потчевашскую культуру внесены коррективы в выводы о содержании и хронологии усть-полуйской культуры. В.Ф. Генинг полностью отвергает возможность двухкомпонентной "потчевашской культуры" в I тыс. до н.э.⁶ По его мнению, В.И. Мошинская неправомерно объединяет керамику Потчевашского городища и курганного могильника. Курганы относятся к рубежу нашей эры и характеризуют лесостепную культуру абатского типа (саргатскую). Лесная же керамика с фигурно-штамповой орнаментацией сперановского типа должна быть отнесена к середине I тыс. н.э. По аналогии с потчевашской керамикой исследователь предлагает датировать и керамику Усть-Полуя, украшенную гребенчатым, фигурно-штамповым орнаментом и пояском ямок по шейке. Культуры типа верхнеобской, потчевашской и усть-полуйской он считает по происхождению самодийскими.

Увеличение материалов, появление новых точек зрения заставили В.И. Мошинскую вернуться к анализу некоторых вопросов, связанных с проблемами усть-полуйской культуры⁷. Придерживаясь в целом прежних взглядов на ее датировку, исследовательница вынуждена признать комплекс среднеобской керамики в Усть-Полуе более поздним. Она объясняет его появление эпизодическими посещениями (в целях совершения ритуала в жертвенном месте) среднеобского населения. Но не эта керамика, как подчеркивает В.И. Мошинская, характеризует усть-полуйскую культуру. Бедно орнаментированные сосуды с поддонами, с ее точки зрения, определяют культурный комплекс Усть-Полуя. Эта группа южного (центрально-азиатского) происхождения и попала на Нижнее Приобье из Верхнего Прииртышья.

Многолетние исследования керамики Среднего Приобья позволили нам рассмотреть ее эволюцию от эпохи поздней бронзы до позднего средневековья. В эпоху раннего железа, в V в. до н.э., здесь сложилась кулайская культура. Ее носители на разных этапах развития (начиная с III в. до н.э.) проникали на соседние территории, оказывая влияние на местное население. Второй период кулайской культуры представлен керамикой саровского типа. Зоной ее распространения являются весь лесной и отчасти лесостепной регионы Западной Сибири. На других территориях ее относят к сперановскому, усть-полуйскому, ярсалинскому, фоминскому типам.

В развернувшемся обсуждении проблем усть-полуйской и потче-

вашей культур, с нашей точки зрения, обеими дискутирующими сторонами высказываются ошибочные мнения. В.Ф. Генинг значительно завышает датировку сперановской и аналогичной ей усть-полуйской керамики, относя ее к раннему средневековью. Эта керамика идентична саровской и может быть датирована в пределах II—I вв. до н.э.—III—IV вв. н.э. Отсутствие закрытых комплексов с керамикой в усть-полуйских памятниках, недостаточно четкое представление об особенностях развития керамических комплексов сопредельных (Прииртышские и Среднеобские) территорий привели В.И. Мошинскую к ошибочному выводу об основном культурном компоненте и хронологии усть-полуйской культуры. В ранних работах В.И. Мошинская убедительно доказала культурную близость II и III групп керамики. Действительно, сходство прослеживается в формах (изделия обеих групп имеют поддоны) и орнаментации (ряды ямок фигурных и гребенчатых штампов сосудов. На классической кулайской керамике мала доля изделий, оформленных фигурным штампом, значительно чаще встречаются сосуды с орнаментацией из рядов ямок, ямочно-гребенчатых, гребенчатых и волнистых поясов.

Возникает вопрос, почему весь характеризующий культуру комплекс (инвентарь, типы поселений, святилищ) связывается со II группой керамики, а не с I и III? В настоящее время стало известно, что саровская керамика всего Приобья входит в комплекс с аналогичным усть-полуйским инвентарем (исключая предметы, связанные со спецификой производственной деятельности). Черты сходства становятся особенно заметными при сопоставлении предметов духовной культуры. Причем сходное сочетание вещей, включая керамику, характерно для весьма отдаленных друг от друга памятников — Дубровинский Борок 3, Саровское, Большой Лог, Усть-Полуй. На первых трех местонахождениях среди керамики довольно мала доля сосудов с поддонами. Не совсем оправданным в концепции В.И. Мошинской представляется положение об эпизодичности появления среднеобского населения в Нижнем Приобье. Судя по имеющимся материалам, саровская керамика (усть-полуйская и ярсалинская) на рубеже тысячелетий и в первой трети I тыс. н.э. встречается повсеместно в районе нижней Оби.

С точки зрения хронологии и культурной характеристики Нижнего Приобья имеют значение новые материалы, и прежде всего закрытые комплексы с усть-полуйской территории. К числу их относится Шеркалинский могильник-жертвенник, расположенный в Октябрьском районе Тюменской области. Он характеризуется двумя формами обряда — кремацией и ингумацией. По спаренным и крупным золоченым бусам и накладкам с зубчатым концентрическим орнаментом или в виде рядов выпуклостей, обрамленных шнуром, памятник датируется I—III вв. н.э. Умерших хоронили в неглубоких (60 см) могилах, вытянуто, на спине, головой на восток или северо-восток. Обергивали в бересту и клали в дощатый (?) гроб. Кроме украшений (бронзовые бляхи, накладки, подвески, пронизки и бусы), вместе с умершим клали сосуд. Обнаруженные в двух могилах сосуды по орнаментации и технологии керамики относятся к саровскому типу или III группе Усть-Полуя. Один из них кубковидный, на высоком коническом под-

доне, украшен рядами зубчатой "уточки", "волной"; другой – круглодонный с гребенчатой орнаментацией. Подобная керамика выявлена в одном слое, что лишний раз свидетельствует о культурном единстве II и III групп. Сочетание керамики различных форм известно и на других памятниках Приобья кулайского времени (Саровка, Малгет 6, Дубровинский Борок 3 и др.). Причем везде керамические изделия орнаментированы в духе характерных западно-сибирских таежных традиций. В.И. Мошинская связывает появление сосудов с поддонами со второй волной движения южного населения на север в I тыс. до н.э. По-видимому, этот процесс происходил в конце тысячелетия и связан был не столько с населением Верхнего Прииртышья, сколько с более близким тагаро-таштыкским миром.

Усть-полуйскую керамику нельзя рассматривать обособленно от ярсалинской. Генетическая связь этих комплексов была доказана еще В.Н. Чернецовым⁸. Недавно полученные материалы, в частности находки из Шеркалинского могильника, свидетельствуют об их хронологической близости и даже синхронности. Очевидно, в свете новых данных керамику этих двух памятников следует рассматривать в едином культурном комплексе с возможным выделением этапов. В Нижнем Приобье усть-полуйский вариант саровской керамики появился не раньше конца II в. до н.э., поскольку возникновение саровского типа в Среднем Приобье относится ко II в. до н.э.

По-видимому, часть среднеобского кулайского древнесамодийского населения, в том числе и население южного происхождения, унаследовавшего кулайские традиции, в период массовых миграций заняло обширные территории Нижнего Приобья, включая и Тазовский район. Здесь они встретились с местными обитателями, культура которых продолжала традиции "крестовой" керамики и была очень близка позднегамаунской. На Шеркалинском могильнике обнаружен комплекс керамических сосудов баночной и горшковидной форм с округлым и плоским дном и утолщенным венчиком, орнаментированных различными вариантами крестового и струйчатого ("змейка") штампов. Украшалась вся или большая часть поверхности сосуда, хотя нередки случаи бедной декорировки – из ряда ямок и редких оттисков штампа. Подобные керамические изделия известны и на других памятниках (Сортынья 1, Шеркалы X), в том числе и на Усть-Полуе.

Пришельцы вступили в контакт с местным населением. Борьба двух традиций закончилась временной победой мигрантов, о чем свидетельствует повсеместное распространение ярсалинской керамики по всему Нижнеобью. Возникла культура близкая кулайской, а точнее, усть-полуйский вариант кулайской общности. Однако к середине I тыс. н.э. на части территории Нижнего Приобья в процессе трансформации пришлового компонента возрождаются местные черты и возникает новая нижнеобская культура.

На север среднеобское население двигалось несколькими путями из бассейна Оби и из Прииртышья, где, как известно, обитали носители саргатской и среднеиртышской культур. Последнюю В.Н. Чернецов ограничивал территорией Омского Прииртышья. В.А. Могильников, по нашему мнению, справедливо расширил ее границы и уточнил хро-

нологию⁹. Новые источники¹⁰ показывают, что правобережный бассейн Прииртышья, по-видимому, был не просто занят пришельцами — он являлся территорией формирования кулайской общности еще в ранний (васюганский) период ее истории. В саровский период ее керамика характеризуется стереотипными орнаментом, формой, техникой. На вновь занятых территориях под влиянием местных традиций и в результате оторванности от своих корней появляются ее варианты. Но на правобережье Прииртышья эта вариантность почти не ощущается: керамика, например, с Большого Лога, Сперановки и Саровки адекватна по всем параметрам.

Таким образом, новые исследования заставляют рассматривать культурно-хронологические особенности Усть-Полуя с учетом распространения кулайской культуры, что чрезвычайно важно для решения вопросов формирования западно-сибирских этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, М., 1953, № 35, с. 112–119; Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, М., 1957, № 58, с. 136–245.

² Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби. — МИА, М.-Л., 1956, № 48, с. 133–140.

³ Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры. — МИА, М., 1953, № 35, с. 72–106; Она же. Археологические памятники севера Западной Сибири. — САИ, М., 1965, вып. ДЗ-8, с. 87.

⁴ Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре. — В кн.: Проблемы хронологии и древней истории угров. М., 1972, с. 66–86; Он же. К культурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа. — Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7, с. 175–189.

⁵ Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979, с. 33.

⁶ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VIII вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 273.

⁷ Мошинская В.И. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре Крайнего Севера и Западной Сибири. — В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

⁸ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, М., 1957, № 58, с. 143.

⁹ Могильников В.А. К культурной характеристике Западной Сибири. . . , с. 177–180.

¹⁰ Чиндина Л.А. Культурные особенности средневековой керамики

эпохи железа. — Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7, с. 161-174; Она же. Кулайская культура в Нарымском Приобье. — В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 51-80; Она же. Саровское городище. — В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978, с. 51-80.

В.И. Молодин

ЭТНИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В последнее время в барабинской лесостепи исследовано несколько групп археологических памятников середины II тыс. н.э., которые удалось достаточно надежно связать с определенными этносами, в частности с барабинскими татарами и южными хантами.

Изучение археологических источников барабинцев позволяет отметить многокомпонентность их материальной культуры. В их керамических комплексах можно выявить, с одной стороны, своеобразную, характерную только для барабинцев остродонную керамику, с другой — круглодонную и плоскодонную посуду, которая по форме и орнаментации, несомненно, связана с предшествующим барабинцам этническим пластом. Круглодонная керамика, украшенная резными желобками, а также сильно стилизованным штампом, в виде "уточки", видимо, связана с потчевашскими традициями. Плоскодонная посуда без орнамента, а также чаши и "сковородки" имеют аналогии в тюркских памятниках барабинской лесостепи и Северного Казахстана, которые синхронны потчевашским, но этнически отличаются от них. Наличие в памятниках барабинских татар разных типов посуды и ее хронологическая однородность¹ позволяют достаточно убедительно говорить о том, что здесь произошло слияние двух керамических традиций. Этот тезис подтверждается чертами сходства и отличий, которые находят проявление во всех рассматриваемых комплексах керамики барабинских татар, а также находками, свидетельствующими о процессе взаимовлияния между тюрками и потчевашцами (потчевашская керамика на тюркских поселениях и классические тюркские вещи в могильниках потчевашской культуры)².

Несомненная преемственность традиций тюрков и потчевашцев барабинцами прослеживается и по результатам анализа вещественных комплексов. Такие предметы, как железные кельты-мотыжки барабинских татар, практически ничем не отличаются от аналогичных изделий, обнаруженных в тюркских и потчевашских погребениях. Железные стрелы часовенно-горского типа, а также железные поясные бляхи, несомненно, связаны с предшествующим тюркским культурным пластом. Сле-

дует подчеркнуть, что в вещественных комплексах (не беря во внимание керамику) барабинцев тюркские традиции более ощутимы, нежели потчевашские.

Жилищные сооружения барабинских татар, напротив, близки потчевашским (сперановского и горносталевского этапов)³. Это, по-видимому, не случайно, поскольку конструкция последних была более приемлемой, чем тюркских, для климатических условий Барабы. Вместе с тем наличие у барабинских татар зимних жилищ типа четырехугольных бревенчатых срубов и летних переносных может свидетельствовать в пользу сохранения у них наряду с аборигенными (потчевашскими) тюркских традиций.

При изучении погребального обряда удается выделить черты тюркского влияния. Так, в захоронениях обнаруживаются останки целого коня или части его туловища⁴, берестяные подстилки и перекрытия, погребения ориентированы на юг. Вместе с тем в погребальном обряде барабинцев есть нехарактерные для тюрков элементы, свидетельствующие о "синтетическом" характере его происхождения.

Данные антропологии по барабинским татарам пока, к сожалению, ничтожно малы. Известна лишь одна работа Т.А. Трофимовой, посвященная непосредственно этому вопросу. Исследователь отмечает, что "барабинские татары по ряду таксономически важных признаков — по уплощенности, высоте и ширине лица, сильному развитию эпикантуса и складке век, слабому развитию бороды и наличию тугих волос — должны быть отнесены к монголоидам. Мезокефальный головной указатель заставляет искать родственные им морфологические типы среди хантов, манси, эвенков и некоторых других групп"⁵. Этот вывод согласуется с точкой зрения Г.Ф. Дебеца, Б.О. Долгих, которые включают барабинских татар, испытывавших влияние родственного им тюркоязычного населения приалтайского района⁶, в ареал дешти-кыпчацких племен. Таким образом, и в антропологических данных фиксируется происхождение барабинских татар из угорских и тюркских этнических групп.

Путешественники XVIII—XIX вв., собиравшие в Барабе этнографический материал, неоднократно касались вопроса происхождения барабинцев. Так, по мнению Лоренца Ланга, они происходят от остяков. Д.Г. Мессершмидт считал, что барабинцы сто лет назад были с остяками одним народом и говорили с ним на одном языке. Аналогичное в принципе заключения о тождестве барабинцев с хантами мы находим у Ф.И. Страленберга⁷. Иные данные по рассматриваемой проблеме приводит Г.Ф. Миллер. Основываясь на анализе языка барабинских татар, он приходит к выводу, что барабинцы происходят из татар и вряд ли связаны как с финно-угорскими, так и с алтайско-тюркскими племенами⁸.

Сложный этнический состав барабинских татар подтверждается и современными этнографическими наблюдениями. Так, Н.Ф. Прыткова, исследуя одежду хантов и барабинцев, приходит к заключению об их древних связях или родстве⁹. На основе изучения орнамента барабинских татар, В.Б. Богомолов констатирует: "Важнейшие компоненты, отражающие не только историко-культурные, но и этногенетические

связи, направлены на запад и юг (тюркский мир). Более слабо выражены северное и восточное направления (обские утргы, народы Алтая)¹⁰. Южные (тюркские) направления этнографических связей сибирских татар зафиксированы у Ф.Т. Валева¹¹. На смешанный состав барабинцев указывал и Н.А. Томилов¹².

Несколько иное понимание вопроса этногенеза барабинских татар дают материалы лингвистики. Так, еще В.В. Радлов констатировал, что язык барабинских татар "есть самый близкий к алтайскому наречию, но, кроме того, в нем заметно и влияние киргизов"¹³. По мнению Л.В. Дмитриевой, язык барабинцев относится к группе кыпчакских языков, сочетающих в себе особенности языковых групп волжско-уральской и казахско-алтайской¹⁴. К аналогичному заключению приходит и Д.Г. Тумашева, она констатирует, что барабинский диалект "сохраняет ряд древнетюркских элементов и имеет общность с восточно-тюркскими языками"¹⁵. На наш взгляд, угорские компоненты в языке барабинских татар не сохранились потому, что в генезисе барабинцев на ранней ступени их формирования тюркский субстрат оказался более значимым, господствующим, нежели угорский, потчевашский. Отсюда следует вывод: происхождение барабинских татар связано со слиянием угорских племен потчевашской культуры и тюрков (с преобладающей ролью последних). Следует учитывать, что этот процесс был достаточно длительным, сложным и завершился, по-видимому, в XIII-XIV вв.

Как уже отмечалось, материальная и духовная культура барабинцев — явление своеобразное. Опираясь на археологические и письменные источники, можно с уверенностью сказать, что барабинские татары в XIV — XVII вв. населяли лесостепные районы Барабы. В Северо-Западной Барабе нами выделены группы позднесредневековых памятников, которые можно связывать с южными хантами. Погребальный обряд, исследованный в хантыйских могильниках, существенно отличается от зафиксированного у других этносов — селькупов, манси, барабинских татар. Сохранились сведения о том, что в прошлом ханты хоронили без гроба. Умерших хантов клали на спину, в вытянутом положении. Состав инвентаря, прослеживаемый в анализируемых нами погребениях, отражает характерную для хантов обрядовую черту, когда первоначально с умершими клали все его личные вещи, а позднее — только любимые и необходимые. Раскопки погребений могильника Кыштовка-2 позволяют констатировать, что первоначальная ориентировка могил у хантов была меридиональной — погребенный лежал головой на север, "где, по представлениям обских угров, находился загробный мир".

В настоящее время в предтаежной части Западной Сибири, в бассейне Иртыша, открыты могильники, которые в полной мере дают возможность сопоставить их материалы с кыштовскими. При сравнении могильников у д. Мыс на р. Нице (исследован В.Д. Викторовой) и Кыштовка-2¹⁶ отмечается сходство в ориентации погребенных преимущественно на северо-запад, в расположении погребений рядом, в погребальном инвентаре и в конструктивных особенностях могилы (наличие плечиков могильной ямы, отсутствие деревянных конструкций и т.д.). В.Д. Викторова, справедливо на наш взгляд, связывает материалы Мысовского могильника с протохантами¹⁷.

В Прииртышье Б.А. Кониковым обнаружены три могильника, которые абсолютно сопоставимы с анализируемыми нами по погребальному обряду и по инвентарю. В курганном могильнике у д. Окунево умершие захоронены в вытянутом положении, головой на северо-запад. Здесь найдены серьги, монеты, счетные жетоны. В грунтовом могильнике выявлены 22 погребения. Положение костяков аналогично вышеописанному. В третьем памятнике возле д. Атачка обнаружена могила XV–XVII вв., в которой покойник находился в вытянутом положении, на спине, был ориентирован головой на запад. Найден бронзовый перстень с четырехугольным щитком¹⁸. Разумеется, затрагивая проблемы этнической привязки могильника, мы должны учитывать и те факторы, на которые указывал еще А.П. Дульзон. Так, необходимо выделить те группы погребального инвентаря, которые могут служить этническими индикаторами. С.И. Вайнштейн справедливо писал по этому поводу, что "традиционная народная культура ТНК тесно связана с этносом и может служить важным этногенетическим источником. Однако изучение ТНК в указанном аспекте весьма затруднено тем, что из ее сложной структуры требуется выделить компоненты, несущие сопоставимые этнические признаки и отражающие лишь этнические, а не вообще культурные взаимодействия"¹⁹.

Из всего инвентаря мы можем выделить лишь небольшой этнически значимый комплекс предметов. К нему, на наш взгляд, относятся: металлическое зеркало, перстень, оловянные решеточки, нашивные бляшки, музыкальный инструмент. Особого внимания в этом ряду заслуживает металлическое зеркало. Нас прежде всего интересуют обычаи использования подобных зеркал в качестве украшений и место бытования этих предметов в Сибири. А.П. Окладников, анализируя зеркало с о. Фаддея, убедительно доказал, что подобные предметы были характерны для средней и нижней Оби и использовались в качестве украшений хантами²⁰. В исследованных А.П. Дульзоном на сопредельных территориях погребениях селькупов и чулымских татар подобный инвентарь не обнаружен. Вышесказанное позволяет считать эту находку косвенным свидетельством этнической принадлежности могильника к южной группе хантов.

Говоря о перстнях, следует остановиться на изделиях с солярной символикой. Отметим, что подобный тип украшения встречается только в Сибири, на территории, занимаемой хантами. Он существенно отличается от изделий русского экспорта. "Солярная" символика является одной из ведущих в орнаментации именно у хантов. Она широко использовалась при украшении одежды (нашивные бронзовые бляшки на платье и головном уборе), посуды и т.д.²¹

Что касается оловянных решеточек, то они также весьма характерны для хантов. Материалы Кыштовского могильника показывают, что этими предметами украшали одежду. Как отмечал С.И. Руденко, подобные решеточки нашивались на пояс стыдливости хантыйской женщины²². В кыштовских погребениях (особенно в курганах № 13, 21, 81, 86, 102) решеточки обнаружены в областях тазовых костей погребенных женщин. Это чрезвычайно важная деталь в плане определения этнической привязки могильника Кыштовка-2. Ханты прида-

вали нашиванию решеточек на пояс, видимо, особый смысл. Не случайно, как свидетельствует З.П. Соколова, "на похороны и поминки нельзя было ходить менструирующим и беременным женщинам"²³. Этнически показательным предметом можно, очевидно, считать и музыкальный инструмент, характерный для хантов. Необходимо подчеркнуть, что подобные предметы нам не известны в погребениях других этнических групп.

Таким образом, погребальный инвентарь Кыштовского могильника вместе с общераспространенными и типично русскими предметами включает вещи, которые встречаются только у хантов. По-видимому, яркая специфичность основной части погребального обряда и погребального инвентаря могильника Кыштовка-2 свидетельствует о его южно-хантыйской принадлежности. Этот вывод подтверждается не только археологическими материалами, но и данными письменных источников, свидетельствующих о проникновении южных групп хантов в северную часть барабинской лесостепи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Соболев В.И. Вознесенское городище – памятник середины II тыс. н.э. – В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 183, 184, 185, рис. 2,3,4.
- ² Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильников Преображенка-3 (Центральная Бараба). – В кн.: Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981, с. 123–137.
- ³ Соболев В.И. Вознесенское городище . . . , с. 180, рис. 1; Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище. – ВАН, Свердловск, 1969, вып. 8; Молодин В.И., Елагин В.С. Поселение первой половины I тыс. н.э. в лесостепной Барабе. – В кн.: Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983, с. 56–63.
- ⁴ Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Курган 58 Преображенского могильника. – В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск, 1979, с. 83, рис. 3, 2.
- ⁵ Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк. – ТИЭ. Нов. сер., 1947, т. 1, с. 198–199.
- ⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- ⁷ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 1. Berlin, 1969, S.68. Strahlenberg Ph.J. Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730, S.321.
- ⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937, с. 188.

- 9 Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. – Сб. МАЭ, Л., 1953, т. 15, с. 232.
- 10 Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник. – В кн.: Этногенез и этническая история тюрко-язычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 210.
- 11 Валеев Ф.Т. К вопросу о роли средневековых кыпчаков в этногенезе западно-сибирских татар. – В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 117–120.
- 12 Томилов Н.А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры). – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 49.
- 13 Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IV. Спб., 1872.
- 14 Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. Л., 1981, с. 21.
- 15 Тумашева Д.Г. Отношение барабинского наречия к тюркским языкам и татарским диалектам Сибири. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 49.
- 16 Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979, с. 107.
- 17 Викторова В.Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице.– ВАУ, Свердловск, 1962, вып. 4, с. 142–143.
- 18 Конилов Б.А. Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье. – В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 232.
- 19 Ванштейн С.И. Традиционная культура народов Сибири как источник изучения их этногенеза (вопросы методологии и некоторые выводы). – В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 16.
- 20 Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. – СА, 1950 № XIII.
- 21 Прыткова Н.Ф. Одежда хантов, с. 136; Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.–Л., 1963, с. 126, 128.
- 22 Руденко С. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. – В кн.: Материалы по этнографии России. Спб., 1914, рис. 26.
- 23 Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов. – В кн.: Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975, с. 172.

К ВОПРОСУ ОБ УТОРСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

С начала исследования древних памятников Енисея в XVIII в. ученые выдвигали свои предположения относительно их хронологии и этнокультурной атрибуции. Наряду с откровенно фантастическими гипотезами о принадлежности сибирских древностей атлантам или древним евреям, высказывались суждения о связи этих объектов с ирано-язычными, финно-угорскими, тюркскими и монгольскими народностями.

Участники первой академической экспедиции Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг (Табберт) обнаружили в памятниках Енисея следы погребального обряда трупосожжения и знаки письменности, названной ими "рунической". Ф.И. Страленберг провел аналогии между этими материалами и скандинавскими. Он, в частности, отметил сходство знаков и рисунков на скалах Енисея с изображениями на шаманских бубнах лопарей и высказал предположение о единстве их культурных истоков¹. Эти соображения послужили началом для формирования теории алтайского (южно-сибирского) происхождения финно-угров.

Впервые вопрос о сибирских корнях финно-угорских народов нашел отражение в работе П.С. Палласа, который в поисках прародины древних венгров посетил в 1771-1772 гг. Минусинские степи². Однако наиболее четко гипотеза об алтайском происхождении финно-угров была сформулирована этнографом и филологом М.А. Кастреном, который в 1847 г. совершил специальную исследовательскую поездку в Минусинскую котловину³. Ученый справедливо считал большинство известных ему памятников связанными с киргизами, татарами, монголами и очень немногие — с остяками⁴.

Активную поддержку теории алтайского происхождения финно-угров получила у Э.И. Эйхвальда, который занимался изучением так называемых чудских копей, могил и статуй на Алтае и в Западной Сибири. Ученый считал, что "кроме многочисленных оседлых племен финских в Европейской России, не менее находится их кочующими по обширным пространствам Сибири. Главным первобытным жилищем их были хребет Кузнецкий Алатау, с одной стороны, и хребты Алтая и Салаирский — с другой стороны"⁵. Эйхвальд подробно описывал курганы, копи, изваяния на Алтае, Салаире, Алатау, Томи, Оби и относил их к чуди — древнему народу, от которого произошли современные ему черемисы, чуваша, мокша, вогулы, остяки, вотяки, венгры, финны, эсты.

В конце XIX в. разработкой данной теории на археологическом

материале занимались сотрудники финской экспедиции в Сибири: И.Р. Аспелин, Я. Аппельгрэн-Кивало, А.О. Гейкель, А.Н. Снельман, К. Вуори. В течение трех лет, в 1887–1889 гг., они изучали Южную Сибирь (включая Минусинскую котловину)⁶. Главным объектом внимания ученых были рунические надписи. К сожалению, накопленные данные долго не публиковались, и специалисты не сразу смогли познакомиться с богатейшими материалами экспедиции. В целом в XIX в. финно-угорская теория признавалась большинством исследователей, хотя у нее по-прежнему были противники, в частности профессор Томского университета В.М. Флоринский, считавший сибирские древности памятниками "первобытных славян"⁷.

Определение в конце века В. Томсеном и В. Радловым древнетюркской принадлежности рунического письма свело на нет один из основных аргументов в пользу сибирского происхождения финно-угров.

В 50-е гг. XX в. гипотеза об угорской принадлежности населения среднего Енисея в эпоху железа была в обновленном виде предложена Л.Р. Кызласовым. Исследователь высказал ряд соображений по вопросу о формировании современной хакасской народности. Согласно его взглядам, носители тюркского языка, к числу которых относятся и современный хакасский, древние гяньгуни-кыргызы проникли на территорию Минусинской котловины во II–I вв. до н.э. под давлением гуннов. Гяньгуни и пришедшие с ними "тувинские уюксы" (носители саглынской культуры скифского времени в Туве), "антропологически смешанные или принадлежавшие к центрально-азиатскому монголоидному типу, привели к сильному изменению физических особенностей населения Хакасско-Минусинской котловины, которое, как уже указывалось, было до этого времени европеоидным"⁸. Тюркский язык в дальнейшем, к XIX в., стал господствующим у всех коренных народов Саяно-Алтая, включая хакасов. С помощью топонимики Л.Р. Кызласов выяснил этническую принадлежность "людей, живших до прихода тюркоязычных кыргызов". Он установил, что самодийские гидронимы распространены на территории Восточных Саян от Енисея до Ои, а угорские "охватывают южную и отчасти западную части Хакасии и весь Северный Алтай от Горной Шории до Кемерово"⁹, кроме того, "они встречаются и в Северо-Восточной Туве"¹⁰. При построении своей концепции Кызласов исходит из утверждения, что на данной территории названия рек с частицами "ас", "ес", "сос" – угорские¹¹. Этим он выразил свое несогласие с мнением некоторых современных исследователей, которые «вслед за В.В. Радловым ошибочно считают, что топонимы Саяно-Алтайского нагорья с окончанием на "зас" – "сас" являются кетскими». Карта "угорских топонимов" в Минусе находит соответствие, по мнению Кызласова, в археологических материалах "тагаро-таштыкского переходного этапа (II–I вв. до н.э.) и памятниках таштыкской эпохи (I в. до н.э. – V в. н.э.)"¹². Он пишет: "После удара гуннов в 201 г. до н.э. часть разбитых тагарских угров (динлинов) бежала из привычных им степей в северную лесостепную зону по линии Красноярск – Мариинск, где впервые в это время появились тагарские курганы конца II и III ста-

дии, датирующиеся II—I вв. до н.э. Это бегство положило начало первому проникновению ранних угров в Западную Сибирь, которое зафиксировано пока появлением на Оби целой серии тагарских комплексов этого времени¹³. Значительная часть динлинов-угров осталась на Енисее и вошла в состав носителей таштыкской культуры, выделяясь на ее первом этапе в обособленную группу населения, которое сооружало грунтовые могилы. "Грунтовые могилы дали большой палео-этнографический комплекс явлений материальной и духовной культуры, который целиком совпадает с современным хантским и не находит себе (как комплекс) параллелей ни в других археологических культурах, ни в этнографии современных народов Сибири"¹⁴. Исследователь указал следующие совпадения: завертывание покойника в берестяной чехол; употребление одинаковых по назначению погребальных масок, погребальных кукол и кукол с масками, берестяных туесов, коробок и посуды из бересты и дерева, оселков с отверстием у одного конца; применение способа раскалывания стволов деревьев с помощью деревянных клиньев; изготовление курток из замши и шкурок; заплетание кос у мужчин и женщин; употребление пряжек (на женских поясах у хантов и таштыкцев), костяных булавок и шильев; сооружение грунтовых могил и срубов; наличие статуэток гусей (у таштыкцев) и божество "Гусь" (у хантов), культа орла, культа тотемных предков (орел, гусь, дерево), культа умерших сородичей, тамг в виде дерева на подставке и геральдической птицы; раскраска масок и татуировка (у хантов); сходство левобережных склепов с хантскими жилищами¹⁵.

Эти "совпадения" Кызласов подтвердил антропологическими данными. Ссылаясь на выводы Г.Ф. Дебеца, который отмечал сходство между таштыкскими (из грунтовых могил) и остяцкими черепами, он сделал вывод о принадлежности части хакасов к "уральскому антропологическому типу"¹⁶. Что касается его мнения об уходе "угров" в Западную Сибирь, то оно кажется весьма разноречивым. Сначала Кызласов отмечал, что "угры" двигались "северным путем", через Ачинско-Мариинскую котловину, во II—I вв. до н.э.¹⁷, а чуть позднее он писал о миграции раннеташтыкских угров на верхнюю Обь в I в. н.э.¹⁸. Ученый зашел в своих построениях столь далеко, что склонен даже видеть различия в происхождении хантов и манси и предполагать неугорскую основу манси¹⁹. По теории Кызласова, отдельные группы угров продолжали обитать на Енисее и позднее. В VI—X вв. в Минусе существовала "этническая пестрота населения. Здесь, наряду с тюркоязычными кыргызами и уграми, проживали и имели большую силу самодийские родоплеменные группы"²⁰. Этнический состав Минусы не менялся ни в домонгольский (XI—XII вв.), ни в монгольский период (XIII—XV вв.)²¹. Близкую картину якобы застали русские в XVIII в.²² Современные "кыргызы" есть потомки "гяньгуней"; качинцы — отюреченные самодийцы; сагайцы, шорцы, бельтыры и кызыльцы корнями уходят в древнюю угорскую общность²³. Как отмечает исследователь, "осколки" угров сохранились здесь до начала XIX в., их зафиксировал Г.И. Спасский среди койбалов, аринов. В подтверждение этим данным приводится мнение антрополога

В.П. Алексеева о принадлежности сагайцев, койбалов, бельтыров и шорцев к уральской расе²⁴. Таковы вкратце взгляды Л.Р. Кызласова о пребывании угров на Енисее и их роли в этногенезе народов Южной и Западной Сибири. Кызласов подчеркивает свое авторство этой концепции, построенной на основе "комплексного подхода"²⁵.

Данная теория была весьма критически воспринята специалистами, занимающимися проблемами древней истории Южной Сибири. Развернутую критику методике проведения этнографических аналогий и реконструкций Л.Р. Кызласова дал А.Н. Липский. Он указал, что большинство помеченных им "совпадений" распространяется не только на хантов²⁶. А.П. Дульзон подверг критическому анализу топонимические данные Кызласова, указав на недопустимость механического выделения суффикса "ас" из состава гидронимов Хакасии, которое легло в основу его "угорской гипотезы". Он также отметил, что термин "ас" является у обских угров собственным именем р. Обь, а не общим названием реки, которое у хантов соответствует слову "еган", а у манси — "я". Все гидронимы, объявленные Кызласовым в качестве "угорских", Дульзон определяет как кетские²⁷. "Угорскую" принадлежность тагарской культуры решительно отвергла Н.Л. Членова. В подтверждение своей позиции она привела данные об ираноязычности ее носителей, ими могли быть "тохары", чей этноним, по счастливой случайности, сохранился в названии культуры²⁸.

Ход исследовательских работ на Енисее и сопредельных территориях также не подтвердил многих предположений Л.Р. Кызласова. Раскопки тагарских памятников в Ачинско-Мариинской котловине позволили А.И. Мартынову выделить особый лесостепной вариант тагарской культуры, возникший в этой местности задолго до гуннского вторжения и никак не связанный с предполагаемой миграцией "тагарских динлинов — угров" с Енисея на Обь²⁹. Изучение синхронных памятников на Оби также не дало каких-либо оснований связывать их с миграциями "раннеташтыкских угров"³⁰. Наконец, раскопки самого Л.Р. Кызласова в Оглахтинском могильнике показали, что так называемые таштыкские погребальные куклы на деле не являются таковыми³¹. Следовательно, отпала и эта аналогия с "комплексом материальной и духовной культуры хантов".

В несостоятельности своей гипотезы к концу 60-х гг. как будто убедился и сам Л.Р. Кызласов, сохранив в своих этногенетических построениях только тюркоязычных "кыргызов" и самодийцев³². Однако в одной из последних работ он вновь пишет о наличии "угров" на Енисее: "... в раннеташтыкской древности социальные различия совпадали с этническими. Тюркоязычные кыргызы стали правящей аристократической группой. Им подчинялись самодийские, угорские и кетоязычные этнические группы"³³. Поэтому с целью анализа достоверности предлагаемой Кызласовым гипотезы необходимо еще раз вернуться к рассмотрению данного вопроса. Прежде всего, обращает на себя внимание некорректный метод проведения аналогий, лежащий в основе всех рассуждений исследователя. Предполагая "угорскую" принадлежность тагарской культуры, он не рассматривает ее материалы и не сопоставляет их с данными этнографии обских угров. В ка-

честве исходных для Кызласова служат элементы этнически смешанной, согласно его взглядам, таштыкской культуры, сохранившей в трансформированном виде "древнеугорские" тагарские черты. Анализ собственно тагарских материалов не находит никаких оснований для утверждения об их угорской принадлежности. Л.Р. Кызласов особо подчеркивает, что "палеоэтнографический комплекс" из таштыкских грунтовых могил находит себе соответствие только в этнографии хантов. На деле, приводимый им круг сопоставлений нельзя назвать комплексом, это набор отдельных, не связанных между собой элементов погребальной обрядности, бытовой культуры и материального производства. Их сравнение с основными чертами традиционной культуры хантов не дает оснований утвердительно говорить о существовании между ними генетической связи. Выделяемые Кызласовым признаки (берестяная посуда или берестяные чехлы в погребениях, оселки с отверстием у одного конца, кожаные куртки, обычай заплетать косы мужчинами и женщинами, костяные булавки и шилья, культ тотемных предков, геральдические орлы и др.) являются характерными не только для этих культур. Погребальная обрядность и инвентарный комплекс из грунтовых могил идентичны находкам из таштыкских склепов, хотя последние, по мнению Кызласова, оставлены тюркоязычными гянгунями-кыргызами. Видимо, в ряду сопоставлений исследователя более всего привлекали погребальные маски и куклы. Но, как уже говорилось, никаких "кукол" в таштыкских могилах нет, а маски, или "глиняные головы", специфичны только для памятников тесинского этапа тагарской и таштыкской культур в Минусинской котловине. Аналогии с этнографией обских угров или амурских нанайцев носят произвольный характер. Не подтверждают "угорской гипотезы" и материалы антропологии. Новейшие данные краниологии противоречат предположениям автора о принадлежности носителей тагарской культуры к "уральскому расовому типу"³⁴. Отметим, что сама по себе принадлежность к одной расе второго порядка еще не свидетельствует о генетическом родстве этносов. Выше приводились данные об отсутствии на Енисее угорской топонимики. Таким образом, гипотезу Кызласова об угорской принадлежности носителей тагарской и таштыкской культур и миграции угров в Западную Сибирь с Енисея в начале I тыс. н.э. надо признать безосновательной. Совершенно очевидно, что Минусинская котловина не являлась родиной древних угров. Как справедливо отмечал В.Н. Чернецов, древнехантыйская культура I тыс. н.э. в Нижнем Приобье формируется на древней местной основе³⁵. Гипотезу происхождения угров из районов Южной Сибири нельзя признать удачной. Какими-либо сведениями о пребывании угров на Енисее в рассматриваемую эпоху археологическая наука в настоящее время не располагает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белокобыльский Ю.Г. У истоков сибирской археологии. - В кн.: Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982, с. 10.

- 2 Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин. — ИЛАИ, Кемерово, 1973, вып. VI, с. 100; Мартынов А.И. История изучения древнейшего прошлого Сибири. — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 22.
- 3 Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения ..., с. 103.
- 4 Белокобыльский Ю.Г. Основные направления в развитии сибирской археологии в XIX в. — Изв. СО АН СССР, 1980, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 19.
- 5 Цит. по: Мартынов А.И. История изучения ..., с. 16.
- 6 Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения ..., с. 130.
- 7 Мартынов А.И. История изучения. ..., с. 23.
- 8 Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов. — Учен. зап. КНУИЯЛИ, Абакан, 1959, вып. VII, с. 72.
- 9 Там же, с. 73–74.
- 10 Там же, с. 74, примеч. 1.
- 11 Там же, с. 74, 75.
- 12 Там же, с. 76.
- 13 Там же.
- 14 Там же, с. 76–77.
- 15 Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 167.
- 16 Там же, с. 168.
- 17 Кызласов Л.Р. К вопросу ..., с. 76.
- 18 Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха ..., с. 172.
- 19 Там же, с. 174.
- 20 Кызласов Л.Р. К вопросу ..., с. 81.
- 21 Там же, с. 83.
- 22 Там же, с. 85.
- 23 Там же, с. 88.
- 24 Там же, с. 90.
- 25 Там же.
- 26 Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. — СЭ, 1966, № 1, с. 109.
- 27 Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири. — В кн.:

Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 368-369.

28 Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее. — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 306-307.

29 Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979, с. 66.

30 Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, М.-Л., 1956, № 48, с. 99.

31 Кызласов Л.Р. Раскопки в Оглах-тах. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 198-199.

32 Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 90.

33 Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 51-52.

34 Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977, с. 67-68.

35 Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. — МИА, М., 1957, № 58, с. 238.

А.П. Уманский

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ

“ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ” НА АЛТАЕ

Археологические памятники IV-V вв. н.э. известны на Алтае в незначительном количестве. Изучены они слабо, хотя первые из них были раскопаны более 100 лет назад. Еще в 1865 г. В.В. Радлов раскопал восемь курганов в могильнике Катанда 1 и три кургана на р. Берели в Горном Алтае. Сам исследователь относил эти курганы к началу железного века, но А.А. Захаров, опубликовавший материалы раскопок В.В. Радлова в Горном Алтае, оставил вопрос о датировке могильников Катанда 1 и Берель открытым. Только в 1956 г. М.П. Грязнов убедительно доказал, что могильник Катанда 1 относится к V в. н.э. В 1965 г. А.А. Гаврилова, предложив датировать курганы Берели V-VI вв., пришла к выводу о хронологической близости курганов Берели и Катанды 1¹. На равнинной части Алтайского края первые памятники IV-V вв. были выявлены М.П. Грязновым в ходе исследования древностей в урочище Ближние Елбаны, близ с. Большая Речка. В 1946-1949 гг. им же выделена группа памятников верхнеобской культуры (II-VIII вв. н.э.), первые этапы которой (по периодизации исследователя) частично (единцовский - II-IV вв.) или полностью (переходный - IV-V вв.) принадлежат

эпохе "великого переселения народов". К одинцовскому этапу М.П.Грязнов отнес два грунтовых могильника (на БЕ XII и БЕ XIV, всего 19 погребений), могилу у пос. Одинцовка, два захоронения у д. Иня и предположительно два кургана у г. Камень-на-Оби, а за пределами края – поселение и курганный могильник у с. Ирмень². Переходным этапом исследователь датировал грунтовые могильники на БЕ III и БЕ XII (всего 16 могил) и погребение на БЕ VII³.

В 60-е гг. список памятников IV–V вв. был дополнен А.А. Гавриловой одиночными впускными могилами в курганах 1 (Кокса), 5 (Яконур) и 6 (урочище Пазырык), причем первая из них датирована IV–V вв., а две последние – V–VI вв.⁴. В 1967 г. С.С. Сорокин раскопал два кургана на Балыктыкульском могильном поле⁵ и два, содержащих по одной могиле IV–V вв., – в урочище Пазырык⁵. Таким образом, несмотря на успехи советских археологов в изучении памятников II–V вв. н.э., задача исследования этого периода остается по-прежнему актуальной. В этих условиях большую научную ценность приобретают каждая случайная находка, каждый, даже разрушенный памятник IV–V вв.

В 1959 г. автором было доисследовано случайно обнаруженное уникальное не только для Алтая, но и для всей Сибири, "княжеское" захоронение IV–V вв. на р. Чарыше, близ с. Тутозвозово. В могиле, устроенной в склоне мыса, находился скелет тридцатилетнего мужчины с кольцевой деформацией черепа, положенного на спину, вытянуто, головой на юго-восток-восток. Глубина могилы от поверхности склона не превышала 1,8 м. В ней оказались палаш; кинжал в ножнах, окованных серебром и золотом; нож, лук гуннского типа; трехперые железные и трехгранные костяные со "свистунками" наконечники стрел; различные предметы снаряжения; орудия труда (проколкашило и др. поясные и сапожные пряжки, бляхи); украшения (золотая и серебряная гривны, перстень, золотая подвеска и др.). Многие вещи этого комплекса выполнены в полихромном стиле с использованием альмандина, сердолика, цветного стекла и пасты, широким применением зерни и скани⁶.

В 1962 г. в этом же пункте при закладке новых глиняных карьеров были выявлены три погребения. Они располагались в ряд, имели сходную ориентировку могильных ям и отстояли друг от друга на 3–3,5 м. Глубина одной из могил равна 0,8 м, двух других – 1,5 м. В них находились скелеты (два на спине, один – на правом боку), в вытянутом положении, головами на северо-восток-восток. В одной могиле инвентаря не было, в другой – найден только железный нож, в третьей – три железных трехперых наконечника стрел (у правой руки мужчины, где видимо, лежал колчан), железные удила с крупными кольцами на концах (около левой руки) и плохо сохранившийся железный нож (справа, у тазовых костей). Эта, последняя, могила была перекрыта горбылями, на них в засыпке ямы оказались кости ног лошади.

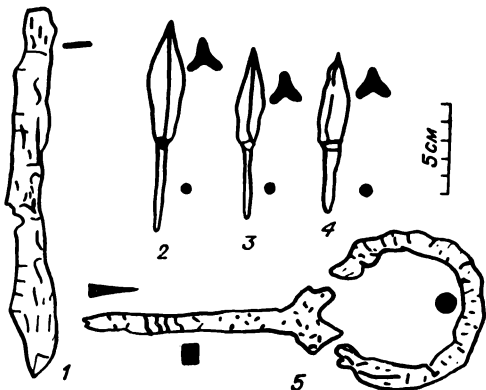
Не вызывает сомнений, что наконечники стрел, хотя они сохранились не полностью, принадлежат к тому же типу, что и найденные в "княжеской" могиле. Не противоречит этому мнению и тип удила (рис.1).

Рис. I. Находки из грунтового могильника близ с. Тугозвонovo. 1 — нож; 2—4 — наконечники стрел; 5 — удила. (Железо.)

Можно предположить, что в описанных выше могилах погребены участники "княжеских" похорон, убитые согласно существовавшему обычаю с целью сохранения тайны о месте погребения "князя".

В 1961 г. случайно были обнаружены погребения IV—V вв. на Елбане 2 (левый берег Алея близ с. Нечунаево). Все три могилы были грунтовыми, глубиной всего около 0,5 м. Во всех могилах скелеты находились на спине, вытянуто, в двух — головами на юго-восток, в третьей — на северо-запад. Черепа из могил юго-восточной ориентировки подверглись прижизненной кольцевой деформации. В этих двух могилах обнаружены костяной, с отверстием в верхней части крючок для подвешивания колчана к поясу; тонкая, с отверстием костяная изогнутая пластинка шириной 4 см, служившая, по-видимому, обкладкой устья колчана; семь костяных черешковых наконечников стрел (10—17 см длиной), два из них с треугольным, пять — с ромбическим сечением пера; железный трехгранный наконечник стрелы с черешком вдвое длиннее пера (это, а также срезы на концах каждого ребра говорят о том, что между пером и древком на черешке был полый костяной шарик — "свистунка", к сожалению не сохранившийся). Очевидно, к инвентарю могил относятся три черепка: один от небольшого сосуда с прямым округлым венчиком; другой — от горшка (?) с отогнутым наружу венчиком, орнаментированного насечками по венчику и рядом ямок по шейке; третий — от такого же сосуда, но украшенного двумя рядами насечек — под венчиком и по плечу (рис. II).

В 1962 г. нами было исследовано еще несколько грунтовых могил на Елбане 2, близ с. Нечунаево. Две из них обнаруживают известное сходство в погребальной обрядности с могилами, выявленными в 1961 г. Одна из вскрытых нами могил глубиной около 1 м имела перекрытие из березовых жердей, на ее дне находился потревоженный грабителями скелет человека, на спине, вытянуто, головой на северо-запад-запад. Из инвентаря в могиле уцелели лишь пять бронзовых бусин на обрывке ремешка. В другой могиле, братской, глубиной всего 0,50 м от уровня современной поверхности (в древней почве) на общей берестяной подстилке вповалку находились четыре скелета — один на левом боку, остальные — на спине, вытянуто, головами на северо-запад-запад. Они были прикрыты сверху берестой. Создается впечатление, что этих людей хоронили в большой спешке. В самой могиле вещей не было. Недалеко от нее оказалась яма, перекрытая бревнами (пустая), а рядом с ней — череп лошади. Наконец,

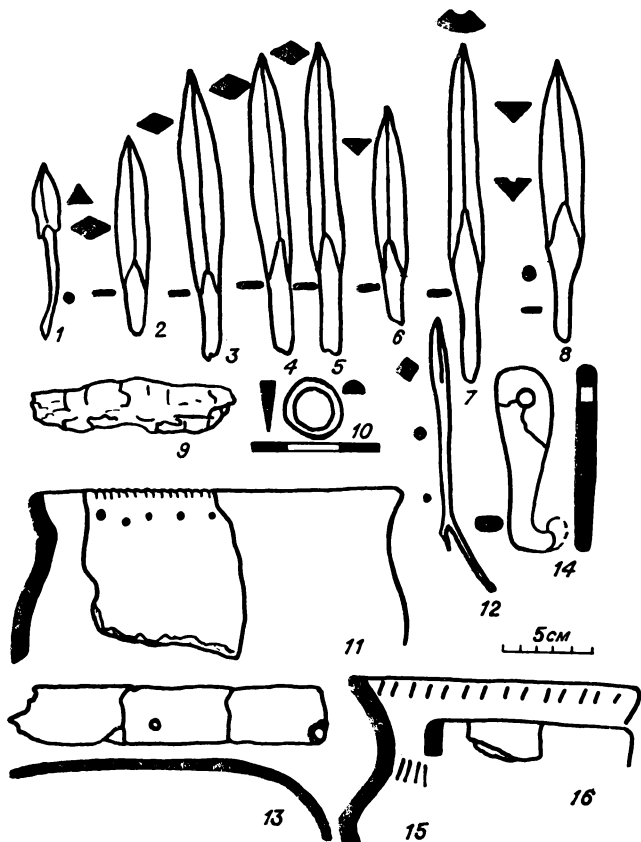

Рис. II. Находки из грунтового могильника на Елбане 2 близ с. Нечунаево.

1-8 - наконечники стрел; 9 - нож; 10 - бусина; 11, 15, 16 - сосуды; 12 - броневой наконечник стрелы; 13 - крючок из колчана (1, 9, 12 - железо; 2-8, 14 - кость; 10 - бронза; 11, 15, 16 - глина).

из разрушенной могилы (условно обозначена № 6) или из древней почвы между могил происходят броневой наконечник стрелы и обломок небольшого железного ножа (рис. II, 9, 12), дополняющие материал, полученный при раскопках на Елбане 2.

Аналогии инвентарю из нечунаевских могил, прежде всего наконечникам стрел, можно найти в коллекции из могил одинцовского и переходного этапов на Ближних Елбанах. Потому вполне допустимо датировать их (если не все, то по крайней мере могилы с деформированными черепами) IV-V в. н.э.⁷ Большое сходство обнаруживается между керамическими изделиями и сосудами, которые М.П. Грязнов считает относящимися к переходному этапу - IV-V вв.⁸ Они также круглодонные с отогнутыми венчиками, их орнамент состав-

ляют насечки по венчику, рямы ямок под ним или по шейке.

Небольшая глубина безынвентарных могил, наличие деревянного перекрытия в одной из них, а также берестяной подстилки и покрытия — в другой дают, наряду с находками костей лошади в древней почве, некоторые основания сближать их по времени с тугозвоновскими памятниками.

Еще одна группа могил IV—V вв. обнаружена в урочище Татарские Могилки (левый берег Чумыша, близ с. Степной Чумыш). В 1959 г. при выборке глины из карьера вместе с андроновскими могилами было разрушено погребение мужчины зрелого возраста. Скелет находился на глубине около 2 м в деревянной колоде, рядом с ней лежали кости 2- или 3-х детских скелетов. В 2 м от могилы мужчины обнаружено захоронение коня, который, вероятно, был погребен в положении стоя. Думается, что человек, обнаруживший могилу, ошибочно принял за колоду обычное перекрытие, типичное для могил IV—V вв. н.э., а коня, захороненного с подогнутыми ногами, — за стоящего. Видимо, не случайно в сборах наряду с верхнеобскими черепками оказались андроновские.

В погребении были собраны: часть палаша в железных ножнах, пять железных трехлопастных наконечников стрел ярусного типа (один из них с обломками "свистунка"); бронзовая пряжка с утолщенной спереди дужкой и длинным язычком; пряжка таштыкского типа (со шпеньком на дужке и длинным прямоугольным шитком); бронзовая пятилучевая колесовидная поясная бляха с "отростками" наподобие таштыкских пряжек; бронзовая бляшка, украшенная по краю выпуклинами; бронзовый костылек; обломки круглодонного горшка со срезанным вовнутрь венчиком, орнаментированного насечками, серповидными оттисками и полулунными ямками по тулову.

В 1963 г. нами были произведены раскопки в данном пункте. В ходе их обнаружены еще могилы IV—V вв.: одна из них — впускная в насыпь кургана, две — грунтовые. Все могилы были мелкими (глубина их от уровня древнего горизонта составляла всего 0,30—0,40 м). Умершие были положены на берестяные подстилки на спину, вытянуто, головами на северо-восток и покрыты берестой. Из этих захоронений получен ценный инвентарь: ножи, пряжки, наконечники стрел распространенных в IV—V вв. форм и типов, крючки для колчанов и др. Особенно богатой оказалась могила № 4, в которой были погребены двое мужчин-воинов (побратимы?). Здесь обнаружены два палаша; три выпукло-обушных ножа; два панцыря-нагрудника; двое удил с кольцами-псалиями во внешних концах звеньев; костяные накладки лука гуннского типа; семь железных трехперых наконечников стрел с уступами при переходе от пера к черешку и восемь костяных черешковых с ромбическим сечением пера; круглодонный горшок со срезанным вовнутрь венчиком, украшенный орнаментом в виде насечек по венчику и рядов серповидных оттисков; бронзовые и железные пряжки с неподвижными и подвижными язычками и др.⁹

В 1978 г. в урочище Татарские Могилки были возобновлены поиски памятников IV—V вв. В результате удалось обнаружить еще три погребения этого времени. В одной из них, глубина 0,40 м от

уровня древнего горизонта, обнаружен скелет женщины 45–50 лет, которая была положена на спину, головой на северо-восток-восток. На черепе ее видны следы прижизненной деформации. Из инвентаря найдены: круглодонный горшок черного теста с прямым венчиком, орнаментированный рядами оттисков двузубого штампа; медная проволоочная серьга с витой подвеской; обломки медного перстенька. На расстоянии 1 м от погребения в древнем дерне был обнаружен такой же, как и в могиле, горшок, но без орнамента. Недалеко от него лежали трубчатые кости лошади. В другой, такой же мелкой, могиле обнаружены лишь отдельные кости мужчины старше 40 лет и крупный раздавленный горшок, орнаментированный насечками по венчику и рядами подчетырехугольных ямок под ним. Третья могила была несколько глубже – 0,60 м от погребенного горизонта. На дне ее под берестяным покрытием и на подстилке из бересты находился скелет женщины 40–45 лет, которая была погребена на боку, головой на северо-восток-восток. В могиле найдены обломок железного ножа и трубчатая кость животного со следами обработки.

На этом могильнике, как и на верхнеобских могильниках БЕ, выявленных М.П. Грязновым, в древней почве или сразу же под ней обнаружены кости животных (в основном лошади), вне могил стояли сосуды, различные бытовые предметы. Нами на территории могильника были найдены курант и обломки нижнего камня зернотерки, точильные камни, железные удила (в том числе одни с плоскими большими, свободно вращающимися, кольцами-псалиями), черепки от сосудов.

Могины, вскрытые нами в 1978 г., по обряду, устройству, ориентировке и положению погребенных, а также инвентарю принадлежат к серии погребений, впервые выявленной здесь в 1959 и 1963 гг. Их керамика по технологии и технике изготовления, орнаментации и другим признакам принадлежит к единцовско-переходным типам и, следовательно, может быть датирована IV–V вв.¹⁰

В последние годы были открыты новые памятники IV–V вв. В урочище Раздумье 1, в Усть-Алейке 1, на оз. Анисимово и в ряде других мест обнаружена керамика верхнеобского облика. Сделаны интересные случайные находки, из которых следует упомянуть котел гуннского типа из с. Черно-Курья. Котел пулевидной формы с узким дном, без поддона, с полукруглыми ручками, увенчанными грибовидными отростками. Поверхность его орнаментирована горизонтальным и вертикальным рельефными поясами. Ближайшими типологическими аналогами ему являются изделия, найденные в Поволжье (Старая Иванцовка, Еремеевка, Некрасово)¹¹. По западным аналогам котел из Черно-Курья может быть датирован позднесарматским временем – III–IV вв.

Новые материалы, несмотря на их фрагментарность, обогащают наши представления о социально-экономической, политической, культурной и этнической истории Алтая в IV–V вв. Судя по незначительному культурному слою поселений, малочисленности кладбищ этого периода, сравнительно небольшому числу могил на них, можно предполагать, что различные племена в ходе великого переселения не останавливались на Алтае на длительное время. Неизменное при-

существование оружия (наконечники стрел и копий, остатки луков, палаши, кинжалы, защитные доспехи) в могилах Катанды 1, Коксы, Пазырыка, Тугозвонова, Нечунаева, Большой Речки, Степного Чумыша и других памятников II–IV вв. отражает тревожную политическую обстановку в этом регионе, что было вызвано в основном массовыми передвижениями племен через его территорию.

По имеющемуся материалу можно заключить, что население Алтая в IV–V вв. было полиэтническим, разноязычным. В пользу этого утверждения свидетельствуют особенности погребальной обрядности (разные типы могил, различная ориентировка погребенных), находки. Об этом же говорят различные типы деформации черепа (кольцевая – в Тугозвонове, Нечунаеве; пластинчатая – в Степном Чумыше, Большой Речке). Исходя из различий в погребальной обрядности и инвентаре могил населения Алтая, IV–V вв. пазырыкско-шибинских племен Горного Алтая, большереченских племен лесного правобережья Оби (а также кулайских племен, которые, по мнению Т.Н. Троицкой, в этой зоне расселялись в I–III вв.) и выделенных нами каменных племен лесостепной зоны, населявших последнюю во второй половине I тыс. до н.э., логично полагать, что население Алтая в IV–V вв. не было аборигенным. Прежнее население этого региона, очевидно, было вовлечено в мощный поток "великого переселения" и покинуло его равнины и горы, на некоторое время здесь расселились пришельцы.

При сегодняшнем состоянии изученности памятников IV–V вв. на Алтае на вопрос об этнической принадлежности их отдельных групп можно ответить лишь предположительно. Что касается группы верхнеобских памятников лесного правобережья Оби, то, с точки зрения М.П. Грязнова, ее следует связывать с угорским этносом¹². Он считает, что в верхнеобское время древние угры мигрировали с северо-запада в район Верхнего Приобья¹³. По мнению Л.Р. Кызласова, который проанализировал погребальный обряд и инвентарь таштыкских и верхнеобских племен, памятники верхнеобской культуры являются свидетельством продвижения раннеташтыкских племен в бассейны Оби и принадлежат смешанному угро-самодийскому этносу¹⁴. На первый взгляд может показаться, что этот вывод подтверждают и материалы могилы IV–V вв. в урочище Татарские Могилки, а также захоронения в насыпях более ранних курганов (здесь встречаются типично таштыкские вещи – котловидный сосуд из могилы № 6 в кургане 6 урочища Раздумье IV; кувшинчик с высокими плечиками и узкой горловиной, напоминающий более поздние "кыргызские вазы" и бочонковидный сосуд с горловиной на боку из могилы № 1 в кургане 4 близ с. Масляхи). Но следует учитывать, что такие находки пока единичны и большая часть бочонковидных сосудов (сейчас их на Алтае известно свыше десяти) из курганов выделенной нами каменной культуры IV–II вв. до н.э. отличается от изыских отсутствием налепного орнамента, но обнаруживает больше сходства с аналогичными сосудами Казахстана и Средней Азии (например, джетыясарской культуры в Приаралье). Однако область обитания угров или угро-самодийцев в IV–V вв., видимо, ограничивалась лес-

ной полосой правобережного Верхнеобья. Что касается Горного Алтая, то в IV–VI вв. здесь, по мнению А.А. Гавриловой и С.В. Киселева, жили племена тейлэ (теле), которые считаются потомками сюнну-хунну¹⁵. С гуннским этносом, вероятно, надо связывать племена Юго-Западного Алтая, расселявшиеся в IV–V вв. в бассейнах верхнего и среднего течения левых притоков Оби – Чарыша и Алая. Известно, что часть гуннов, смешавшись с юэжками, основала в Семиречье княжество Юэбань. Оно существовало во II–V в. н.э. на обширной территории, прилегающей к обоим берегам Иртыша. На северо-востоке границы этого княжества подходили к самым верховьям Катунь, Чарыша и Алая. По мнению Л.Н. Гумилева, юэбань – это хунны, которые подверглись очень сильному влиянию культуры согдийцев, результат смешения хунну и юэжжи¹⁶.

Дальнейшие исследования археологических памятников эпохи "великого переселения народов" на Алтае позволят со временем заполнить белые пятна в этнической истории Алтая I тыс. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л., 1965, с. 5, 55, 54; Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – МИА, М.–Л., 1956, № 48, с. 123.

² Грязнов М.П. История древних племен..., с. 99–144.

³ Там же, с. 117–126.

⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 52–57.

⁵ Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка. – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1977, № 18, с. 57–67.

⁶ Уманский А.П. Погребение эпохи великого переселения народов на Чарыше. – В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 129–163.

⁷ Грязнов М.П. История древних племен..., табл. XXXII, 3–8, 13–15; XXXIII, 2–4; XXXIV, 1–4, 6–20; XXXVIII, 5–11; XLV, 18, 19; XLVII, 4, 5, 9–11.

⁸ Там же, табл. XLVII, 7–9; XLVII, 1, 2.

⁹ Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. – В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 136–149.

¹⁰ Там же, с. 139–141.

¹¹ Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolga-Gebiets im Jahre 1926.

Pokrowsk, 1928, S. 40, Abb. 33; Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, tab. 38,8; Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. — СА, 1966, № 1, с. 52, рис. 1-4.

¹² Грязнов М.П. История древних племен..., с. 113.

¹³ Там же.

¹⁴ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 171-172.

¹⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 57.

¹⁶ Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960, с. 240.

Ф.Х. Арсланова

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ
УРАЛО-АЛТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В IX-X вв.

Проблема историко-культурного наследия кимаков одна из актуальных и малоизученных в истории Казахстана. Кимаки, представлявшие сложное этно-политическое объединение, принимали участие в генезисе казахского народа. Письменные свидетельства отмечают, что они объединяли семь племен (по Гардизи) или "много племен" (по Худуд-ал-Аламу). Культурно-исторический анализ погребальных обрядов средневекового населения Прииртышья позволяет выделить несколько отличных друг от друга типов погребальных сооружений и, в свою очередь, подтверждает данные арабо-персоязычных источников о многоплеменности кимаков. Анонимный персидский автор X в. в географическом сочинении "Худуд-ал-Алам" сообщал: "область кимаков представляет страну... к востоку (от которой. — Ф.А.) живет разновидность киргизов... Кыркырман есть другая область из [(числа)] кимакских. Население ее по некоторым нравам похоже на киргизов"¹.

На основе новых археологических материалов, полученных из рассматриваемого региона, установлено, что после разгрома уйгуров в 840 г. кыргызы достигли Иртыша и жили совместно с кимаками, испытывая их культурное влияние. На это указывает наличие курганов кыргызов, расположенных на кладбище кимаков (Зевакино, Джарта-с)². Вместе с тем изучение накопленных вещественных источников и данных о похоронных обычаях, прослеживаемых по прииртышским курганам, позволяет выделить ряд деталей, характерных для материальной и духовной культуры самодийско-угорского населения Западной Сибири и Приуралья. Сходство это намечается прежде всего в

топографии курганных могильников, расположенных на высоких берегах рек или озер. Обычно это невысокие округлые в плане насыпи из песка или обломков скального камня диаметром 3,5–15 м и высотой 0,2–1 м. Захоронения (от двух до семи в каждом кургане) расположены радиально или параллельно друг другу по линии запад–восток. Наряду с захоронениями взрослых в курганах зафиксированы погребения детей. Грудные дети чаще всего положены вместе с родителями, а дети шести–семи лет и подростки – в отдельных ямах, по форме аналогичных могилам взрослых.

Широкое распространение деревянных сооружений в виде колоды или прямоугольной рамы, покрытой плахами или берестой, наличие древесного угля в насыпи могил, а также следов огня на костях – все это сближает прииртышские памятники с погребальными сооружениями Алтая, Западной Сибири, Приуралья (Бекешевские курганы) и Прикамья (Больше-Тиганский могильник). Приведенные в качестве аналогий памятники оставлены смешанным населением лесного и лесостепного районов, в этногенезе которого участвовали угорские племена. В этой связи любопытна деталь погребального обряда, характерная для данного круга курганов: в насыпях, кроме остатков тризны (следы костров, кости животных, фрагменты сосудов), имеются ритуальные захоронения нижних челюстей или целых черепов, а иногда только отдельных костей ног лошади. Материалы Прииртышья убедительно показывают совмещение религиозных ритуалов, традиционных как для тюркоязычных кимаков, так и для угро–самодийского населения Западной Сибири.

Типичными для кимаков памятниками являются округлые насыпи из колотого скального камня. Их диаметр 8–15 м, высота – 0,5–1,5 м. Захоронения производились в глубоких (1,5–3,2 м) ямах с приступками (реже в подбое) по обряду ингумации, с характерной ориентировкой на восток. Вместе с умершим мужчиной–воином непременно хоронили боевую лошадь (иногда одна или две запасные), а также совершали поминальный обряд. После смерти мужчины соблюдался обычай приношения в жертву лошади, овцы или кулана; после смерти женщины и ребенка – только овцы. В погребения мужчин–воинов клали золотые или бронзовые серьги, наборный пояс (иногда два), нож, огниво, наконечники стрел в колчане, лук, саблю, копье, реже боевой топор, принадлежности конской сбруи. В женских могилах наряду с украшениями (серьги, бусы, перстни, браслеты) встречаются нож, реже остатки конской сбруи и культовые предметы. Возможно, эту группу памятников и надо связывать с племенем йемеров, входившим в Западно–Тюркский каганат, а позднее ставшим ядром кимакского племенного союза³.

Таким образом, исследованные погребальные комплексы характеризуют различные похоронные обычаи населения Прииртышья и являются археологическим свидетельством сложного этногенетического процесса, захватившего и соседние угро–самодийские племена, которые с различной степенью активности включались в кимакское объединение. Синкретизм культуры определенной группы кимаков подтверждается и набором вещей, характерных для лесных и лесостепных

областей, в частности глиняными сосудами с фигурно-штамповым орнаментом. Традиционное производство подобной посуды в Западной Сибири, Прииртышье и Приуралье имеет общие корни, уходящие в культуры предшествующего периода (по мнению В.А. Могильникова⁴ и Е.А. Халиковой⁵ – в саргатскую культуру Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана). Одновременно отметим в каждом узко-локальном регионе специфические стилевые черты в композиционном построении орнамента. Особого внимания в этом плане заслуживают схематические антропоморфные изображения на ряде сосудов Обь-Иртышского междуречья и Приуралья (Малая Тебендя⁶, Имшегал⁷, Бобровка⁸, Старо-Халилово и Каранаево⁹). Многофигурные антропоморфные композиции (с поднятыми и соединенными руками) отражают представления финно-угров. Косвенным подтверждением этому являются схематические изображения женских фигур на ритуальных предметах дьяковской культуры¹⁰. О проникновении в культуру кимачев угро-самодийских элементов свидетельствуют и женские украшения. Среди них обращают на себя внимание привески листовидной формы, ромбические или округлые бляхи, входящие в состав ожерелья и нагрудных украшений. По мнению Д.Г. Савинова, подвески в виде птиц, ажурные, листовидной формы, а также антропоморфные типичны для сросткинской культуры¹¹. Этот вывод не вызывает возражений, так как круг памятников, содержащих описанные изделия, входит в ареал тюрко-угро-самодийского этноса. Специфическими для лесного населения Западной Сибири являются объемные и плоские отлитые антропоморфные изображения, а также привески в виде рыб, птиц, птицевидных идолов с человеческой личиной¹². Несколько видоизменившиеся по форме и технике исполнения застёжки и привески со схематическим изображением личины на стилизованном теле птицы имели магическое значение у населения изучаемого региона. На всех известных нам восьми экземплярах личины – три округлые или овальные отверстия (глаза, рот). Подобное изображение есть на бляхе Бекешевского кургана¹³. Особенно важно, что эти изделия происходят из курганов, расположенных в ареале распространения тюрко-угро-самодийского населения. Изображения личин, исполненные в различной манере, зафиксированы на бляхах и пряжках мужских поясов и имеют достаточно широкое распространение в Евразии.

С урало-алтайским кругом памятников связаны изображения рыб. К настоящему времени известно восемь бронзовых объемных, реалистично исполненных фигурок рыб. Интересно отметить, что шесть таких изображений рыб происходят из женских захоронений Обь-Иртышского междуречья, содержащих также вышеупомянутые листовидные привески, ромбической формы нашивки, серьги с литыми или составными массивными подвесками желудевидной формы, покрытыми "жемчужинами", которые имитируют зернь. По обряду погребения и инвентарю все захоронения можно датировать IX–X вв. Важно, что исполненные в одинаковой манере четыре скульптурки рыб из Мало-Панюшевского¹⁴, Трофимовского¹⁵, Зевакинского¹⁶ и Карашатского¹⁷ курганов имеют одинаковый по сюжету орнамент. Обычно он покрывает всю поверхность тулова рыбы. На всех экземплярах свое-

образно изображено древо жизни. Пышные ветки стилизованного трилистника вырастают из шестилепесткового цветка. Вся эта композиция включена в овал и повторяется дважды. Три шестилепестковых цветка, расположенные друг над другом, связаны между собой центральным стеблем. При этом на плавниках всех четырех рыб изображен заштрихованный поперечными рельефными линиями лист. Подобный лист нанесен также между верхним и средним цветком. Сходные изображения заштрихованных листьев покрывают крылья сэнмурва, льва и верблюда на металлических среднеазиатских и сасанидских сосудах¹⁸. Многие элементы растительного орнамента (цветы, листья) заимствованы в искусстве стран Востока и творчески переработаны местными мастерами. Так, на поверхности "рыбки" из разрушенного кургана у с. Выдрихи Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области изображены расходящиеся из одного стебля трехлепестковые цветы, которые составляют самостоятельные композиции, отделенные друг от друга рельефно переданным кругом. В данном орнаментальном стиле прослеживается живучесть сасанидских традиций, но воплощенных в местной манере. На остальных экземплярах орнамент отсутствует или схематично (подковообразными линиями) передает чешуйки. В этой связи представляет интерес предположение Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой о том, что изображение рыбы считалось принадлежностью шаманского культа¹⁹. Действительно, образ рыбы был связан с широким кругом языческих представлений, переплетающихся и со сложным мифом о сэнмурве. Важно, что в коллекции находок из этих погребений были предметы с изображением птиц, зверя, растительным узором. Любопытным фактом является и наличие в трех курганах (у сел. Зевакино, Бобровка, Выдриха) своеобразных подвесок, напоминающих силуэт птицы с распростертыми крыльями. Анализируя мужские пояса, найденные в погребениях, подчеркнем черты сходства в их устройстве и в украшении. На поясных бляхах из Прииртышья, Приуралья и Прикамья присутствует характерный бордюр из овальных и округлых бугорков или рельефных полос с насечками и ямками, окаймляющий основной узор из розеток. Большой интерес представляет поясной набор из кимакского погребения в урочище Кызыл-каин Уланского района Восточно-Казахстанской области. По изяществу исполнения и сложности узора, составленного из декоративного элемента "три шарика на стебле" в сочетании с разнообразием форм блях, он близок ранневенгерским изделиям из Больше-Тиганского²⁰, Танкеевского²¹ и Чишминского²² могильников. Сходные элементы орнаментальных мотивов прослеживаются и в материалах Урала и Прикамья²³. Обращает на себя внимание близость орнамента "три шарика на стебле" на прииртышских бляхах узорам на произведениях торовтики Хорезма и Согда. Вместе с тем в украшениях на прииртышских бляхах можно заметить элементы орнамента, типичного для тюркского серебра VII в. Наличие рельефного бордюра в виде шариков или выпуклых полос с насечками на кимакских и ранневенгерских бляхах является отражением тюрко-согдийских приемов в оформлении сосудов VII-VIII вв., а также поясной гарнитуры алтайских тюрков²⁴. Известно, что распространение в VIII-IX вв. в

Башкирии и Прикамье сибирских типов пряжек и блях связано с сильным тюркским влиянием на эти области, которое началось на рубеже VIII в.²⁵ Аналогичные явления отмечались и в отдельных районах Поволжья. Расширение сибирских форм металлических украшений поясов, конской сбруи и появление новых черт в похоронных обычаях IX–X вв. связывается "с приходом новой тюркской волны народов"²⁶. В этих событиях участвовали, очевидно, и кимаки. Продвижение их было обусловлено появлением в IX–X вв. в пограничных лесостепных районах кыргызов. На последующем этапе (первая половина XI в.) кимаки – носители смешанного населения – уверенно дошли до самой Волги.

В заключение отметим, что существование различных способов захоронения у кимаков Казахстанского Прииртышья могут быть объяснены разнородностью населения IX–X вв. Элементы духовной и материальной культуры кимаков, свойственные для памятников лесной и лесостепной зоны Западной Сибири, свидетельствуют о том, что одним из составных этнических звеньев этого сложного многоязычного объединения были угро-самодийцы. Намеченное сходство в обряде погребения, предметах быта, украшениях кимаков и ранних венгров объясняется общими истоками угоро-самодийских культур Сибири и Урала, а также контактами степного населения Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бартольд В.В. Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. Л., 1930, с. 186.
- 2 Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. – В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 75; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 121; Трифонов Ю.И. Работы на могильнике Джартас. – В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 444.
- 3 Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам. – Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1962, т. 15, с. 118–119.
- 4 Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре. – В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 85.
- 5 Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. – СА, 1976, № 3, с. 154.
- 6 Могильников В.А. Исследование Малотебендинских курганов. – КСИА, 1969, вып. 120, с. 90.
- 7 Конилов Б.А. Новые материалы I тыс. н.э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область). – В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 67.

- 8 Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья. – В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 81.
- 9 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977, с. 225.
- 10 Розенфельдт И.Г. Детали ритуальных поясов с позднебьяковских городищ. – СА, 1980, № 1, с. 271.
- 11 Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X вв. н.э. по данным археологических источников. – В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 97.
- 12 Чиндина Л.А. Могильник Релка на средней Оби. Томск, 1977, с. 41; Коников Б.А. Зооантропоморфные изображения эпохи раннего средневековья из Омского Прииртышья. – В кн.: Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980, с. 42.
- 13 Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981, с. 59.
- 14 Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребения IX–X вв. в долине р. Алей на Алтае. – СА, 1982, № 2, с. 182.
- 15 Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. – Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1959, т. 7, с. 49.
- 16 Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. – В кн.: Тюркологический сборник. М., 1973, с. 307.
- 17 Архив ИИАЭ АН КазССР, З.С. Самашев. Раскопки могильника Карашат I, с. 24.
- 18 Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971, с. 38, 39.
- 19 Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет . . . , с. 50.
- 20 Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник. – СА, 1976, № 2, с. 162.
- 21 Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. – В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 162.
- 22 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, с. 22.
- 23 Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на верхней Каме. – ВАН, 1970, № 9, табл. 34; Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам Прикамья). – КСИА, 1979, № 158, с. 101.
- 24 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л., 1965, табл. XV, 2; XIX, 1; Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 97–98.

25 Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. – В кн.: Проблемы археологии и древней истории утров. М., 1972, с. 108–109.

26 Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге. – В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 80.

Ю.Ф. Кирюшин, А.М. Малолетко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВАСЮГАНЬЯ

Территория Васюганья начала заселяться племенами охотников и рыболовов уже 8300 лет назад (СОАН-1476)¹. Это, видимо, были небольшие группы позднемезолитических охотников и рыболовов Урала. Позднее, в эпоху неолита и раннего металла, здесь складываются своеобразные культуры, для которых характерно постепенное перерастание "отступающе"-накольчатой техники орнаментации сначала в "отступающе"-гребенчатую, а затем – в печатно-гребенчатую². В конце II тыс. до н.э. в Верхневасюганский район из Прииртышья проникают андроновидные племена с традициями резной геометрической орнаментации керамики. В памятниках Чаинско-Парабельского района имеются предметы с аналогичным узором, но нанесенными таким же, как и в памятниках еловской культуры Приобья, мелкозубым гребенчатым штампом. Появление данной техники свидетельствует о вытеснении еловских племен из лесостепной в таежную зону, а освободившиеся районы были заняты населением ирменско-карасукского типа. Орнаментация, характерная для керамики еловской культуры, стала применяться и местными таежными племенами. В конце бронзового века население еловской культуры было полностью ассимилировано местным, таежным. В орнаментации начинают снова преобладать старые традиции (крупнозубая гребенка, ряды ямок), хотя сохраняются и некоторые привнесенные элементы. Особенностью этого периода является постепенное сближение традиций орнаментации керамики населения Верхневасюганского и Чаинско-Парабельского районов, но оно было нарушено вторжением еловских племен.

В переходный период от бронзы к железу на базе еловских племен эпохи поздней бронзы происходит формирование кулайской культуры. Этот процесс хорошо прослеживается на материалах ряда памятников: Нововасюганское поселение, поселения Тух-Эмтор I, IV, Тух-Сигат IV и др. В орнаментации и форме сосудов раннекулайских памятников отчетливо видны черты, специфичные для поздней бронзы этого района. Орнамент ранней кулайской керамики включает такие элементы, как оттиски мелкозубой гребенки, образующие треугольники, горизонтальные пояса и наклонные линии, Г-образные фигуры, взаимопроникающие треугольники и ряды горизонтальной елочки.

Некоторые позднебронзовые сосуды украшены линиями в виде зигзагов. Эти линии составлены из S-видного печатного штампа, который позже на кулайской керамике получает название "уточка" и является в настоящее время основным культурным признаком кулайских памятников. По материалам Васюганья четко видно, что орнамент "уточка" вырастает не из Г-образных заштрихованных фигур, а из обычного треугольного зигзага, который стали наносить S-видным штампом, составляющим полтора звена треугольного зигзага. Таким образом, можно уверенно говорить о местной, таежной (еловской) основе кулайской культуры³. Находит соответствие в еловских памятниках и культовое кулайское литье. Так, на Еловском поселении и в Еловском могильнике I (курган 14) встречены костяные изображения лоша, в Еловской могиле 73 Еловского могильника II вместе с умершим были захоронены две лосиные головы⁴.

Первые памятники Васюганья, которые имеют твердую этническую привязку, находятся в верховьях Васюгана и датируются второй половиной I тыс. н.э. Это, в частности, городище Тух-Эмтор, открытое одним из авторов в 1972 г. на оз. Тух-Эмтор у пос. Озерного, в 40 км восточнее пос. Новый Васюган⁵. Городище, окруженное валами и рвами, состояло из двух частей — основной, большой и малой, пристроенной в юго-восточной части, видимо, в более позднее время. Предания о далеком прошлом местных жителей, хантов, рассказывают, что здесь (на месте городища) жили когда-то предки хантов, до настоящего времени сохранилось местное название этого места "Вач-Вала" — "Города места". При раскопках городища в 1973 г. были найдены железные наконечники стрел различных типов, железные ножи, железные иголки с ушком, бронзовые пуговицы, бронзовые обкладки ножен и многочисленные фрагменты круглодонных сосудов⁶, аналогичных находкам третьей типологической группы с городищ Ус-Толт и Вож-Пай. В.Н. Чернецов относил эти памятники к датируемому им VI–IX вв. н.э. оронтурскому этапу нижнеобской культуры⁷, которая им рассматривалась в основном как древнехантская⁸. По материалам раскопок юго-западной части городища Тух-Эмтор была получена радиоуглеродная дата 530 ± 50 г.н.э. (СОАН-1462), а для юго-восточной части 1010 ± 20 г. н.э. Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о том, что ханты обитали на озере Тух-Эмтор уже во второй половине I — начале II тыс. н.э.

Изучение орнаментации керамики городища Тух-Эмтор выявило ее большое сходство с керамикой поздней бронзы и раннекулайской эпохи из этого района. Эта посуда также украшена гребенчато-ямочным орнаментом. Оттиски гребенки образуют горизонтальные и наклонные линии, ряды елочки, взаимопроникающие треугольники. По нашему мнению, это сходство не является случайным, а свидетельствует о том, что более ранние племена Васюганья приняли участие в формировании культуры предков современных хантов Васюганья. Мы не беремся пока утверждать, что культура предков современных хантов полностью формировалась на базе кулайской, а та, в свою очередь, связана с еловской, но, несомненно, какой-то местный пласт

принял в этом процессе участие. Так, у истока р. Тух-Сигат, вытекающей из оз. Тух-Эмтор, с конца XIX в. известно культовое место "Кяхи-Пяй" – "Место молотов". Упоминание об этом месте есть у С.В. Иванова⁹. Интересный обычай, связанный с этим местом, зафиксирован этнографами В.М. Кулемзиным и Н.В. Лукиной. Весной река перегораживалась запором: каждый мужчина, начинающий заниматься промыслом рыбы на данном месте, изготавливал молот в виде головы лося и ставил его в определенном месте. Согласно поверью, водный дух ночью укреплял расшатанные колья запоров, вгоняя их молотом глубже в землю¹⁰. Известна и несколько иная трактовка этого обычая. По рассказам жителей пос. Озерного, хант, достигший определенного возраста и начинающий самостоятельный рыбный промысел, должен был у запора на р. Тух-Сигат (а такой запор ставился на несколько семей) изготовить молот в виде головы лося, сделать им первый символический удар по колу запора, а затем унести его на берег и поставить у кедра в месте, которое называлось "Кяхи-Пяй". Ночью, когда рыбак спит, злой водяной дух (злой потому, что иногда топил рыбаков) размывает колья запора, а верховное божество Торум забивает их глубже в землю. В 1972 г. на этом месте было обнаружено еще около полутора десятков этих молотов, различных размеров – от 0,5 до 2 м. Все они были изготовлены из кусков ствола лиственницы, которая долго сохраняется. Особенно тщательно была вырезана голова лося, рукояти многих молотов украшены резными фигурами. Здесь были взаимопроникающие треугольники, зигзаги, пирамиды из треугольников (такие же, как на андроновских сосудах), на некоторых молотах были вырезаны изображения рыб. Данные элементы орнамента аналогичны деталям украшений на еловской и кулайской керамике этого района. Тухсигатские изображения лося чрезвычайно напоминают бронзовые фигурки этих животных из кулайских кладов. Представляется, что в основе бронзовых и деревянных кулайских изображений у хантов лежат представления, связанные с рыболовческим культом и заимствованные у родственного населения. Прослеживается вполне определенная этническая связь хантов Васюганья с племенами кулайской культуры и через них – с населением эпохи бронзы этого района.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Фирсов Л.В. Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпоху неолита и бронзы. – В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979, с. 62.

² Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979, с. 85–91.

³ Там же, с. 154–162.

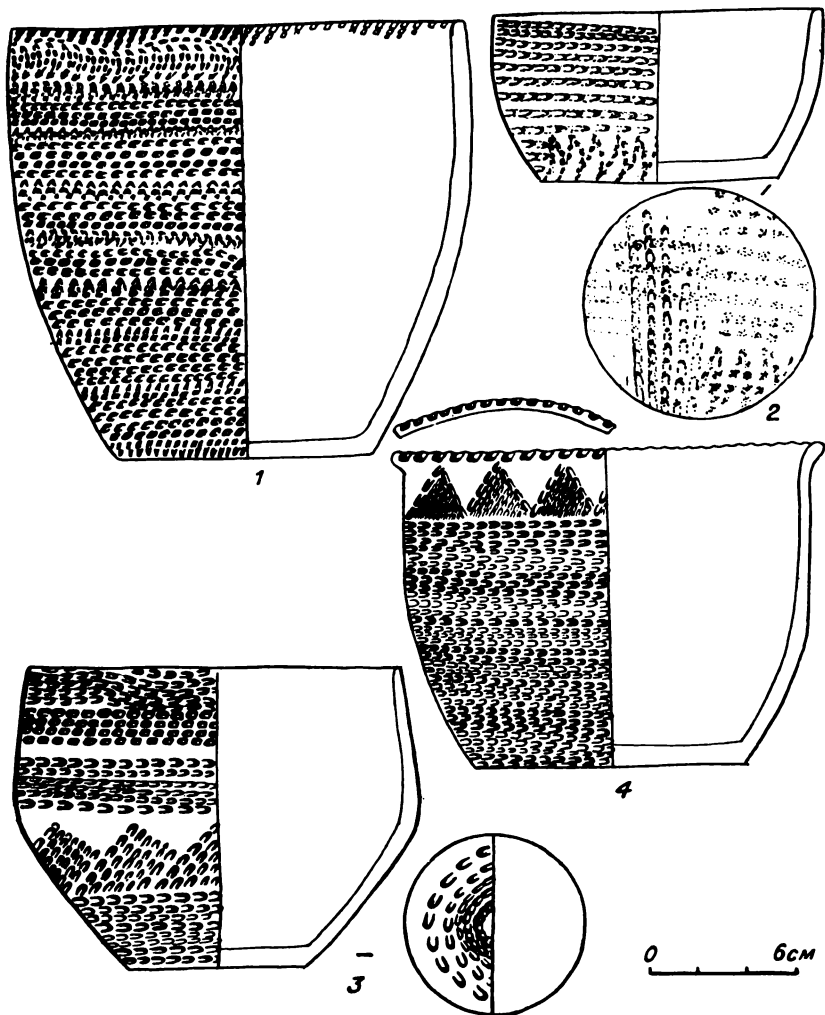

Рис. 1. Керамика елунинской культуры.

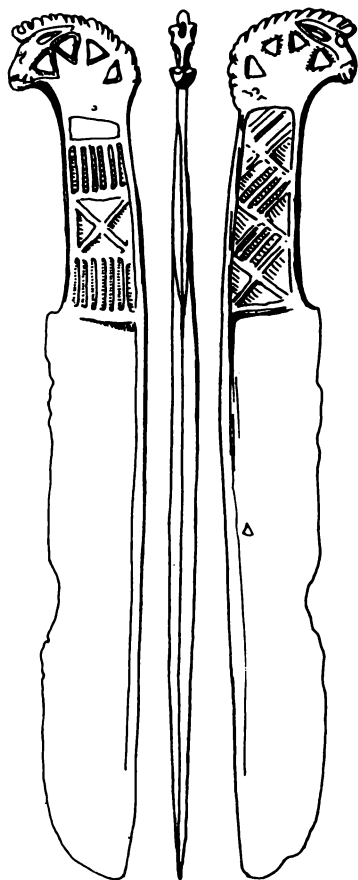
1, 2 – Елунинский грунтовый могильник I; 3 – поселение Озерки Восточные; 4 – могильник Староалейка

умерших клали в вытянутом положении, на спину, головой на северо-восток. Были выявлены и ярусные, коллективные (2–6 чел.), вторичные захоронения и несколько случаев кремации⁹. Он также отмечает, что костяки часто посыпались охрой, в могилах встречается большое количество каменных и костяных наконечников стрел, гарпунов, бронзовых ножей, шильев, игл, украшений из бронзы, золота и серебра, многосоставных литейных форм. Сосуды чрезвычайно редки. В могильниках Алтая наблюдается иная картина: преобладает трупоположе-

Рис. II. Бронзовый нож из Елунинского грунтового могильника I.

ние, причем умерших хоронили на левом боку в скорченном положении, головой на северо-восток. Встречаются отдельные вторичные захоронения и редкие могилы с трупосожжением. Днища могил в отдельных случаях посыпаны охрой. Среди погребального инвентаря преобладают сосуды, лишь в одной могиле Елунинского грунтового могильника I был встречен великолепный бронзовый нож сейминско-турбинского типа со скульптурным навершием. Рукоять ножа с одной стороны украшена заштрихованными ромбами, а с другой — такими же квадратами. В верхней части ножа имеются четыре треугольных отверстия, напоминающие изображение расходящихся солнечных лучей, поверх которых вылита голова лошади с развевающейся гривой. У лошади длинные острые уши и крупные ноздри (рис. II) (не исключено, что в этом украшении нашел проявление какой-то культ, возможно связанный с представлением о солнечном или небесном коне). Она чрезвычайно похожа на лошадь, изображенную на ноже из Ростовкинского могильника¹⁰. В этой же могиле были найдены каменный оселок и сосуд баночной формы, украшенный оттисками крупнозубого "отступающего" штампа, иногда переходящего в "шагающий". В одной из могил на Староалейке II найдены два каменных песта и зубы коровы, а в могиле 4 Елунинского могильника — почти полный скелет овцы. В этой могиле был захоронен человек, которого В.А. Дремов относит к европеоидному типу.

Находки на поселениях более многочисленные. Вместе с керамикой встречаются каменные наконечники дротиков, скребки, режущие наконечники стрел и гарпуны с одним или двумя крупными зубцами. Представляется, что эти два типа орудий использовались для охоты из самострела на крупных животных. На поселении Костенкова Избушка найдены две крупные мотыги. Встречаются кости домашних и диких животных. Среди первых преобладают кости низкорослой лошади, кости крупного и мелкого рогатого скота встречаются реже. Кости диких животных принадлежат в основном лосю, оленю, медведю. По мнению А.В. Гальченко, лошадь, остатки которой встречены на памят-

никах Алтая, была местной, сибирской, высота ее в холке не превышает 1,1–1,3 м. О развитии скотоводства у племен Южной Сибири в предандроновское время писал М.П. Грязнов¹¹. Л.Я. Крижевской было найдено захоронение двух бычков на раннебронзовом поселении Кокуй 2 в Западной Сибири¹². Наличие скотоводства у кротовцев отмечал и В.И. Молодин¹³.

Все вышеперечисленные особенности дают основание говорить о существовании в предандроновское время в лесостепном Алтае самостоятельной археологической культуры, которую мы по могильнику у с. Елунино предлагаем назвать елунинской. Племена елунинской культуры жили в основном по берегам озер или небольших рек, где были лесные массивы. Видимо, это было связано с ведением комплексного хозяйства, требующим большой подвижности.

Иная картина наблюдается в могильнике на Комсомольском Мысу, где были встречены две могилы с трупосожжением на стороне, остатки которого были густо посыпаны охрой, что является характерной чертой ранних памятников Приобья¹⁴, а в остальных – преобладает труположение на левом боку с северо-восточной ориентацией. В последних уже появляются бронзовые предметы. По могиле 2 Елунинского грунтового могильника I получена радиоуглеродная дата 3560 ± 30 лет (СОАН-1893) или 1610 ± 30 г. до н.э., т.е. она укладывается в рамки XVII–XVI вв. до н.э. Нам представляется, что начало выделенной культуры следует отнести ко II тыс. до н.э. (эпоха раннего металла), а закат определить временем прихода на Алтай андроновского населения, тем более, что на ряде памятников имеется керамика, сочетающая андроновские и предандроновские черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби. – МИА, М., 1956, № 48, с. 14–44.

² Уманский А., Демин М. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная. – В кн.: Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974, с. 3–18.

³ Матющенко В.И. Самусьская культура. – Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 9, с. 5–18.

⁴ Посредников В.А. Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья. – СА, 1972, № 4, с. 28–41.

⁵ Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае. – В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем, вып. III. Новосибирск, 1981, с. 51–54.

⁶ Там же, с. 52.

⁷ Молодин В.И. Исследование памятника Сопка 2. – В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 198.

- 8 Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977, с. 48-68.
- 9 Молодин В.И. Исследования памятника Сопка 2, с. 198.
- 10 Матюшенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка. - КСИА, 1970, № 123, с. 103-105.
- 11 Грязнов М.П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. - КСИЭ, 1957, № 26, с. 21.
- 12 Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западно-сибирской лесостепи. - В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 161.
- 13 Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы ..., с. 64.
- 14 Кирюшин Ю.Ф. Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье. - В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978, с. 26-39.
-

Н.В. Полосьмак

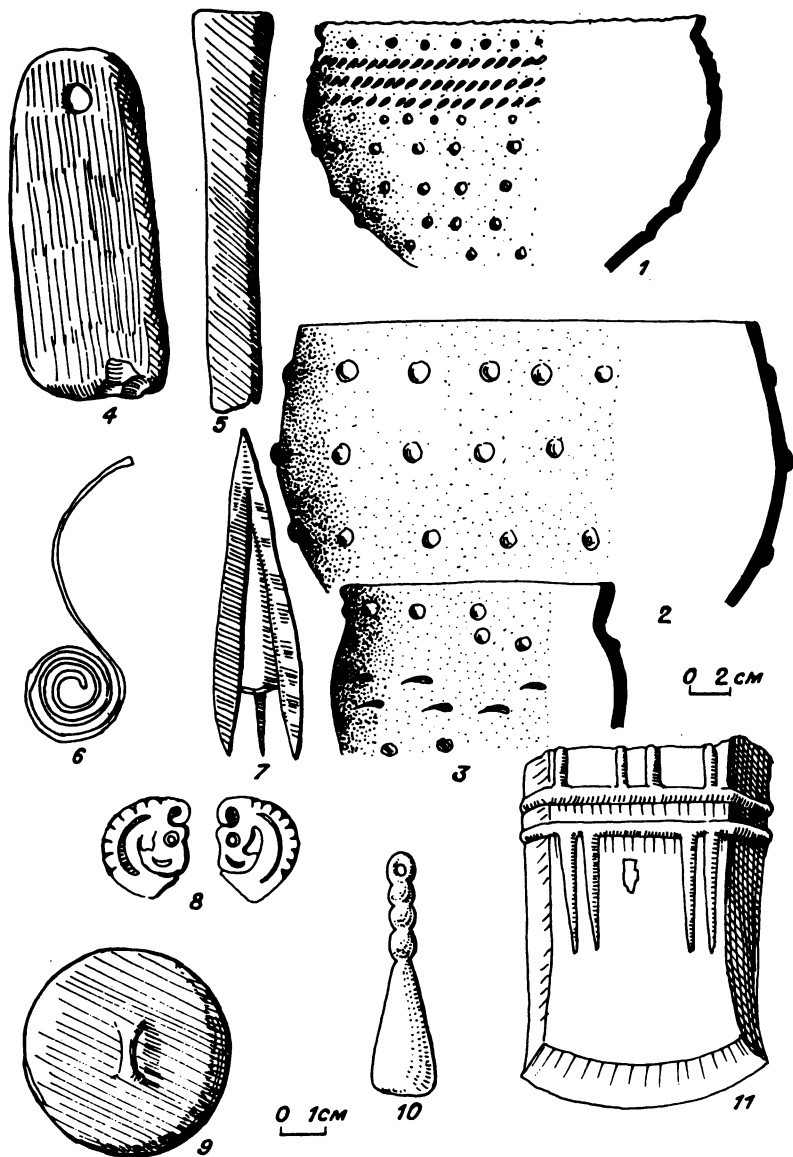
К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ НОВОЧЕКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С каждым годом расширяется зона археологических исследований на территории Западной Сибири. Новые материалы делают возможным не только заполнить белые пятна на археологической карте, но и в некоторых случаях по-новому интерпретировать уже известные комплексы.

Одним из районов в крае, где в последнее время развернулись изыскательские работы, является Северная Бараба (часть Барабинской низменности, примыкающая к Васюганью). Она привлекает внимание специалистов, поскольку некогда была контактной зоной между лесными и лесостепными племенами. Эта территория вызывает интерес и в связи с проблемой прародины угров. Она упоминается венгерскими учеными начиная с Эрика Мольнара как возможный район расселения предков мадьяр¹.

Развернувшееся изучение памятников раннего железного века Северной Барабы позволяет поставить вопрос о существовании там особой культуры, названной нами новочекинской и представленной более чем 40 поселениями, двумя городищами и могильником, что свидетельствует о заселенности этого района в скифо-сарматское время.

Основанием для выделения культуры послужили керамические комплексы поселений Кыштовка 2а, Новочекино 1, 2, 3, Скрлинка, Льнозавод, Садовка и др. Они представлены сосудами баночной и горшковидной формы с округлым дном. Большую часть составляют

Предметы новочекинской культуры.

1 - сосуд из могильника Новочекино 2; 2 - сосуд с поселения Кыштовка 2а; 3 - сосуд с поселения Новочекино 3; 4, 6-8, 10, 11 - вещи из могильника Новочекино 2; 5, 9 - вещи с поселения Новочекино 3.

небольшие сосудики-чаши (11-15 см в диаметре венчика), иногда с выраженным плечиком, встречаются также крупные изделия (до 40 см в диаметре). Характерной чертой всей керамики является затертость стенок пучком травы или гребенкой. Появившись как следствие технологического приема, следы затертости стали своеобразным фоном для нанесения орнамента, а часто и единственным украшением. Большинство венчиков сосудов орнаментировано рядом ямочных наколов или "жемчужин", часто в сочетании с гребенчатым штампом. Почти все сосуды украшены в верхней части тулова. Основные элементы орнамента нанесены гребенчатым штампом, вдавлениями уголком палочки. Среди находок на всех памятниках Северной Барабы известен лишь один сосуд, орнаментированный отпечатками крупного штампа "уточка". Композиционно орнамент располагается горизонтальными зонами. Единственными украшениями нижней части, а часто и днища сосуда являются "жемчужины" и ямочные наколы. Они располагаются либо рядами, либо хаотически (см. рисунок, 1-3). Ямки нередко служили разделительной полосой между орнаментальными зонами.

Керамический комплекс из Северной Барабы отличается от керамики непосредственно соседствующей с юга саргатской культуры². Больше общего между керамическими комплексами новочекинской культуры и васюганским этапом кулайской культуры³. Сходство прослеживается в форме, орнаментации изделий. Однако отсутствие на сосудах из Северной Барабы такого характерного для васюганской керамики признака, как орнамент, выполненный штампом "уточка", не позволяет считать аналогию полной.

Наиболее близки керамике новочекинской культуры материал с Нововасюганского поселения и керамика четвертой группы, выделенная М.В. Елькиной на Барсовой Горе (Сургутское Приобье)⁴. Черты сходства, в частности отсутствие отпечатков фигурного штампа на керамике, позволил исследователям выделить эти материалы в отдельные комплексы.

Таким образом, керамический комплекс раннего железного века из Северной Барабы при существенных отличиях от керамики лесостепной саргатской культуры и таежной кулайской имеет близкие аналогии с находками из некоторых памятников Васюганья и Сургутского Приобья. В целом это вполне оригинальный тип керамики с устойчивым набором признаков, позволяющий характеризовать особенности культуры.

Достаточно своеобразен обряд новочекинской культуры. Он известен по могильнику Новочекино 2, состоящему из пяти полностью раскопанных курганов. Характерными чертами погребального обряда являются захоронения в ямах подпрямоугольной формы (с отвесными стенками) глубиной 15-55 см; умерших клали на спину, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Одно погребение парное, одно - групповое (4 чел.), под насыпью еще одно-два погребения. В насыпи обязательно были кострища, а также ценные вещи (кельты, зеркало, подвеска, блюдо и т.п.). Сравнивая погребальный обряд новочекинской культуры с саргатским⁵, отметим, что у саргатских племен не было подобного обычая. В то же время прослеживаются и общие черты -

кострища в насыпях, ориентация погребенных на северо-запад. Характеризующие саргатскую культуру ровики под курганными насыпями, круговое расположение могил неизвестны в Новочекинском могильнике. Следовательно, перед нами две разные традиции в погребальном обряде, с прослеживающимися признаками взаимного влияния, причем более сильного со стороны саргатской культуры. Погребальный обряд кулайской культуры в "чистом" виде не известен. Исследованы погребения новосибирского варианта кулайской культуры⁶. Его отличают от новочекинской культуры многомогильные длинные курганы, могилы часто с бревенчатым перекрытием.

Можно заключить, что новочекинская культура представлена своеобразным погребальным обрядом. Это впечатление усиливает набор вещей в погребениях. В нем нет каких-либо предметов, которые были бы характерны только для данной культуры, но набор вещей оригинален своим сочетанием. Среди них встречаются предметы вооружения и украшения. Предметы вооружения представлены кельтами западно-сибирского типа, кулайскими бронзовыми и костяными наконечниками стрел. Причем находки литейного брака (кулайский наконечник стрелы) и предметов бронзолитейного производства свидетельствуют о том, что литье было, скорее всего, местным. К украшениям относятся эсвидная бронзовая серьга, бронзовые пронизки, бляхи с грифонами, четырехлепестковая заклепка и зеркало. Данное сочетание вещей не характерно ни для одной из известных культур, в нем проявилась специфика контактной зоны, подверженной различным культурным влияниям (см. рисунок, 4-11).

Отличаются своеобразием и поселения новочекинской культуры. Они состоят из наземных жилищ, расположенных по берегам рек Чеки и Тары. В поселении насчитываются 3-15 жилищ. Они достаточно оригинальны, хорошо фиксируются визуально и выглядят как площадки, окруженные валообразной насыпью, за которой прослеживается ряд ям, иногда сливающихся в ров, которые образовались после выборки грунта для сооружения стен. Жилища обычно округлой или подчетыреугольной формы, вдоль стен прослежены столбовые ямки, в центре — очаг. Для наземных жилищ носителей саргатской культуры характерны длинные коридорообразные выходы и отсутствие вдоль внешней стороны стен ям (выборка грунта для сооружения стен производилась саргатцами по другому принципу)⁷. Такие же жилища известны в Сургутском Приобье и на Барсовой Горе. Они связаны с четвертой группой керамики, идентичной керамике новочекинской культуры⁸.

В Северной Барабе опорные памятники новочекинской культуры датируются IV—III вв. до н.э. Основанием служит раннесарматское зеркало (IV в. до н.э.). Все остальные предметы, найденные в могильнике и на поселениях, не противоречат этой дате, их временной диапазон более широк — V—III вв. до н.э. Аналогичный комплекс керамики с Нововасюганского поселения Ю.Ф. Кирюшин на основании типологического анализа керамики датирует VI в. до н.э. Он прослеживает прямую генетическую связь керамики эпохи раннего железа с местной керамикой эпохи поздней бронзы⁹. Исследователь совершен-

но справедливо, на наш взгляд, считает, что комплекс керамики с Нововасюганского поселения предшествовал кулайской культуре (ее васюганскому этапу), а возможно, представляет ее первый этап. Хронологический разрыв в существовании идентичной керамики на соседних территориях (Васюганье и Северная Бараба), вероятно, можно объяснить тем, что в Северную Барабу эта керамика была привнесена из Васюганья, а в дальнейшем ее развитие шло своим самостоятельным путем. Об этом свидетельствуют стабильность ямочно-«жемчужно»-гребенчатой орнаментации и отсутствие отпечатков штампа «уточка». Эта традиция в оформлении керамики Северной Барабы сохранялась и позднее, когда в Васюганье распространилась орнаментация штампом «уточка» на саровском этапе кулайской культуры¹⁰ и кулайские племена продвинулись в лесостепь¹¹.

Таким образом, в раннем железном веке на общей нововасюганской основе складываются две культуры: кулайская в Васюганье и новочекинская в Северной Барабе. На то, что памятники Северной Барабы представляют самостоятельную культуру, а не локальный вариант кулайской, указывают различия в орнаментации керамики, в погребальном обряде, в конструкции жилищ. Дальнейшее ее изучение поможет понять те исторические процессы, которые происходили в раннем железном веке в трудном для исследования районе контактов лесных и лесостепных племен, и значительно расширит диапазон наших знаний по археологии Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мольнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Budapesti, 1955, S. 78, 84, 86.

² Могильников В.А. Коконевские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа в западно-сибирской лесостепи. – В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 125–126.

³ Чиндина Л.А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа. – Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7, с. 161–167.

⁴ Кирюшин Ю.Ф. Нововасюганское поселение. – Из истории Сибири, Томск, 1975, вып. 16, с. 43–49; Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье. – В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 104–105, 114.

⁵ Полосьмак Н.В. Саргатские курганы у г. Куйбышева (лесостепная Бараба). – В кн.: Проблемы западно-сибирской археологии (эпоха железа). Новосибирск, 1981, с. 70–82.

⁶ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, с. 8–10.

⁷ Корякова Л.Н. Саргатская культура раннего железного века западно-сибирской лесостепи. Источниковедческий анализ. Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 6–9; Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана. – В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 262.

⁸ Чемакин Ю.П. Городища Барсов Городок I/13 и I/14. – В кн.: Проблемы западно-сибирской археологии (эпоха железа). Новосибирск, 1981, с. 63.

⁹ Киришин Ю.Ф. К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 213.

¹⁰ Чиндина Л.А. Саровское городище. – В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978, с. 60–61.

¹¹ Могильников В.А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке. – В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 89–92.

В.Ф. З а й б е р т

СКЛАДЫВАНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Для реконструкции древней истории народов урало-алтайской языковой семьи важно уточнить период распространения культур с производящей экономикой в степной зоне юга Западной Сибири и севера Казахстана. В последние годы здесь были исследованы памятники неолита и энеолита¹. Один из наиболее интересных из них – поселение Ботай – открыт в 1980 г. Он находится на берегу степной реки Иман–Бурлук – одного из притоков Ишима и занимает более 10 га на террасе правого берега.

Площадка памятника сложена зеленовато-светло-серыми и зернистыми алевролитами, которые при выветривании дают тонкоплитчатые отдельности. На коре выветривания располагаются делювиальные суглинки и глины. Мощность по склону увеличивается от 0,2–0,3 до 2–3 м у речного обрыва. Современные почвы площадки – слабо сформированные черноземы суглинистого состава. В пределах поселения вследствие высокой плотности жилищных впадин повсюду распространен культурный слой.

Данные свидетельствуют о более высокой атмосферной увлажненности местного климата в энеолитическую и предшествующую эпохи. Судя по составу древних почв, которые характеризовались значительно большей промытостью от солей, чем современные, местный климат в энеолитическую и предшествующие эпохи характеризовался достаточно высокой увлажненностью. У погребенных почв эпохи энеолита отсутствует или выражен слабее, чем у современных почв, горизонт аккумуляции углекислых солей.

Представление о возможных формах экономики населения Ботая помогают составить материалы археологических исследований памятника. За три полевых сезона (1980–1982 гг.) здесь было вскрыто около 6 тыс. м² культурного слоя. Зафиксированные в 13 раскопах 33 жилища позволяют воссоздать планировку поселения и конструкцию построек. Выявлены жилые и хозяйственные сооружения. Среди последних можно выделить помещения производственные и для содержания скота. Собственно жилища людей располагаются по всей территории поселения. Производственные помещения (их можно называть мастерскими) сооружались в основном на южной окраине поселения у самой кромки обрывистого берега. Помещения для животных зафиксированы в северо-восточной части площадки памятника. Все помещения сооружены по единому принципу, но отличаются своими размерами и иногда формой котлованов и стен.

Вероятно, при строительстве вначале выкапывался котлован много- или четырехугольной формы (глубина от современной поверхности 60–80 см, площадь 30–70 м²). Затем из намоченной глины из котлованов складывали стены, изнутри и снаружи их укрепляли костями животных. Ширина стен варьировала от 80 до 120 см, высота – от 60 до 100 см. Вдоль стен укладывали деревянную обвязку и на ней возводили, видимо, коническое шатровое, деревянное перекрытие с дымовым отверстием в центре. Щели между бревнами замазывали глиной. Внутренняя высота помещения равнялась примерно 250–320 см. В центре на полу был округлый в плане очаг, наземный или слегка углубленный. Жилые помещения часто примыкали вплотную друг к другу. В этом случае одна стена была общей для двух жилищ и между ними имелись переходы. Входы делали наземные, иногда слегка углубленные в материк. К жилым строениям примыкали своеобразные хозяйственные ямы – хранилища, к которым из жилища можно было пройти по коридору. Часто одна яма использовалась обитателями двух жилищ. Как правило, вокруг жилищ имеются мелкие хозяйственные ямы. В стенах котлованов выявлены многочисленные хозяйственные и, возможно, культовые, ниши. Спали обитатели на полу, на циновках и шкурах или на невысоких нарах, сооруженных вдоль стен.

Производственные помещения были, как правило, меньше жилых, в них могло не быть очагов – они часто выносились за пределы строения.

На основании наблюдений в раскопах V, VIII, X можно предположить, что жилища концентрировались в виде своеобразных кварталов. Это отдаленно напоминает планировку среднеазиатских неолитических и энеолитических поселков². Помещения для содержания животных отличались своими удлиненными подпрямоугольными формами и глубиной, а также практически полным отсутствием (за исключением жертвенных комплексов у входа в помещения) материальных остатков.

Особого внимания заслуживают хозяйственные ямы. Они разной формы (от идеально круглой до аморфной) и глубины (от 40 до 250 см), могли служить как хранилища мясных продуктов и костно-

го сырья или как ямы для отбросов. Интересны ямы—"консервы", в которых готовилось и хранилось мясо животных. В округлую яму глубиной до 1 м укладывали части туш лошадей, затем ее закрывали шкурой и замазывали глиной. Сверху разводили костер. Приготовленное таким образом мясо могло без доступа воздуха некоторое время храниться в яме. Подобный метод известен и по этнографическим данным³.

О производственно-хозяйственной деятельности ботайцев свидетельствуют орудия труда, оружие, посуда, украшения и т.д. В жилых помещениях обнаружены скребки, ножи, керамика, ретушеры, отбойники, наконечники, костяные иглы и пр. Самой многочисленной и наиболее широко представленной является группа кремневых изделий (около 80%). Сырьем для нее была некачественная крупнозернистая яшмовидная порода и песчанистые кварцитники светло-красных и коричневых оттенков. Использование подобных пород камня в эпоху неолита — энеолита отмечено как закономерность на всех известных памятниках исследуемой территории. Преобладают скребки, скребла, ножи, наконечники стрел, наконечники копий и дротиков, нуклеусы, пластины. Из сланца и других пород изготавливались диски, молоты, отбойники, абразивы, шлифовальники, наковальни, утюжки. На некоторых каменных изделиях фиксируются различного рода насечки, процарапанные или пропиленные линии, — вероятно, это своеобразные элементы украшения. К сожалению, большая часть их представлена обломками.

Насчитывается несколько тысяч предметов из кости. Это тупики, серпы или косы из нижних челюстей лошадей, землеройные орудия, инструменты для обработки дерева, иглы, шилья, кочедыки, штампы, гарпуны и др. В целом следует отметить высокий уровень косторезного дела и большую популярность у древних мастеров этого исходного сырья.

Керамика представлена изделиями яйцевидной формы с прямым или отогнутым венчиком. Оформлялась керамика с использованием техники налепа, выбивания или выдавливания. При изготовлении посуды широко использовались гребенчатый штамп для разглаживания сосуда изнутри и текстиль (из конопли или льна), отпечатки которого фиксируются на внешних стенках. Орнамент наносился гребенчатый, веревочный, ямочный и состоял из следующих элементов: качалки или "шагающего" штампа, горизонтальных и вертикальных зигзагов, редких ямочных (круглых и аморфных) вдавлений, ромбов, треугольников, косых линий и пр. Украшение, составленное из чередующихся орнаментальных зон, покрывало, как правило, всю поверхность сосуда, включая днище. Венчик большинства сосудов обработан защитными, или по нему как бы прокатывали штамп. Часто декорировалась и внутренняя часть венчика.

Особого внимания заслуживают результаты анализа остеологического материала*. Большинство (99,9%) костяных остатков принад-

* Исследование проведено Л.А. Макаровой и Н.М. Ермоловой.

лежит лошади. Редко встречаются остатки костей зубра, лося, ко-сули, сайги, тура (мелкого), медведя, волка, лисицы, корсака, бобра, сурка, зайца, кабана. Довольно часты находки целых скелетов домашних собак, захороненных у входов в жилища. Их кости или сильно раздроблены, или сохранились в сочленениях в анатомическом порядке. Основной возраст ботайской лошади 40–50 мес и старше. Молодых особей немного.

Промеры (по В.О. Витту, 1952 г.) позволяют определить рост лошадей: 69,2% составили животные, имевшие в холке 136–144 см, 20,5% – 144–152 см и 10,3% – 128–136 см. Стадо ботайских лошадей выглядит относительно однородным – животные были средних размеров с относительно массивными конечностями. Рисунок жевательной поверхности коренных зубов ботайских лошадей относительно однотипен со слабо развитой складчатостью, что свидетельствует о питании твердой злаковой растительностью.

У специалистов нет единого мнения о степени одомашнированности. С точки зрения Л.А. Макаровой, лошадь была уже домашней (и это хорошо подтверждается археологическими данными). Н.М. Ермолова считает ботайскую лошадь дикой, а обитателей Ботая – охотниками.

Памятник Ботай на основе типологии кремневой индустрии и керамики может предварительно датироваться концом IV–III тыс. до н.э. Для его населения было характерно многоотраслевое хозяйство, включая производящие формы экономики. Ведущая роль принадлежала коневодству, вспомогательная – домашним промыслам, видимо земледелию, рыболовству, охоте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зайберт В.Ф. Неолит Северного Казахстана. Автореф. канд. дис. М., 1979.

² Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, гл. 6.

³ За рубежом, 1980, № 34.

Е.А. О к л а д н и к о в а

ПЕТРОГЛИФЫ КАРА-ОЮКА

В ходе разведывательных археологических работ 1981 г. в междуречье Елангаша и Кара-Оюка на севере Чуйской степи был обнаружен новый богатый комплекс наскальных изображений. Рисунки выявлены на скалах, покрытых густым скальным загаром коричневого цвета, которые располагаются ярусами одна над другой, и на отдельно лежащих крупных глыбах камней в долинах между скалами.

Основная масса петроглифов, как выбитых, так и исполненных в резной технике, обнаружена на скальных поверхностях.

Среди рисунков преобладают изображения, выполненные резной техникой, встречаются также исполненные в смешанной технике. На сравнительно небольшой территории (не более 1 км²) сосредоточено свыше 1200 композиций. Граффити и выбитые рисунки Кара-Оюка отличаются разнообразием сюжетов и особенностями техники.

При анализе изобразительного материала, выполненного в технике граффити, выделяются по меньшей мере четыре разнохарактерные стилистические группы. Первая представлена на горизонтальной поверхности скалы № 8 уникальными для этого региона рисунками, на которых запечатлены четверо бегущих мужчин и быки с изысканными загнутыми вперед рогами. Формы тел изображенных отличаются совершенством. Ноги мужчин показаны раскинутыми в быстром беге "на пуантах" — носки ступней имеют острые завершения. Головы их увенчаны прическами из длинных волос, руки прижаты к туловищу и согнуты в локтях. Рисунки покрыты интенсивным слоем скального загара темно-коричневого цвета, линии контуров изображений плохо просматриваются на поверхности скалы. Фигуры бегущих людей перекрыты изображением колесницы с длинным настилом "грузовой части", переданным короткими параллельными штрихами. Колесница также покрыта темным скальным загаром. Очевидно, рисунки древние. При подробном рассмотрении петроглифов Алтая и Минусинской котловины можно выявить их сходство с рисунками окуневской культуры. Датировка анализируемой группы изображений была предложена А.П. Окладниковым, который отнес ее к афанасьевской эпохе.

Другой пласт петроглифов Кара-Оюка относится к эпохе раннего железа. Его представляют глубоко вырезанные в камне фигуры оленей с ветвистыми рогами, далеко закинутыми на спину. В аналогичной манере трактованы изображения хищников, преимущественно волков и козлов. Козлы показаны с характерными высокими рогами, тонкими ногами и прекрасно моделированными туловищами. У большинства животных старательно выписаны глаза, уши и отвислая нижняя губа.

На скале № 9 запечатлена фигура волка с миндалевидными глазами. Туловище его покрыто сеткой параллельных изогнутых линий. На крупе сохранилось изображение окружности, пасть раскрыта, показаны острые зубы. Рядом с изображением волка фигура животного, по очертаниям напоминающего крупную свинью. У этой свиньи (кабана?) показаны не менее острые, чем у волка, зубы и клыки. Тело его имеет округлые очертания, толстые ноги чуть согнуты в коленях, на крупе показан завиток-хвостик. На лапах профильных изображений волка и свиньи показаны загнутые внутрь когти. Рисунки Кара-Оюка этого хронологического пласта отличает обилие "фризовых" композиций.

Следующая группа рисунков, исполненных в технике граффити, относится к древнетюркскому времени. Она включает изображения воинов-лучников, лошадей, всадников, конных охотников на козлов и оленей. Петроглифы этого периода отличаются глубоко прорезанными в камне линиями контура, своеобразной манерой исполнения фигур

людей и животных. На головах людей показаны длинные прямые полосы или головные уборы типа шлемов с развевающимися плюмажами. Особый интерес вызывает сцена военного поединка двух пар лучников. Их тела трактованы схематично, но ноги в бедрах показаны утолщенными, голени переданы тонкими линиями, ступни изображены развернутыми в профиль. Луки большие, почти в рост человека, имеют характерную М-образную форму. У стрел обозначены ромбовидные наконечники. Рядом изображены лошади, тела которых трактованы в той же манере, что и тела людей (ноги показаны как бы в проекции): верхняя бедренная часть утолщена, а голень передана тонкой линией. У лошадей обозначены копыта, глаза, три зубца на гриве. Тела лошадей покрыты сеткой прямых линий, которые, возможно, имитируют шерсть животного. На голове показан только один круглый глаз и пара лавролистных ушей. Аналогичным образом трактованы изображения грив лошадей на курыканских писаницах средней Лены. Караюкские лошади изображены с короткими уздечками и овальными длинными чепраками. На их спинах обозначены седла с высокими луками. Рисунки отличаются четкостью исполнения. В этой группе петроглифов сохранилась композиция, в которой два конных охотника преследуют горного козла. Лошади запечатлены в позе "летучего" галопа. Ноги у них далеко выброшены вперед, головы напряженно устремлены вперед. Тела всадников имеют треугольные очертания, чем подчеркивается физическая мощь изображенных мужчин, луки у них имеют М-образную форму.

По материалам граффити Кара-Оюка древнетюркского времени возможно проследить характер покроя одежды воинов и охотников того времени. Так, на камнях скал № 7, 8 сохранились изображения лучников и охотников в распахнутой одежде, плотно стянутой поясом у талии. Пояс декорирован рядом концентрических кругов. Показаны плотно облегающие тело шаровары, мягкие сапоги, на головах воинов и охотников этой эпохи — шлемы или прически из длинных волос. Аналогичные изображения древнетюркского времени известны по материалам и других памятников петроглифов Горного Алтая, например, на горе Алкы-Таш (с. Кулада на р. Каракол), в долине Верхняя Сору. Рисунки лучников и воинов в таких одеждах располагаются на Алкы-Таше рядом с фигурами оленей, тела которых имеют декор из мелких частых черточек, вероятно передающих шерсть животных. Аналогичным образом трактованы тела оленей на луке седла из могильника Кудыргэ*.

Следующую группу рисунков, исполненных в технике граффити, составляют произведения наскального искусства кыргызов. Сюда входят изображения воинов в доспехах, всадников в длинных одеждах, сцен сражений пеших воинов и конных лучников со знаменами и копьями с острыми наконечниками и бубенчиками.

Другая группа изображений относится к этнографическому вре-

* Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. XVI, 1.

мени (от эпохи позднего средневековья до XIX в.). Рисунки вырезаны тонким металлическим орудием. Следы от рабочего инструмента, как правило, плохо загорели и имеют желтоватый оттенок. В основном запечатлены сцены из жизни алтайцев. В этом пласту изображений можно выделить несколько тем. Среди них – тема шамана (шаманские атрибуты – бубны, "яйки"–онгоны, "чалу"; шаманские камлания в юрте, портреты шаманов). Другая тема связана с образом женщины. Сохранились многочисленные петроглифы, на которых показаны алтайки в национальных одеждах XIX–XX вв. – в длинных меховых шубах с отворотами на рукавах, чегедеках и т.д. Изображения женщин исполнены в реалистической манере, причем художник старался придать черты лица алтаек, характерные особенности их фигур. Особо тщательно прописаны отдельные украшения, амулеты, основные детали костюма. Встречаются и схематические рисунки, на которых фигуры людей переданы системой геометрических линий. На всех изображениях женщины показаны с круглыми лицами, двумя точками обозначены глаза, прямыми линиями – нос и рот. Детали костюма таких фигур переданы одной Г-образной линией. Но и в этом случае мастером отмечены все амулеты, поясные наборы и украшения. Еще одна тема связана с кочевой жизнью алтайцев. Сохранилась крупная многофигурная композиция, в которой запечатлены перекочевка и путь каравана к селению. В селении у костра рядом с юртами и конусообразными шатрами женщины и дети ожидают прибытия каравана. Несколькими размашистыми штрихами художник показал дорогу к селению, по которой скачет всадник. Караван состоит из вереницы животных (лошади и верблюды), на спинах которых показаны тюки, перетянутые разноцветными веревками. Люди изображены сидящими верхом на верблюдах и лошадях или в плетеных люльках. В начале каравана на богато украшенной лошади едет женщина в парадном платье, возможно невеста.

К числу поздних рисунков относятся светлые по цвету изображения людей и животных, а также пастухов в современной одежде.

Петроглифы Кара-Оюка – крупный памятник наскального искусства скотоводов и кочевников Центральной Азии, который наравне с другими местонахождениями наскальных рисунков Елангаша входит в число лучших монументов древнего искусства Сибири.

Ю.С. Худяков

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ТАБАТА

До недавнего времени долина р. Табат оставалась сравнительно малоизученным уголком Минусинской котловины. В разное время отдельные случайные находки из этих мест поступали в фонды Минус-

синского и Красноярского музеев. В конце XIX в. рисунки на плитах тагарских курганов на правом берегу Табата зафиксировал И.Р. Аспелин¹. Отдельные предметы, относящиеся к эпохе средневековья, были выявлены Л.А. Евтюховой². Позднее А.Н. Липским производились раскопки отдельных тагарских курганов в черте с. Усть-Кындырла. Л.П. Зяблин проводил в этих местах разведку "в поисках неолита"³. Средневековые "каменные курганы" на "вершинах гор, тянувшихся по правому берегу р. Абакан между р. Табат и д. Койбалы", упомянуты в одной из заметок Л.Р. Кызласова⁴. В 1976 г. под руководством М.Л. Подольского в окрестностях с. Табат производились раскопки Большого табатского кургана, относящегося к сарагашенскому этапу тагарской культуры⁵. Небольшая коллекция подъемного материала была собрана в последние годы школьниками с. Табат, создавшими экспозицию в школьном краеведческом музее.

В 1975 г. к исследованию средневековых памятников в долине Табата приступил Хакасский (позднее Южно-сибирский) отряд Североазиатский комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР⁶. В результате планомерных поисков и фиксации средневековых памятников к настоящему времени выявлено девять стоянок и поселений, 48 могильников, групп и одиночных курганов, включающих в общей сложности 146 объектов, которые по особенностям конструкции и составу инвентаря могут быть отнесены к эпохе средневековья⁷. Всего вскрыто 36 курганов и могил (в том числе сопроводительные захоронения вокруг курганов чаа-тас). Десять памятников к настоящему времени полностью или частично раскопаны. Целиком раскопаны разновременные могильники Ортызы-Оба, Ибыргыс-кисте, могильники XI-XII вв. Ах-хол и Терен-хол, XIII-XIV вв. - Тербен-хол. Собрана коллекция находок, насчитывающая 2560 единиц хранения. Результаты этих исследований неоднократно освещались в публикациях⁷ и нашли наиболее полное отражение в монографии, посвященной средневековой истории изучаемого района⁸. Однако исследования, проведенные в последние три полевых сезона^{8*}, позволили во многом дополнить представления о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности средневековых памятников Табата и Минусинской котловины в целом⁹.

В долине Табата фиксируются восемь различных вариантов погребений, относящихся к эпохе чаа-тас (VI-VIII вв. н.э.). Большин-

* Попутно фиксировались памятники, относящиеся к различным историческим периодам - от палеолита до этнографической современности.

** В разные годы помимо автора самостоятельные работы в составе Южно-сибирского отряда в долине Табата проводили С.П. Нестеров, П.В. Волков, С.Г. Скобелев, М.В. Карпекина. Всем им автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность использовать полученные ими материалы для написания данной статьи.

ство из них сосредоточено в пределах общеродового кладбища Кезеелиг-хол. В комплексе преобладают курганы чаа-тас. Большинство из них представляет собой на поверхности развал каменных плит неправильно-округлой формы с провалом в центре, по периметру которого установлены вертикальные стелы-кезе. В основе насыпей находится квадратная ограда из уложенных в два-три ряда песчаных плит. Высота сохранившихся стен оград 0,5-0,7 м, мощность 12-13 слоев. Ограды ориентированы углами или сторонами по странам света, с небольшим отклонением в ту или другую сторону. В центре стены кургана № 24, обращенной на юго-запад, наблюдается прерыв правильной кладки, который может быть интерпретирован как вход. Вдоль северной и южной стенок оград, близ углов и по центру стен располагаются вертикальные стелы-кезе. В центре оград - могильная яма округлых или прямоугольных очертаний. Ее стенки укреплены деревянными столбиками. Яма была перекрыта деревянным накатом из жердей и завалена сверху каменными плитами. Размеры оград 4х6 м, глубина могильных ям 1,5 м. Один из наиболее поздних курганов имеет упрощенную конструкцию надмогильного сооружения: кольцевая насыпь без правильной кладки стен и с юго-западной стороны насыпи одна вертикальная стела. На дне могильных ям обнаружены погребения по обряду трупосожжения. Обычно это одно-два скопления жженных костей, которые изначально были помещены в могилу в какой-либо емкости из органического материала. В яме найдены также сосуды (лепные горшки, баночные сосуды, гончарные "кыргызские вазы"), остатки туш 4-14 баранов. В насыпях курганов встречаются железные удила со свободно вращающимися кольцами, рамки от подпружных пряжек, чутунные сошники, роговые мотыги (рис. 1,1).

Считается, что в курганах чаа-тас хоронили представителей кыргызской родовой знати. Помимо основных захоронений в могильных ямах встречаются сопроводительные захоронения в стенах оград курганов. Здесь, как правило, вдоль южной стены оград и ряда вертикальных стен погребены по обряду трупосожжения рядовые общинники-кыргызы. Скопления жженных костей встречаются в небольших ямках под насыпью кургана, в каменных ящиках из поставленных на ребро каменных плит, а также в лепных сосудах-урнах. Возможно, в виду того, что межкурганное пространство на площади могильника не исследовалось, захоронения детей и подростков по обряду трупоположения в составе чаа-таса Кезеелиг-хол пока не обнаружены. Они зафиксированы в других местах долины Табата.

На памятнике Слепеле-хол-пильтыр, в 2 км к северу от могильника Кезеелиг-хол, в могиле без внешних признаков обнаружен скелет подростка 7-8 лет. Он находился на спине, вытянуто, кости рук вытянуты вдоль костяка, головой ориентирован на северо-восток. Близ левой ступни и голени лежали лопатка, ребро, берцовая кость овцы. В области нижних конечностей - фрагмент грубого лепного сосуда (рис. 1, 2).

Погребение младенца найдено на памятнике Кезеелиг-хол-туб, в 100 м к востоку от могильника Кезеелиг-хол. Скелет младенца находился на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами, головой на северо-северо-восток, без сопровождения. Могила не имела внеш-

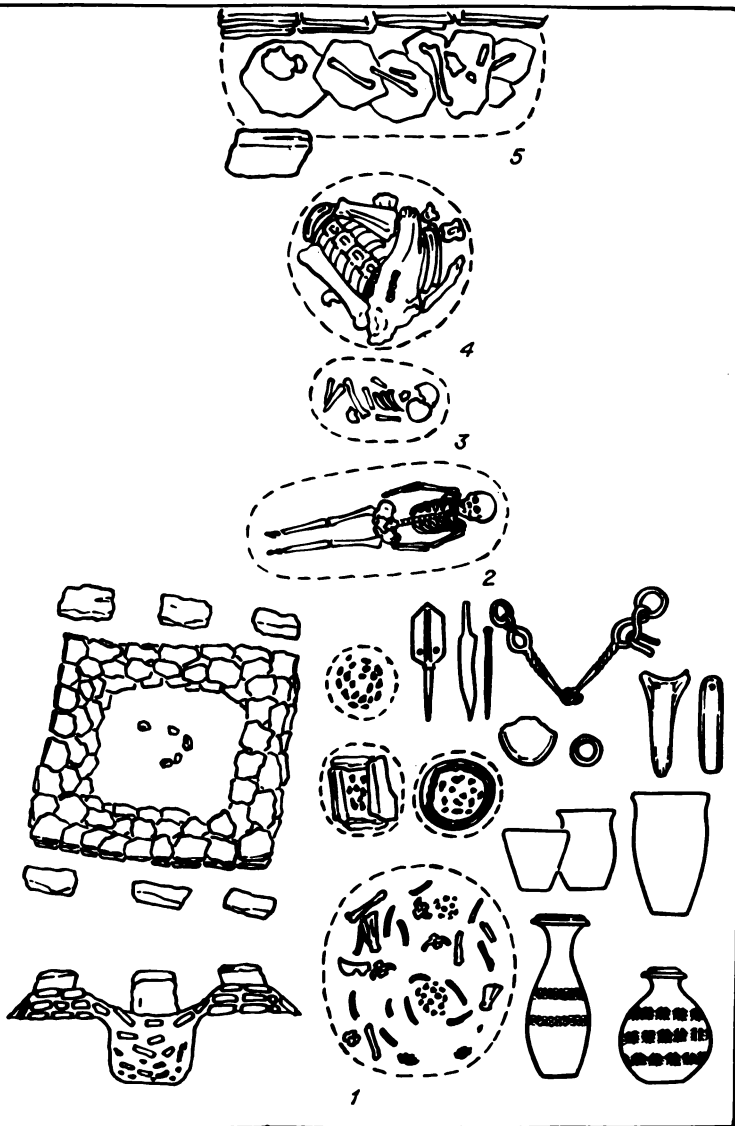

Рис.1. Погребения эпохи чаа-тас.

1 - курган чаа-тас; 2 - погребение подростка; 3 - погребение младенца; 4 - кенотаф; 5 - погребение кыштыма.

них признаков (рис.1, 3). Кыргызский кенотаф - символическое захоронение частей туши лошади - обнаружен на памятнике Тере-хол, в 700 м к югу от могильника Кезеелиг-хол. В неглубокой ямке лежали кости черепа, конечностей, позвонки, ребра, лопатка лошади;

нижняя челюсть и берцовая кость овцы; обломки лепного сосуда (рис. I, 4). В составе чаа-таса Кезеелиг-хол обнаружены сопроводительные захоронения взрослых людей по обряду трупоположения, оставленные, по нашему мнению, зависимым от кыргызов иноэтничным населением — кыштымами. В этих могилах между стеной и стенами курганов чаа-тас близ северного, южного (северо-восточного или юго-западного) углов ограды были найдены неполные, нарушенные скелеты или отдельные кости взрослых людей. Никакого сопроводительного инвентаря при них не обнаружено (рис. I, 5). На поселениях этого времени встречаются обломки "кыргызских ваз", лепных сосудов, железные предметы (трехлопастные наконечники стрел, ножи, булавки, каменные оселки и др.).

Выделенную группу памятников, судя по ее топографии, конструктивным особенностям надмогильных сооружений и составу инвентаря ("кыргызские вазы" и лепные сосуды), можно считать синхронной другим памятникам эпохи чаа-тас, в частности с периферийным могильником Тепсей XI, Обалых-Биль и др., которые относятся к VI-VIII вв. н.э. Данные о значительной площади Кезеелиг-хола и многочисленности курганов чаа-тас позволяют предположить, что могильник был кладбищем достаточно длительное время.

В ходе его существования происходило постепенное упрощение конструкции надмогильных сооружений курганов чаа-тас¹⁰. Уточнить датировку выделенных типов памятников в пределах эпохи чаа-тас пока не представляется возможным ввиду неразработанности хронологии этого периода, бедности сопроводительного инвентаря погребений и сильной поврежденности курганов*.

Бурные политические события и военные потрясения, которые испытало кыргызское государство в указанный период, вероятно, слабо затронули население долины Табата. Во всяком случае следов военных походов (разрушения, обширные кладбища погибших воинов и т.д.) тюрок и уйгуров в Минусинскую котловину здесь пока не обнаружено. К числу свидетельств в пользу того, что тюркские и уйгурский походы не обошли стороной Табатскую долину относится древнетюркский могильник конца VII-IX вв. Ибыргыс-кисте, расположенный на восточных склонах водораздела в 5 км к востоку от Табата. Очевидно, в этот район тюрки попали в составе войск Тоньюкука, Бильге-кагана и Кюль-Тегина, совершивших свой знаменитый поход в Минусу зимой 710-711 г. Они остались здесь, а после падения Второго Восточнотюркского каганата в середине VIII в. натурализовались в кыргызской среде, сохранив, однако, известную этническую обособленность. Захоронения в могильнике Ибыргыс-кисте, совершенные по древнетюркскому погребальному обряду с конем, относятся уже к уйгурскому периоду, поскольку содержат ряд элементов мате-

* Предложение Л.Р. Кызласова (Древне-хакасская культура чаа-тас VI-IX вв. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья, М., 1981, с. 48) подразделять эпохи чаа-тас на "утинский" и "копенский" этапы не может быть принято ввиду отсутствия критериев для выделения каждого из них.

риальной и духовной культуры Уйгурского каганата, в частности, манихейскую символику в орнаментике накладных бляшек конской сбруи и портупей колчана. Заимствование этих элементов тюрками, скорее всего, могло произойти после похода через Саяны уйгурского кагана Кутлуга (795 г.), нанесшего кыргызам сокрушительное поражение. Именно после этого события на Енисее появляются богатые предметами торовтики с характерной манихейской орнаментикой уйгурские захоронения по обряду труположения со шкурой коня. Пребывание уйгуров в Минусе было недолгим, однако мода на манихейскую символику широко распространилась среди кыргызов и минусинских тюрков. Поскольку предметы торовтики с канонической символикой встречаются в кыргызских погребениях IX-X вв. (в Туве), относящихся к эпохе великодержавия, и отсутствуют в курганах чатас, которые датируются предшествующим временем, они, наряду с комплексом иных предметов, могут служить индикатором нового периода в развитии кыргызской культуры.

В долине Табата к эпохе великодержавия относится один курган с трупосожжением в могильнике Ортызы-Оба. Он имеет кольцевую насыпь из массивных каменных плит диаметром 8 м и высотой 0,4 м. По периметру кургана на горизонте равномерно рассыпаны остатки погребального костра: жженные кости человека, бронзовые детали сбруи, железная подпружная пряжка, обломки костей животных. Бронзовые сбруйные накладки украшены растительным орнаментом. Центральным элементом во всех композициях является изображение, иногда интерпретируемое как нераспустившийся бутон цветка. В узоре на поясных и сбруйных накладках этот мотив часто сочетается с изображением горящего светильника — характерного элемента манихейской канонической орнаментики¹¹ (рис. II, 1). На поселениях этого времени встречаются бронзовые орнаментированные сбруйные бляшки, обоймы, подвески в виде летящей птицы, серьги, пряжки, поясные накладки, лировидные бляшки, монеты "Кайюань тунбао", железные трехгранные наконечники стрел, ножи, тесла, фрагменты лепных сосудов.

Древнетюркские погребения, относящиеся к концу VIII — началу IX в., характерны округлой каменной насыпью из массивных плит с провалом в центре. Диаметр насыпи не превышает 6 м, высота 0,3 м. В мужских погребениях в провале над могильной ямой обнаружены в беспорядке лежащие кости лошади. На дне могильной ямы найден скелет лошади, положенной на животе, с подогнутыми ногами, головой, ориентированной в сторону погребенного. Две из четырех зафиксированных лошадей были взнузданы, однако остатки седел и стремени находились в ногах у погребенных. Между тазовыми костями лошади и скелетом человека находились кости овцы. В мужских могилах найдена также голова второй лошади. Скелеты погребенных находятся в подбоях, на спине, вытянуто, головой на юго-запад. Мужчины похоронены с оружием (палаш, кинжал, тесло, колчан со стрелами), с наборным поясом или с протупеей колчана. У одного из погребенных сохранились остатки шелкового халата. Женщин хоронили с украшениями: серьгами, бубенцами, бусами (рис. II, 2).

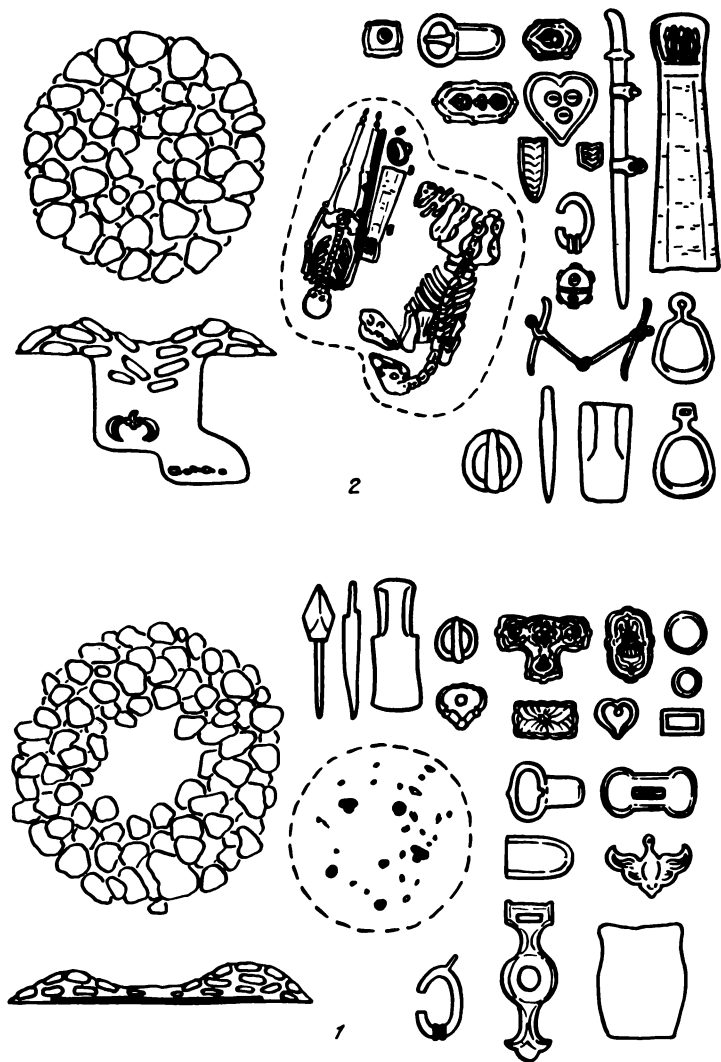

Рис. II. Погребения эпохи великодержавия.

1 - курган хыргыс-ур; 2 - древнетюркский курган.

Последующая эпоха в развитии кыргызской культуры, эпоха су-уктэр, охватывает XI-XII вв. н.э. Она характеризуется кольцевыми курганами с трупосожжением на горизонте и железным инвентарем. Памятники этого времени встречаются по всей территории долины Табата и изучены наиболее полно. К настоящему времени в составе

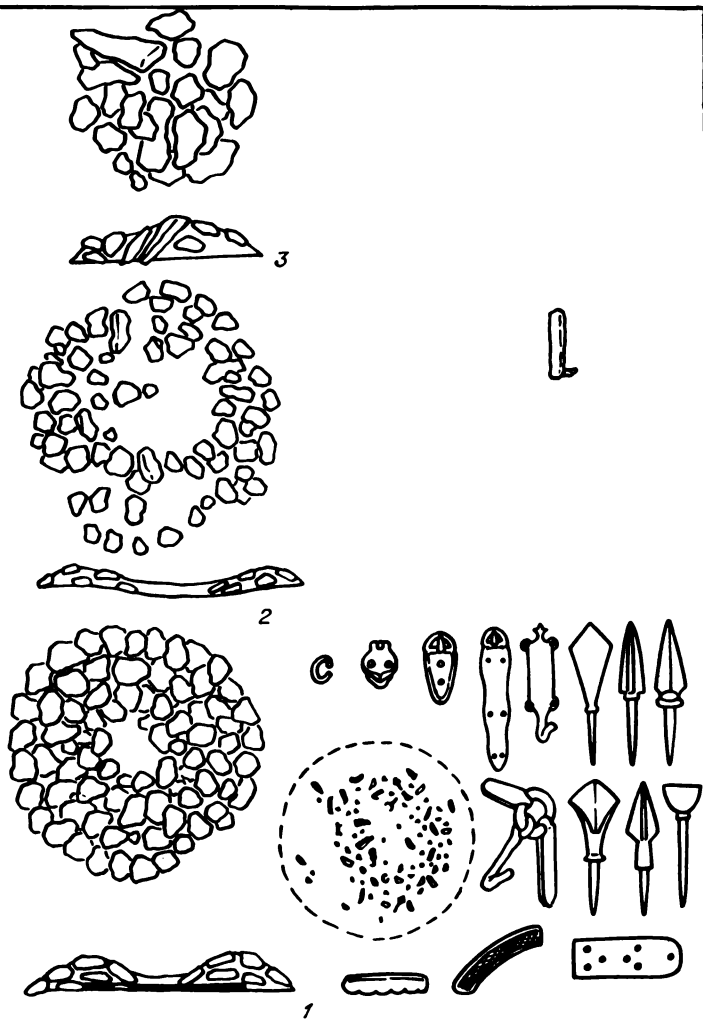

Рис. III. Погребения эпохи сууктэр.

1 - курган сууктэр; 2 - кенотаф; 3 - поминальный курганчик.

могильников Терен-хол, Ах-хол, Ортызы-Оба, Хара-тигей раскопано 17 кыргызских курганов типа хыргыстар сууктэр, курган-кенотаф, четьре поминальных курганчика. Курганы, известные под названием хыргыстар сууктэр, или "киргизские могилы", характеризуются кольцевой насыпью из каменных плит. Диаметр насыпи 5-12 м, высота 0,1-0,5 м. Под насыпью, на горизонте, раскопаны остатки погребального костра: жженные кости человека; обломки костей овцы и лошади; иногда копыта и фаланги в сочленении; железные детали сбруи

и вооружения. Встречаются также инкрустированные оковки седел; фигурные накладки; подвесные бляшки; пряжки; тройники; крючья; пробои; трехлопастные, плоские, ромбические, четырехгранные наконечники стрел; панцирные пластины; оковки ножен; петли колчанов; накладки на лук (рис. III, 1). В одном из курганов обнаружен скелет собаки.

Многочисленность кыргызских погребений этого времени объясняется, на наш взгляд, оттоком под давлением монголоязычных кочевников (хидани и найманы) части кыргызского населения с юга, из-за Саяна¹². Отдельные курганы, за исключением одного-двух железных предметов, не содержат следов погребения. Вероятнее всего, это кенотафы – захоронения людей, погибших вдалеке от родных мест, тела которых не могли быть преданы земле согласно требованиям традиционного ритуала (рис. III, 2).

В составе кыргызских дружинных кладбищ эпохи сууктэр нередко встречаются небольшие каменные курганчики, смежные с захоронениями воинов. Каких-либо следов захоронения в них не наблюдается. Вероятно, это поминальные сооружения в честь воинов, погребенных в курганах (рис. III, 3). На поселениях этого времени найдены железные наконечники стрел, панцирные пластины, пряжки, сбруйные и поясные накладки, крючья, ножи, булавки, оселки, куранты зернотерок и др.

Памятники эпохи сууктэр на Табате представлены захоронениями, принадлежащими различным этническим группам. Помимо кыргызских курганов в составе могильников Ах-хол и Ортызы-Оба исследованы погребения по обряду трупоположения, в которых обнаружены череп и кости конечностей коня. Они перекрыты кольцевыми насыпями из каменных плит. Их диаметр 5–9 м, высота 0,1–0,4 м. На дне могильной ямы обнаружены череп, копыта и фаланги лошади. Массивная плита-перегородка отделяет подбой, на дне которого находится скелет человека. Погребенный был положен на спину, вытянуто, головой на запад. Мужчина захоронен с колчаном, полным стрел, теслом, ножом, седлом и удилами; подросток – с берестяным туесом, железным крюком и удилами (рис. IV, 1). Ввиду того, что подобные захоронения встречены в Минусинской котловине впервые, определить их этнокультурную принадлежность непросто. Наиболее близкой аналогией табатским является погребение из Хушот Худжиртэ в Монголии, относящееся, правда, к более позднему времени¹³. Каких-либо передвижений центрально-азиатских племен в XI–XII вв. к северу от Саяна источниками не зафиксировано, поэтому можно предположить, что эти погребения связаны с потомками уйгуров, частично осевших в Минусинской котловине после разгрома каганата в 840 г. и оставивших некоторый след в топонимике (оз. Уйгур-кель) и эпонимике (род Сарыглар) соседнего с Табатской долиной района.

В составе могильников Ах-хол и Терен-хол зафиксированы могилы взрослых и детей, захороненных в каменных ящиках по обряду трупоположения. В Минусинской котловине часто встречаются подобные погребения кыштым¹⁴. На поверхности они представляют собой курганы с кольцевой каменной насыпью диаметром 4–8 м и высотой

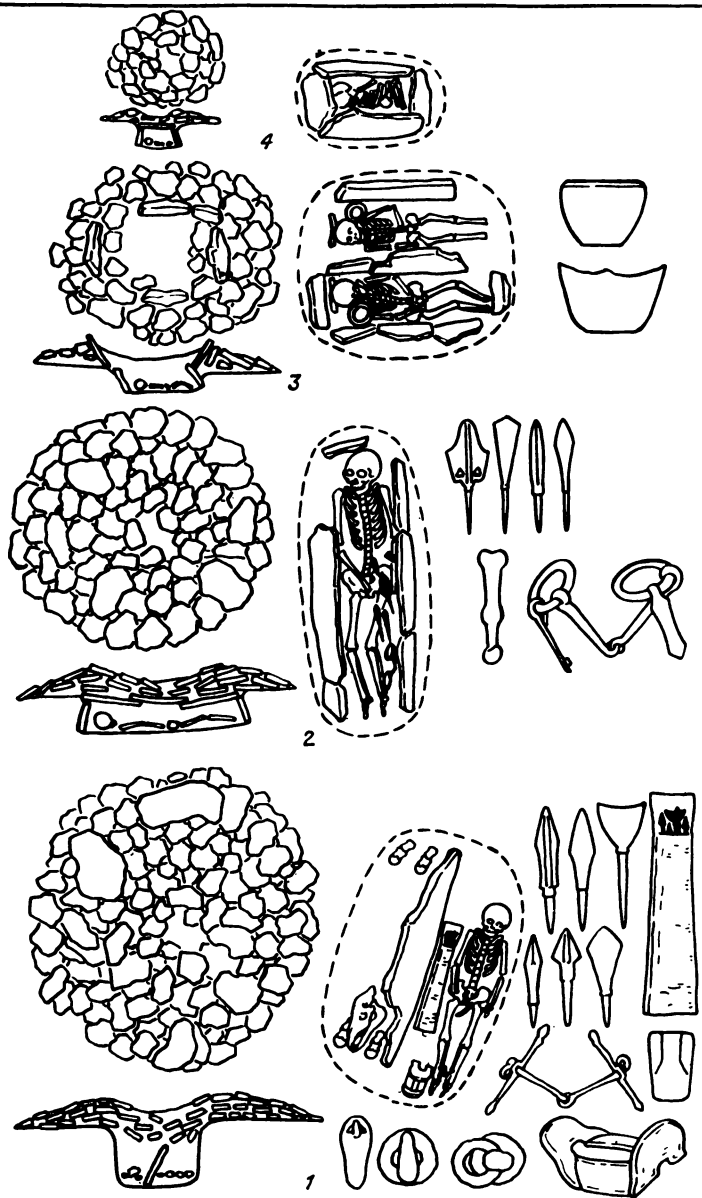

Рис. IV. Погребения эпохи сууктэр.

1 - "уйгурский" курган; 2-4 - курганы кыштымов.

0,1-0,3 м, с каменным ящиком прямоугольной формы из тонких каменных плит. В одном из курганов могильника Терен-хол ящик имел разделительную стенку, а вертикальные плиты выступали на поверх-

ности. В могильнике Ах-хол каменные ящики перекрывались массивными каменными плитами. Внутри каменных ящиков находились скелеты погребенных (в могильнике Терен-хол парное погребение, между скелетами каменная плита-перегородка). Погребенные были положены на спину, вытянуто, кисти рук — на костях таза (дети — на боку, с подогнутыми ногами) головой на запад. Мужчина захоронен с оружием (трехлопастные, четырехгранные и плоские наконечники стрел, колчаный крюк) и сбруей (удила с большими кольчатыми псалиями) (рис. IV, 2), в женских могилах поставлены сосуды баночной формы и бедренная кость овцы (рис. IV, 3). Детей хоронили без инвентаря. В одном из курганов на перекрытии каменного ящика обнаружен череп барана (рис. IV, 4).

Многочисленность различных типов погребений в долине Табата в эпоху сууктэр свидетельствует о сложности этнических и социальных процессов на данной территории в рассматриваемый период. Судя по памятникам, оставленным кыштымами, к этому времени их положение в кыргызском обществе по сравнению с эпохой чаа-тас изменилось.

Памятником монгольской эпохи XIII-XIV вв. н.э. в долине Табата является дружинный могильник Тербен-хол. Кыргызские курганы монгольского времени представляют собой кольцевые насыпи из мелких плит диаметром до 5 м, высотой 0,1 м. Под насыпью находятся погребения по обряду трупосожжения на горизонте. По поверхности кургана рассыпаны жженные кости человека, обломки костей животных, железные детали сбруи и вооружения (седельные пробои, петли, накладки, бляшки, накладки с шарниром, вилочки, плоские и четырехгранные наконечники стрел). Большинство предметов из железа, отличаясь пропорциями и орнаментацией, обнаруживает типологическое сходство с вещами предшествующего времени (рис. V, 1). Близ одного из курганов в могильнике Тербен-хол исследован небольшой курганчик без находок. Вероятно, это поминальное сооружение, аналогичное курганчикам в могильниках предшествующей эпохи сууктэр (рис. V, 2).

Памятники монгольской эпохи отражают известные исторические события, в частности, включение в состав Монгольской империи территории Минусинской котловины. Правда, следов пребывания собственно монголов на Табате пока не обнаружено. Отсутствуют в составе инвентаря кыргызских памятников этого времени и какие-либо монгольские вещи. Не выявлены на изучаемой территории в указанное время памятники иных этнических групп, проживавших в Минусинской котловине. О влиянии монгольского завоевания можно судить лишь по косвенным признакам. Сокращение количества памятников, отсутствие предметов монгольской эпохи на поселениях свидетельствуют об уменьшении населения, застое экономики.

Однако экономический упадок на Енисее не был столь резким, как на других землях, подвергнутых монголами опустошительному разорению, поскольку кыргызские "нойоны" в начале XIII в. добровольно подчинились Чингизхану и "били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями"¹⁵.

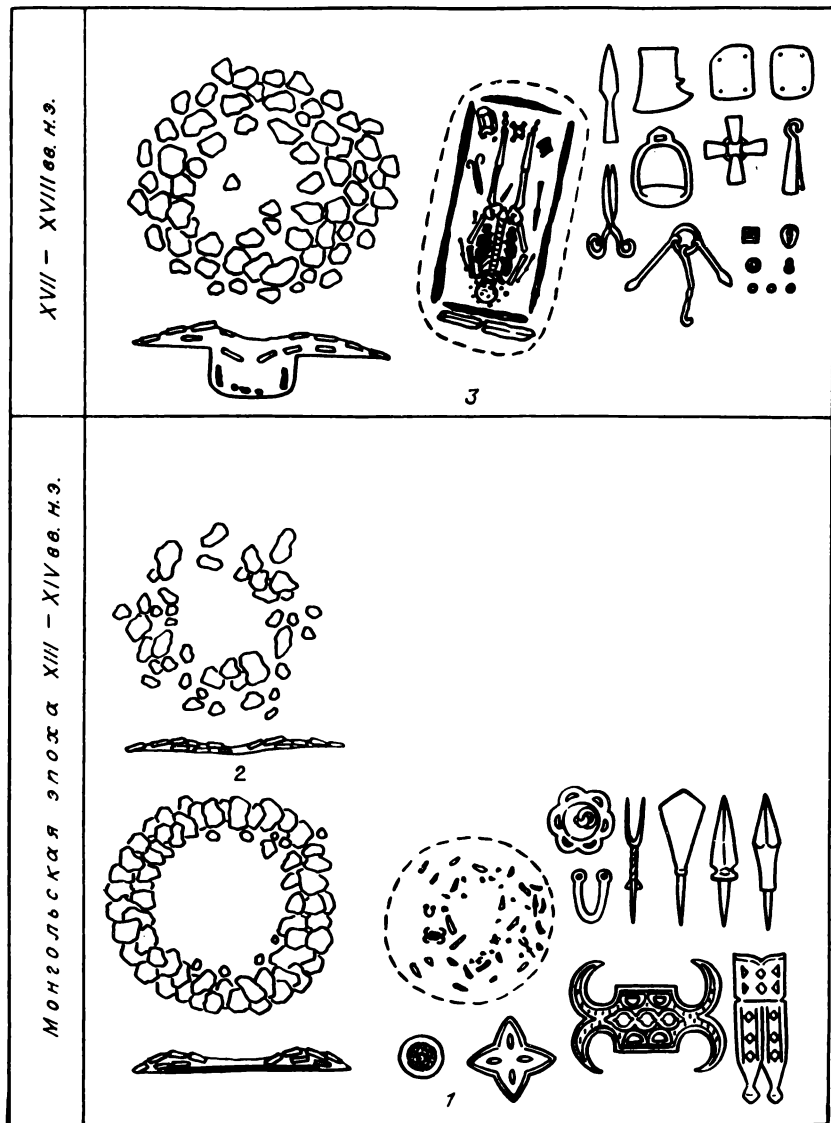

Рис. V. Погребения монгольской эпохи и времени вхождения Минусы в состав Русского государства.

1 - кыргызский курган монгольской эпохи; 2 - поминальный курганчик монгольской эпохи; 3 - погребение кыштыма эпохи вхождения Минусы в состав Русского государства.

Памятники XV - начала XVIII в. н.э., относящиеся к кыргызской культуре на Табате, как и по всей Минусинской котловине, пока не выявлены. В долине Табата в составе могильника Ортыза-Оба

обнаружено единичное захоронение по обряду ингумации. Судя по находкам, в нем погребен шаман одного из племен кыштымов. Захоронение было перекрыто пологой насыпью из мелких песчаниковых плит, частично сползших вниз по склону сухого лога. Диаметр насыпи 8,5 м, высота 0,1 м. В центре кургана могильная яма глубиной 0,4 м, внутри которой остатки деревянного гробовища (или рамы из досок) прямоугольной формы, укрепленного вдоль юго-юго-западной стенки вертикально поставленными каменными плитами. На дне могильной ямы находился нарушенный скелет взрослого человека, вероятно положенного на спину, вытянуто, головой на юго-юго-запад. Усопший был погребен в полном шаманском облачении: головном уборе, плаще-накидке, от которых сохранились многочисленные нашивные детали — раковины каури, бусы, бронзовые пуговицы, панцирные пластины, железные пластины с дудками-свирелями, "стреляющие змеи". В составе инвентаря выявлены деревянное седло с одним стремянем, пробоями и двумя соединителями ремней, копьё, топор, ножницы, нож, камышовая трубка с бронзовым мундштуком и др. (рис. V, 3). Судя по предметам русского производства, топор, обойме ножа, бусам, погребение относится к концу XVII — началу XVIII в.¹⁶ По указанным находкам удалось зафиксировать следы контактов коренного населения с русскими в области материальной культуры в эпоху вхождения данной территории в состав Русского государства. В археологии среднего Енисея рассматриваемая эпоха пока не выделена. Разумеется, на основании материалов единичного погребения, тем более принадлежащего служителю традиционного культа, было бы преждевременно характеризовать данный период в развитии культуры местного населения в целом. Однако раскопки данного позднесредневекового памятника свидетельствуют, что поиски в этом направлении в долине Табата весьма перспективны.

Изучение средневековых памятников в долине Табата наглядно демонстрирует сложность процесса этнокультурного развития в данном районе Минусинской котловины в VI—XIV и XVII—XVIII вв. н.э. Типологическое разнообразие памятников и эволюция ведущих форм погребальных сооружений и обрядов на данной территории на протяжении эпохи средневековья в целом соответствуют закономерностям, прослеженным для Минусинской котловины¹⁷. Это проявляется, в частности, в эволюции погребальной обрядности кыргызов и кыштымов. Однако в памятниках на Табате выделяются специфические черты: древнетюркские погребения с конем в эпоху великодержавия, не зафиксированные в других районах поздние захоронения со шкурой коня, парные женские и детские захоронения кыштымов в эпоху сууктэр. Отмеченные особенности могут объясняться как особым местоположением Табатской долины, близостью к караванной дороге через Саяны по р. Она, так и недостаточной изученностью памятников, относящихся к различным этническим группам в Минусинской котловине.

Учет этих данных должен способствовать решению проблем этнического и социокультурного развития населения среднего Енисея на протяжении последних полутора тысячелетий нашей эры.

- 1 Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, с. 22.
- 2 Евтюхова Л.А. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 84, 85, рис. 144.
- 3 Зяблин Л.П. Абаканский отряд в поисках неолита. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 213–214.
- 4 Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1968 года. — Учен.зап.НИИЯЛИ, Абакан, 1970, вып. XV, с. 91.
- 5 Пшеницина М.Н., Подольский М.Л. Работы Бейской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1977, с. 235–236.
- 6 Худяков Ю.С. Работы Хакасского отряда в 1975 г. — В кн.: Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980, с. 107–114.
- 7 Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Раскопки на Табате, Тее, Чулыме. — В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 259; Худяков Ю.С. Раскопки в Бейском районе Хакасии. — В кн.: Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 239–240; Волков П.В., Худяков Ю.С. Работы в Аскизском и Бейском районах. — В кн.: Археологические открытия 1981 года. М., 1983, с. 193–194.
- 8 Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982.
- 9 Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине. — В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980, с. 198–204.
- 10 Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате, с. 47–48.
- 11 Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребений Никхая. — В кн.: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983, с. 153.
- 12 Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате, с. 176.
- 13 Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в.— СА, 1957, № 2, с. 219.
- 14 Худяков Ю.С. Погребения по обряду труположения VI–XIV вв. в Минусинской котловине. — В кн.: Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1984.
- 15 Козин С.А. Сокровенное сказание Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.—Л., 1941, с. 174–175.
- 16 Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское

погребение в могильнике Ортизы-Оба. – В кн.: Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.

¹⁷ Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв., с. 204–205.

О.В. Дьякова

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР
О КЕРАМИКЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ
И ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ

С давних пор исследователей интересовала проблема: было ли у аборигенов Северной Азии свое керамическое производство и если да, то когда и каковы причины его исчезновения? Особую актуальность она приобрела в связи с разработкой этнографами вопросов этно- и культурогенеза малых народов региона.

Специалистами высказывались различные, зачастую взаимоисключающие, предположения. Так, Л.Я. Штернберг утверждал, что "гиляки никогда не были знакомы с гончарным искусством даже в элементарной форме"¹. Подобного мнения придерживались В.П. Васильев и И. Лопатин. Отличная точка зрения была у Г. Спасского и В.И. Юхельсона. Они, ссылаясь на В. Атласова, который указывал на использование местными жителями при изготовлении керамического теста хвостов пушных зверьков, пытались доказать, что камчадалы делали глиняную посуду². Современный этнограф Ю.А. Сем, подчеркивая наличие в средневековых памятниках, расположенных на территории расселения нанайцев, керамических сосудов, приходит к выводу, что "народам Амура была известна глиняная посуда и секреты ее изготовления"³. Вслед за Л.И. Шренком, объяснявшим исчезновение керамического производства у народов Амура введением насильственных и разорительных мер цинского правительства⁴, он продолжил выяснение причин упадка данной отрасли ремесла, полагая, что главные из них связаны с непрерывными разорительными войнами XIII–XVIII вв., а также с интенсивным развитием "обмена и торговли, во время которых стала поставляться более дешевая керамика, что сделало ненужным заниматься изготовлением керамической посуды в каждом селении"⁵. Попытки многих ученых убедительно доказать правильность своих предположений не имели успеха – не хватало фактического материала.

В настоящее время на указанной территории выделено четыре средневековые археологические культуры: мохэская (включает пять локальных групп – благословеннинская, михайловская, найфельдская, троицкая, гладковская)⁶; бохайская (включает две локальные груп-

пы — николаевская, новогордеевская), культура амурских чжурчженей (включает две локальные группы — корсаковская и надеждинская)⁷; культура приморских чжурчженей (включает шайгинский и ананьевский вариант)⁸. Хронологический диапазон первых трех культур может быть ограничен IV—XI вв., четвертой — XII—XIII вв. Несмотря на наличие довольно значительного числа локальных вариантов, мохэская, бохайская и культура амурских чжурчженей, по нашему мнению, однотипны, в прошлом родственны, в частности, прослеживается единая тенденция в развитии их керамики. Поэтому мы считаем возможным предложить для них общую характеристику.

По технике изготовления керамику этих трех культур можно разделить на лепную, доработанную на круге, станковую. Такое сочетание различных уровней гончарного производства в одно время на разнотипных памятниках свидетельствует о различном происхождении разных категорий керамики. Лепная посуда представлена вазовидными, горшковидными, баночными сосудами мохэского типа, а также чашами. Под посудой мохэского типа подразумевают изделия ручной выделки (кухонная утварь) со скошенным краем лент, налепным валиком под венчиком, угловым сочленением дна и тулова, выполненные в технике выбивки. Отличительные особенности "типично мохэских сосудов" и, в первую очередь орнаментальные, послужили главным критерием выделения мохэской и бохайской культур. В то же время именно этот тип сосудов объединяет их. Лепные сосуды носят все признаки домашнего производства и на каждом памятнике имеют свои индивидуальные черты. Традиция изготовления "типично мохэских сосудов" достаточно стабильна и на протяжении IV—VII вв. не изменялась. После VII в. в керамике троичской группы (Троицкий могильник, Ураловка) мохэской культуры, николаевской группы (городище Николаевка-II, Марьяновское, Абрикосовское поселения) бохайской культуры, амурских чжурчженей (Надеждинский, Болоньский могильники, Дубовое, Корсаковский могильник) отмечают неточность оформления традиционного налепного валика под венчиком, искажение формы сосудов, замена ложнотекстильного орнамента новым, скопированным с гончарной посуды. Таким образом, можно говорить, что лепная посуда "мохэского типа" после VII в. — времени образования бохайского государства — начинает приходить в упадок. Почему это случилось?

Как уже отмечалось, в трех названных культурах была обнаружена керамика, доработанная на круге. В благословеннинской и найфельдской группах памятников мохэской культуры она представлена вазами, форма и традиция изготовления которых заимствованы в предшествующей польцовской культуре. В культуре амурских чжурчженей, у бохайцев Приморья и Маньчжурии набор доработанной на круге посуды включал горшки пяти разновидностей, вазы, миски, котлы, чаши. Техника изготовления и оформительский стиль только двух горшков (с валиком под венчиком, выполненным из ленты головыны или венчика) продолжают гончарную традицию найфельдской группы мохэ. Посуда других форм (горшки с ленточными ручками, с горизонтально прочерченным желобком изнутри венчика, миски, котлы и пр.) прототипов в мохэской культуре не имеет и появляется у бо-

хайцев и амурских чжурчжэней сразу в развитой форме. В том, что подобная керамика выделялась в ремесленных мастерских, сомневаться не приходится. Стандартная посуда, широко распространенная на городищах Приморья, могильниках и городищах Приамурья, аналогична гончарным изделиям из верхней столицы Бохая Дунцзинчэна и других городищ Маньчжурии. Из письменных источников известно, что в средневековые молодые "варварские" государства, заботясь о развитии ремесленного производства, покупали и захватывали чужих мастеров⁹. Отсюда становится понятным внезапное появление разных форм посуды, не имеющих истоков в аборигенных культурах. И если в лепной керамике нашли отражение характерные черты культур, то в керамике, доработанной на круге, все различия были сглажены. Поэтому исследователи, принимавшие за эталон стандартную ремесленную посуду, отражающую лицо ремесленного центра, но никак не лицо аборигенной культуры, долгое время воспринимали культуры как единообразные, без локальных вариантов.

Что касается уровня развития гончарного мастерства у мохэсцев, то он у всех них, кроме оставивших найфельдскую группу памятников, не поднялся выше домашнего производства. У представителей найфельдской группы, очевидно, были зачатки ремесленного производства керамики. Но это не их заслуга. Ведь носители мохэской культуры до прихода на Дальний Восток гончарного круга не знали, а сама культура имела кочевой характер. Однако население найфельдской группы сумело впитать высокоразвитые гончарные традиции польцовской культуры, приспособило их к своим нуждам и в результате внесло свою лепту в развитие бохайской керамики, доработанной на круге. Лепная керамика еще в эпоху раннего средневековья не во всех культурах сразу (первоначально только в отдельных группах) стала вытесняться гончарной посудой и металлическими котлами. "Типично мохэская посуда" использовалась как ритуальная в погребениях XI, XII вв.

Сложнее анализировать и интерпретировать станковую керамику. Известно, что она имеет единые корни в мохэской, бохайской и чжурчжэньской (амурской) культурах¹⁰. Эта категория посуды характерна для позднемохэских памятников троицкой группы (в других группах пока не обнаружена), для обеих групп бохайской культуры Приморья (здесь она является господствующей и залегает обычно в верхних горизонтах)¹¹ и для чжурчжэньских комплексов Амура. Станковая посуда достаточно однородна. Одинаковый набор форм, исключая корсаковский вариант у чжурчжэней, прослеживается в Приморье, Приамурье, Маньчжурии, на Корейском полуострове. В этот набор входят вазы, горшки, корчаги, корчажки, миски, долбчатые сосуды, котлы, чаши, бутылевидные изделия. Элементы технологии производства, в частности изготовление валиков на станке путем выдавливания, и орнаментация лишь отдельных сосудов из этой коллекции могут иметь отдаленные связи с аборигенной гончарной традицией.

В целом в станковой посуде нашли отражение отдельные гончарные традиции местных культур, в том числе когуреской¹², а также характерные для средневековья Южной Сибири, Прибайкалья, Средней

Азии. Подтверждением этому служат находки "кыргызских ваз", по-
щенных уйгурских сосудов, разнообразной штампованной ляской посу-
ды¹³. "Местной" станковую керамику можно назвать лишь в том
смысле, что она, возможно, изготовлялась в центрах, расположенных
на территории аборигенных племен.

Для завершения разбора средневековой керамики осталось позна-
комиться с гончарными традициями культуры приморских чжурчжэней.
Керамика этой культуры представлена лепной (9%) и станковой (91%)
посудой, что сразу выдает ремесленный характер отрасли. Выделено
13 форм сосудов: корчаги, горшки, кружки, вазы, банки, шаровидные
сосуды, тазы, бутылки, чаши, розетки, тигли, бокалы, светильники¹⁴.
Разнообразие набора посуды свидетельствует о том, что она появи-
лась сразу в развитой, сложившейся форме. Признаки преемственности
между ремесленной керамикой предшествующих культур и приморских
чжурчжэней, не прослеживаются. Общими элементами являются дета-
ли оформления сосудов, например трубчатых венчиков¹⁵. Видимо, ре-
месленные центры данной культуры развивались самостоятельно, кор-
ни же их еще предстоит выяснить. Необходимо отметить, что кера-
мика чжурчжэней Приморья, в отличие от широко распространенной
ремесленной керамики бохайской культуры (Приамурье, Приморье,
Маньчжурия), известна на весьма ограниченной территории (юг При-
морья и Маньчжурия).

Таким образом, еще в эпоху раннего средневековья, после VII в.,
аборигенные культуры Приморья и Приамурья в связи с появлением
ремесленной металлической продукции утрачивают свои гончарные
традиции. Этот процесс был характерен для большинства культур Цент-
ральной, Восточной и Северной Азии. Подтверждением этому являют-
ся многочисленные археологические и этнографические данные. Как
показали раскопки А.П. Окладникова нанайских стойбищ (падь Боль-
шой Дурап, окрестности Хабаровска), в XVII в. местное население
пользовалось покупной посудой: фаянсовыми и селадоновыми чашами.
В XIX—XX вв. у гольдов, отмечал И. Лопатин, была покупная посу-
да, как правило, пиалы и графины¹⁶. Многие этнографы отмечали,
что народы Северной Азии покупали большую часть необходимых
предметов, в том числе глиняную посуду. Выявлены центры, в кото-
рых производился обмен, например Пуль (Черный Яр на нижнем Аму-
ре): сюда приходили ульчи, "тунгусские охотники с Зеи и Яблонева
хребта. . . Гиляки с берегов Охотского моря . . . мангунны со свои-
ми соседями гольдами . . . с Уссури и Горина"¹⁷. В пользу выска-
занного положения свидетельствуют результаты анализа фольклорно-
го и лингвистического материалов. Так, в языке нанайцев, ульчей,
орочей, нивхов, удэгейцев полностью отсутствует какая-либо терми-
нология, связанная с гончарством. Думается, в свете данных об ут-
ере аборигенами Северной Азии собственного гончарного производ-
ства еще в эпоху средневековья необходимо иначе рассматривать и сам
культурогенез.

- 1 Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 351.
- 2 Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские. Владивосток, 1922; Спасский Г. Владимир Атласов – покоритель Камчатки. – Журнал русского географического общества, 1858, т. 24, с. 164; Иохельсон В.И. Археологические исследования на Камчатке. – Изв. РГО, 1930, т. 62, вып. 4, с. 127.
- 3 Сем Ю.А. Нанайцы. Т. 1. Материальная культура. Владивосток, 1973, с. 127.
- 4 Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Спб., 1899, с. 138.
- 5 Сем Ю.А. Нанайцы, с. 127.
- 6 Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1979, с. 3, 10–12.
- 7 Мелведев В.Е. Чжурчжэньская культура: ее варианты и связь с чжурчжэньским этносом (Приамурье). – В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981, с. 78.
- 8 Хорев В.А., Шавкунов Э.В. Наконечники стрел Ананьевского городища. – В кн.: Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981, с. 116.
- 9 Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975, с. 93, 232.
- 10 Дьякова О.В., Болдин В.И. Классификация орнаментов гончарной керамики городища Николаевка-II. – В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск, 1979, с. 118.
- 11 Семениченко Л.Е. К вопросу об этнокультурных связях мохэ-бохайцев. – В кн.: Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976, с. 89.
- 12 Когурё Мунхва (Культура Когурё). Пхеньян, 1974, с. 30–65 (на кор. яз.).
- 13 Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 30–33.
- 14 Тупикина С.М. Керамика чжурчжэней XII – начала XIII в. и ее классификация. – В кн.: Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978, с. 64–72.
- 15 Тупикина С.М. Керамика чжурчжэней. . . , с. 71–72.
- 16 Лопатин И.А. Гольды амурские. . . , с. 105–107.
- 17 Смоляк А.В. Ульчи. М., 1966, с. 19.

ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УРАЛЬСКИХ И АЛТАЙСКИХ ЭТНОСОВ

В исследованиях по истории материальной и духовной культуры все чаще обсуждается актуальность и перспективность изучения историко-этнографических областей (ИЭО) как локализованных в пространстве и во времени частей ойкумены, население которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния формирует многие общие особенности хозяйства, социального строя, культурных ценностей и быта¹. Действительно, всестороннее исследование ИЭО открывает новые исследовательские перспективы, позволяет существенно повысить доказательность сравнительно-исторических сопоставлений при анализе различных сфер культуры, более глубоко понять развитие отдельного этноса в системе связанных с ним народов. Комплексное (междисциплинарное) освещение истории формирования и современного состояния ИЭО позволяет иначе взглянуть на ставшие традиционными решения некоторых этногенетических и этнокультурных проблем.

Изучение в указанных аспектах Волго-Уральской ИЭО представляет особый интерес, так как тюркские и финно-угорские народы, расселившись на огромных лесостепных и степных пространствах Евразии, именно здесь, на территории Восточной Европы, от Оки и до Южного Урала, на протяжении двенадцати столетий имели постоянные и тесные контакты. В свете вновь актуализируемых гипотез об урало-алтайском генетическом родстве или о древнейших сношениях уральских и алтайских народов рассмотрение истории этнокультурной интеграции финно-угорских и тюркских народов в Волго-Уральском регионе может явиться новым вкладом в разработку традиционных проблем урало-алтаистики.

В настоящее время на смежной территории Среднего Поволжья и Приуралья (321 тыс. км²) находятся шесть автономных республик, в том числе три (Марийская, Мордовская и Удмуртская) с коренным финноязычным и три (Башкирская, Татарская и Чувашская) — с коренным тюркоязычным населением. В шести названных республиках проживает около 12 млн. чел., в том числе более 2,8 млн. татар, до 1,2 млн. чувашей, свыше 900 тыс. башкир, более 500 тыс. удмуртов, по 400 тыс. с лишним марийцев и мордвы (табл. 1). Более 44% всего населения составляют русские. Только в Чувашской АССР коренная национальность превышает (68%) половину населения. Значительные группы тюрко- и финноязычного населения обитают в соседних областях — Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Ульяновской и других, территории которых в прошлом вхо-

Т а б л и ц а 1*

Национальный состав автономных республик Волго-Уральского региона, тыс. чел.

Национальность	БАССР	Мар. АССР	Морд. АССР	ТАССР	УАССР	ЧАССР	Итого
Башкиры	936			(3)**	(2)**		941***
Марийцы	107	307		17	(9)**	(2)**	442***
Мордва	(41)**	(2)**	339	30	20	20	432***
Русские	1548	335	591	1516	870	338	5198
Татары	940	41	46	1642	99	38	2806
Удмурты	(28)**	(3)**		25	480		536***
Украинцы	76	(5)**	(6)**	29	11	(5)**	132***
Чуваши	122	8		147	(3)**	888	1168***

* Составлена по данным: Брук С.И. Население мира. М., 1981, с. 212, 214-215; Население СССР. М., 1980, с. 7.

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4. М., 1973, с. 131, 140-141, 144, 146, 149.

*** Данные переписей 1970 и 1979 гг. (Брук С.И. Население мира; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года).

дили в зону формирования ИЭО. Здесь проживало (на 1970 г.) около 723 тыс. татар, свыше 443 тыс. мордвин, 243 тыс. чувашей, 91 тыс. башкир, 67 тыс. марийцев и 53 тыс. удмуртов. Таким образом, с учетом указанных областей Волго-Уральский регион населяют почти 6 млн. татар, чувашей и башкир; до 2 млн. удмуртов, марийцев и мордвин. Русское население в регионе составляет около 19 млн. человек, из них в автономных республиках более 5 млн., в областях — свыше 13,5 млн.

Значительная часть татар, чувашей, башкир, мордвин, удмуртов и марийцев ныне расселяется вне очерченных границ Волго-Уральской ИЭО (табл. 2).

За пределами ИЭО наиболее массово представлены татары в среднеазиатских республиках (1154 тыс. чел.), Зауралье (368 тыс.), Западной Сибири (269 тыс.), Москве и Подмосковье (198 тыс.), Кавказе и Предкавказье (152 тыс.), Украине (76 тыс.), Ленинграде и его окрестностях (38 тыс.). Свыше 50 тыс. татар живет за рубежом (23 тыс. — в Румынии, 7 тыс. — в Болгарии, по 10 тыс. — в Китае и Турции).

Даже самая общая характеристика национального состава народонаселения региона показывает, что Волго-Уральская область являлась

Таблица 2*

Численность национальностей Поволжья в ИЭО и за ее пределами, тыс. чел.

Национальность	Всего	В том числе	
		в ИЭО	вне ИЭО
Татары	6370	3529	2788
Чуваши	1751	1411	340
Башкиры	1371	1032	339
Мордва	1192	875	317
Удмурты	714	589	125
Марийцы	622	509	113
Всего	12020	7945	4022

* Составлена по данным: Брук С.И. Население мира, с. 868, 874–875, 877–879; Население СССР, с. 23–24, 27; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.

зоной активных, тесных и сложных этнокультурных контактов и взаимодействий. В прошлом здесь имели место частые перемещения населения. Поэтому восстановить поэтапно этнические процессы в прошлом, проследить миграционные потоки, установить причины и результаты крупных сдвигов населения – задача весьма трудоемкая. Только при последовательно историческом подходе к изучению генезиса, формирования и развития, а также особенностей современного функционирования ИЭО в целом и каждого этноса в отдельности можно рассчитывать на положительные результаты. В последние два-три десятилетия опубликован ряд монографических исследований, содержащих богатый материал по этнической истории отдельных народов региона². Однако только недавно специалистами была четко сформулирована идея о необходимости осмысления Волго–Уральской общности как некоей социокультурной динамической целостности и сделаны первые попытки осветить конкретные аспекты темы³. Конечной целью этих исследований является полная и комплексная характеристика Волго–Уральской ИЭО. Достичь ее можно при многоплановом изучении и обобщении материалов, полученных историками, археологами, этнографами, лингвистами и представителями других наук. Исследователи ставят задачу реконструировать основные этапы истории формирования Волго–Уральской ИЭО, выявить на этой базе наиболее существенные характеристики возникшей общности в хозяйственно-экономической, социально-политической и культурно-бытовой сферах, которые выступали в те или иные периоды ареалообразующими факторами. В связи с вопросом о современном функционировании ИЭО необходимо выяснить, как реагируют ее существенные характеристики

на коренные изменения культурных и языковых границ внутри ареала в условиях социалистического общества.

История взаимодействия этносов в Урало-Поволжье тесно связана с их "вживанием" в конкретную природную систему региона, которая характеризуется многообразием физико-географических условий. Однако, несмотря на это разнообразие, Волго-Уральская ИЭО представляет собой некую целостность, в которой основную хозяйственную роль играли лесостепные районы. Именно в лесостепных районах Среднего Поволжья и Приуралья наиболее тесно контактировали и активно взаимодействовали различные этнические образования эпохи древности, средневековья и нового времени. Этнический ландшафт региона подвергался в эти эпохи нередким изменениям, поэтому сегодня затруднительно реконструировать ретроспективы развития каждого этноса и периодизацию эволюции ИЭО в целом. Однако на основании имеющихся данных в истории генезиса и развития Волго-Уральской ИЭО можно попытаться выделить по крайней мере шесть крупных этапов, каждый из которых отличается специфическим сочетанием хозяйственной и культурной деятельности населения соответствующей эпохи⁴. Эти этапы характеризуются:

1) сложением Волго-Уральско-Прибалтийской финно-угорской неолитической общности (примерно III – начало II тыс. до н.э.);

2) распадом во второй половине II тыс. до н.э. финно-пермского этнолингвистического единства и формированием позднее восточно-финской Волго-Камской общности; взаимодействием финно-угорских племен с индоевропейскими племенами степей во II-I тыс. до н.э.; развитием производящих форм хозяйства и некоторых сходных черт культуры у населения региона; дифференциацией восточно-финской общности на волжско-финскую и пермскую и образованием в первой половине I тыс. н.э. реальной основы для консолидации финно-угорских народов региона; установлением тесных этнокультурных контактов со степным югом и Северным Кавказом и формированием признаков обширной историко-этнографической области, включающей Поволжье, Приуралье и Северный Кавказ;

3) взаимодействием финно-угорского населения с раннетюркскими мигрантами (середина I тыс. н.э. – начало XIII в.); превращением Среднего Поволжья (Булгарское государство) в основную зону формирования обособившейся Волго-Уральской историко-этнографической области; сближением и интеграцией в ее рамках различных хозяйственно-культурных типов (охотников и рыболовов, земледельцев, кочевых скотоводов) и тенденцией к преобладанию плужного земледелия и соответствующих ему черт культуры; формированием основных очертаний современных финно-угорских этносов региона и сложением слабо дифференцированной тюрко-булгарской этнолингвистической общности;

4) взаимодействием финно-угорского и раннетюркского населения Среднего Поволжья и Приуралья с позднетюркскими (кыпчакскими) мигрантами в XIII-XV вв.; консолидацией современных этносов (удмуртов, мари, мордвинов, чувашей, татар, башкир) и этнических

групп; сложением основных границ, культурных и языковых характеристик историко-этнографической области;

5) широкой миграцией восточно-славянского (русского, в меньшей степени украинского) населения на территории области в XVI – XIX вв., активными передвижениями местного населения и нарушениями компактности в расселении коренных этносов; активизацией межэтнических контактов и формированием слоя культуры под влиянием русского крестьянского населения; образованием новых или трансформацией старых этнографических групп (тептери, кряшены, каратаи, терюхане, бесермяне и др.);

6) национально-государственным строительством после победы Октябрьской революции, подъемом и расцветом национальных культур; интенсификацией межэтнических процессов взаимодействия и взаимовлияния; развитием национальных культур этносов области по пути сближения с общесоветской культурой.

Как показывает анализ, в различные периоды с разной силой в качестве ареалообразующих выступали следующие факторы:

1) формирование тюркских народов региона – чувашей, татар (в том числе мишарей) и башкир – на основе пришлых тюркских племен и местного восточно-финского и угро-самодийского субстрата. Последний представлен у указанных этносов, естественно, в разных пропорциях. Это подтверждается достаточно обширными археологическими, антропологическими и историко-этнографическими данными. Сильное смешение дает основание в определенном смысле говорить об общности процесса этнического становления финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья и считать это этногенетическое единство одним из основных ареалообразующих факторов. При этом языковые границы в рамках ИЗО не всегда коррелируются с границами этносов, а культурные и языковые границы в результате длительности и сложности этнокультурных процессов не совпадают;

2) постоянно действующая тенденция к формированию в сходных природно-географических условиях общего хозяйственно-культурного типа (хотя ИЗО может складываться и на основе этносов с различными хозяйственными укладами). При этом тенденцию ко всеобщему распространению приобрели наиболее развитый тип хозяйства (плужное земледелие) и соответствующий комплекс культуры;

3) общий пласт и типологически сходные элементы в различных сферах культуры, частью сформировавшиеся в результате упомянутых особенностей этногенетических процессов, частью – в результате длительного исторического взаимодействия культур в различные эпохи, частью – явившиеся производной определенного типа хозяйства. В последнем случае общие культурные черты Волго-Уральской области приобретают региональный, но не этнический характер;

4) политическая организация в лице государства (Волжская Булгария, Казанское ханство), которое становится при определенных исторических условиях центром этнополитического и этнокультурного воздействия на периферию и как бы "организует" интеграционные процессы в различных сферах хозяйственных занятий и культуры. При этом, если социально-экономическое развитие населения рассматри-

ваемой ИЭО находится примерно на одном уровне в рамках единой формации, этнокультурные процессы сближения протекают относительно спокойно и долго. Конфессиональные признаки не имеют самостоятельного значения как ареалообразующие факторы, однако официальная религия государства и традиционные религии играют заметную роль в формировании ИЭО, главным образом ее культурных границ. С этим связана во многом ситуация бикультуризма в регионе;

5) языковое родство либо языковое типологическое сходство. Современное лингвистическое пространство ИЭО включает в себя не менее десяти компактно представленных языков и их крупных наречий: индоевропейских (главным образом русский), уральских (финно-угорские, преимущественно волжская и пермская группы – два марийских, два мордовских и удмуртский), алтайских, особенно тюркских (башкирский, татарский (оба относятся к кыпчакской группе) и чувашский (булгарская группа)).

Последовательность взаимодействия указанных языков по территориальным и хронологическим признакам чрезвычайно затруднена в силу неустановленности нижних (т.е. наиболее ранних) временных границ речевых явлений, локализуемых в Волго-Уральском регионе. Поэтому в исторической лингвистике чаще используются относительные периодизации, согласно которым в названном ареале сосуществовали либо частично сменяли друг друга этнические общности, восходящие к трем вышеназванным большим семьям языков (индоевропейская, уральская и алтайская), а также к их более дробным подразделениям.

Представляется, что многокомпонентную картину прошлого и современного состояния волго-уральских языков наиболее верно характеризует определение их совокупности в качестве языкового союза⁵. Многочисленные аргументы лингвистического характера подтверждают жизненность тезиса о финно-угорско-тюркском взаимодействии на протяжении II тыс. н.э. и свидетельствуют о том, что именно Волго-Уральская ИЭО стала ареной постоянных, интенсивных, длительных и прочных контактов между аборигенными финно-уграми и прикочевывавшими тюрками (а до последних и с ираноязычными племенами).

Современные этнолингвистические процессы среди народов Урало-Поволжья в целом вписываются в систему взаимодействия всех национально-языковых образований Советского Союза (и особенно РСФСР), характеризующуюся решающим влиянием русского языка, который является средством межнационального общения. Начиная с 1917 г. все более распространяется двуязычие (нередко через ступень предшествующего трехязычия), одним из партнеров которого выступает русский, а другим – какой-либо местный национальный язык.

¹ Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.Н. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 215; Чебоксаров Н.Н. Этногенез и этническая история как предмет этнографической науки. — СЭ, 1980, № 2, с. 144–145.

² Чуваши. Этнографические исследования. Ч. 1. Чебоксары, 1956; ч. 2, 1970; Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974; Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; и др.

³ Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья. Уфа, 1976; Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. — В кн.: Проблемы типологии и этнографии. М., 1979; и др.

⁴ Подробнее см.: Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. и др. Волго-Уральская историко-этнографическая область. — В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978–1979 гг. Уфа, 1980, с. 10–12; Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Основные этапы формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (культурные и языковые границы). — В кн.: *Congressus Quintus Internationales Fenno-Ugristarum, Pt II.* Turku, 1980, S. 232.

⁵ О квалификации Волго-Камского, или Волго-Уральского, языкового союза см.: Серебrenников Б.А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 7–17; Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979, 304 с.; Он же, Структурно-семантический глоссарий урало-поволжских языков. Уфа, 1979. 80 с.; и др.

П. В е р е ш

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Этногенез древних угров происходил в самой южной части их уральской прародины, в исключительно благоприятных в экологическом отношении условиях западно-сибирской лесостепи вблизи Урала. Именно здесь общие предки венгров, хантов и манси создали свою оседлую рыболовную и скотоводческо-земледельческую культуру и оформились в самостоятельную этноязыковую общность. В конце неолита в результате экологических, а также некоторых хозяйственных изменений и внешних влияний в более или менее единой доселе археологической культуре Урала и Западной Сибири возникли резкие ло-

кальные различия. Особенно четко они проявились на юге. С наступлением эпохи раннего металла разорвались этнические связи между древними уральцами — охотниками и рыболовами, оставшимися в сибирской тайге, и родственными им уграми, попавшими, по-видимому, в новую, более благоприятную экологическую среду и частично перешедшими на производящее хозяйство. Вполне допустимо предположение об этнической связи андроновидного археологического комплекса, для которого характерны производящее хозяйство, могилы с ориентацией на запад—восток и особый, широколищый, но европеоидный, антропологический тип, с древними уграми. Этой гипотезе не противоречат данные дальнейшей этнической истории древних венгров и обских угров. Ей же в большей степени, чем традиционной концепции о локализации прародины угров в Прикамье, соответствуют результаты новейших антропологических, палео-, палинологических и других исследований. В свете многочисленных археологических материалов Европейского Приуралья, а также новых лингвистических данных об иранских заимствованиях в угорских языках район Среднего Поволжья должен быть исключен из тех территорий, которые связывают с происхождением общих предков венгров, хантов и манси. Ведь нет никаких данных об ирано—угорском языковом симбиозе. Сильное влияние иранцев на угров происходило позже, после их разделения, в период самостоятельного развития этих народов и их языков.

Угорскую языковую общность лесостепи Зауралья одновременно можно называть и этнической, так как современные этнические названия "мадьяр" и "манси", а также фратриальные наименования обских угров "мось" или "монтть" можно привести к общей угорской праформе *mańśэ. Раньше это слово ошибочно считали иранским заимствованием. Представляется, что этот общеугорский этноним был либо привнесен в более раннее время, еще в финно—угорскую эпоху от протоиндоиранцев (mańś), либо является ностратическим реликтом. По нашему мнению, первую часть этнонима венгров "мадь" и самоназвания манси можно связать с финно—угорским глаголом mon— 'говорить', 'рассказывать', позднее объединившимся с суффиксом прилагательного —се/са. К этому сочетанию в венгерском и в обско—угорских языках закономерно добавляется слово "человек" (—ар, хум, нэ).

Этнонимы со значением "говорящий человек", выражающие резкие языковые различия контактирующих этнических общностей, встречаются и у других народов. Лингвисты финно—угроведы до сих пор не обратили внимания на то, что сходные формы характерны не только для угорских и индоевропейских, но и почти для всех языков так называемой ностратической макролингвистической общности, например ностратическая праформа *moń, финно—угорская реконструкция *moni, угорская *mańśэ. Совпадение древне—угорского этнонима с реконструированной формой отглагольного существительного *mańśэ 'сказка, рассказать' считали случайностью, утверждая, что этноним всегда возникает на основе слова "человек". Не привлеклось во внимание и то, что народы, называя себя "людьми", никогда (за исключением этнического смешения) не заимствуют это

слово от чужих. Однако смешения, по утверждению самих лингвистов, не произошло между древними уграми и иранцами.

Мы пришли к тому выводу, что угорская этноязыковая общность в лесостепном Зауралье, имевшая андронидный культурный облик, после тысячелетнего существования распалась. Это происходило, по всей вероятности, на рубеже II—I тыс. до н.э. В этом определенную роль сыграли сложные экологические и культурно-хозяйственные процессы позднего бронзового и раннего железного веков, долгое время не привлекавшие внимание исследователей. Следует отметить значительное климатическое изменение в конце суббореального периода в Северной Евразии, которое, по новейшим палинологическим данным, было связано с увлажнением. Важно и то, что начиная приблизительно с XIII в. до н.э. во всех ландшафтно-климатических зонах Евразии происходили существенные экологические сдвиги: на севере, в лесах, — увлажнение; на юге, в степных и пустынных районах, — аридизация климата. Это вызвало большие переселения народов на обширной территории от Индии и Балкан до Прибалтики и от Поволжья до Западной Сибири. При выяснении причин распада угорской языковой общности, который привел к выделению древних венгров, первостепенное значение имеет то обстоятельство, что климатические изменения в лесостепи Западной Сибири действительно имели место на рубеже II—I тыс. до н.э. и оказали определяющее влияние на дальнейшую судьбу древних угров, живших на границе таежного леса и степи Западной Сибири. Для того чтобы выжить, они должны были либо приспособить свой хозяйственный уклад к новой экологической обстановке, либо оставить эту территорию и переселиться в области с более благоприятными условиями. Ведь этнос является открытой, динамичной системой, которая инкорпорирует иноэтнические группы, постоянно стремится к равновесию, гомеостатическому состоянию. Внутри этой адаптивной системы постоянно усложняются и дифференцируются составные части, поскольку именно с помощью механизма обратной связи постоянно протекают взаимоотношения с окружающей средой. Относительная стабильность этноса как особой социальной системы выражается соответствующим балансом со средой. Северные племена угров — далекие предки хантов и манси — начиная с XII в. до н.э. постепенно переселялись из районов лесостепи Зауралья в бассейн нижней и средней Оби — на современную их этническую территорию в таежной части Западной Сибири. Народы южной группы угров — предки венгров — в это же время, примерно на рубеже II—I тыс. до н.э., как и другие соседние народы степи (и частично лесостепи), переходили к более прогрессивному специализированному типу хозяйства — пастбищному кочевому скотоводству, в основном формирующемуся в этот период в степной полосе Евразии под влиянием иссушения климата. Небезынтересно отметить, что в XII—X вв. до н.э. из лесного Зауралья в северную Казахстанскую степь проникают андронидная археологическая культура и группа населения уральского антропологического типа. Таким образом, расселению угорской этноязыковой общности примерно на рубеже II—I тыс. до н.э. способствовало одновременное выделение предков обских угров и венгров.

Последние активно участвовали в первом крупном общественном разделении труда, происходившем в конце бронзового — начале железного века в степной зоне Старого Света. По всей вероятности, во время упомянутого климатического изменения между XIII—X вв. до н.э. протовенгры покидали лесостепи Зауралья, приспособливая вместе с тем свою экономическую систему к новым экологическим условиям засушливых степей.

Древние венгры от оседлого комплексного хозяйства стали переходить к новым специализированным формам скотоводства — кочевничеству с коневодческим уклоном, что, несомненно, должно было обусловить их более подвижный образ жизни. Переходу древних венгров к номадизму способствовали скотоводческие навыки, приобретенные ими ранее в лесостепи Зауралья. Венгры, переходя на кочевой образ жизни в степной полосе, попали в более благоприятные условия, чем другие финно-угорские народы, оставшиеся в лесной и таежной зонах Северной Евразии и продолжавшие и далее заниматься земледелием. По новейшим антропологическим данным, венгры-кочевники находились между нижней Волгой и Аральским морем в I тыс. до н.э. Природно-климатические условия этой зоны благоприятствуют кочевому образу жизни. Из злаковых здесь растет лишь сухоустойчивое просо, возможно разведение лошадей и овец и отсутствие крупного рогатого скота. Предположение о расселении венгров на указанной территории подтверждается данными венгерского языка, на которые, однако, до сих пор не обращали внимания специалисты. Более того, в Северном Прикаспии для бронзовой эпохи палинологическим анализом выявлены пыльца вяза и березы, названия которых имеют финно-угорское происхождение. В венгерском языке эти названия сохранились до сих пор, хотя предки венгров после выделения из угорской этноязыковой общности почти два тысячелетия были типичными кочевниками в средней и западной частях евразийской степной зоны. Новейшие исследования опровергают широко распространенное, но слабо аргументированное мнение о распаде угорской общности в результате вклинивания тюркских народов. Соседями угров были не тюрки, а древние иранцы и этносы, определить происхождение которых — задача будущих исследований. Очевидно, изменение хозяйственной жизни южных угров вызвало окончательное их отделение от североугорской группы и возникновение нового этноса — древних венгров. Во всяком случае именно в I тыс. до н.э. — в эпоху ранних кочевников — на основе фонетических тенденций, сходства с древнеиранским языком: *p → f, *t → c, *k → h, *s → h, и появления в начале слов звуков b-, d-, g-, не характерных для других финно-угорских языков, за исключением языков пермской группы, в которые они, по-видимому, были привнесены от иранцев, начала формироваться система согласных современного венгерского языка. Возможно, предки венгров и иранцев долгое время были соседями, и вследствие культурных и других связей между ними возник так называемый языковой союз, благодаря которому расширился ареал распространения общих фонетических изоглосс. К этому добавим, что длительный процесс формирования антропологического облика древних венгров

основывался на срубно-андроновском антропологическом субстрате, частично имевшем протоиранский этнический характер, и охватывал территорию между нижней Волгой, Мугоджарами и Аральским морем.

Итак, можно сделать вывод о том, что в этнической истории древних венгров, выделившихся из угорской этнолингвистической общности к началу I тыс. до н.э., важную роль играли межэтнические связи с другими народами. Однако при этногенезе венгров наряду с внешними культурными влияниями важное значение имели и внутренние этноинтегрирующие факторы. Внутренний фактор этнической консолидации вытекал из своеобразного, изолированного, положения венгров в степи.

Древневенгерские диалекты, носившие финно-угорский характер, были обособлены среди языков кочевников, принадлежавших к индоевропейской или алтайской семье. Это обстоятельство во многом препятствовало связи венгров с другими кочевниками. В результате неизбежного сужения брачных связей возник не только языковой, но, в известной мере, и генетический барьер между ставшей сравнительно закрытой эндогамной древневенгерской группой и окружающей ее чужой этнической средой. Это, в свою очередь, привело к относительной языковой, культурной, в некоторой мере даже антропологической однородности.

Таким образом, древневенгерский этнос (ряд племен и соответствующих им племенных диалектов) формировался в I тыс. до н.э. как закрытая коммуникационная система, имевшая информационную сеть средней интенсивности. Противопоставление древневенгерского этноса соседним (не родственным генетически) общностям нашло отражение не только в изолированном положении языка и высоком уровне эндогамности, но и в осознании народом бинарного понятия "мы — они", т.е. в возникновении этнического самосознания, которое, очевидно, выражалось и в создании собственного самоназвания. Возможно, этноним мадьяр (венгр) этимологизируется как "говорящий человек". Это этимологическое значение венгерского этнонима связано с дихотомией "говорящий — немой". Реконструированная форма самоназвания венгров (и манси) *maŋsэ не случайно совпадает с древнеугорскими отглагольными существительными *maŋsэ 'рассказ', 'сказание', 'рассказать'. По-видимому, этноним "мадьяр" у венгров формировался на осознанном языковом различии. Противопоставление "свой-чужой" выражалось дихотомической оппозицией: "Мы говорим, а они не понимают". Этноним с подобным значением, хотя и не часто, но встречается в архаическом пласте культуры других народов. Например, название славян обозначает: мы — "говорящие", а они, т.е. чужие, "неговорящие" — немые (немцы). В Восточном Судане горные буруны называют себя "кто понимает язык", а соседей "глухими". Выражение "варвар" у древних греков, "бербер" у арабов, как известно, происходит и от слова "заикающийся".

Исходя из всего сказанного, древневенгерский этнос можно характеризовать как осознанную культурно-языковую общность, которая формировалась на определенной территории между людьми, живущими в сходных общественно-экономических условиях. Благоприятную роль

при этом сыграло кроме эндогамии то обстоятельство, что у древних венгров к началу I тыс. до н.э. одновременно (а не позже) с другими степными народами сформировался свой кочевой уклад жизни. Именно поэтому наряду с иранцами и тюрками, численно доминировавшими в степи, венгры сохранили внутреннюю общественную автономию и свое этническое лицо. Конечно, это не исключало различных этнокультурных связей, выражавшихся в двуязычии или отделении некоторых групп от основной массы венгров, а также в ассимиляции чужих.

Переход древних венгров к кочевничеству на рубеже II—I тыс. до н.э. вытеснил на задний план земледелие. Кочевническое хозяйство древних венгров, а также географическая специфика — аридность их этнической территории — объясняют, почему не удалось выявить до сих пор раннюю, собственноязычную терминологию земледелия. Венгерские племена потеряли специфически кочевнический характер хозяйства сравнительно поздно. Поэтому не удивительно, что первые основные земледельческие термины венгров (плуг, серп, пшеница, ячмень, жатва, стог и т.п.) заимствованы из языка тюркских народов Хазарского каганата между 750–896 гг. н.э. Этот важный процесс происходил в южной части территории салтово-маяцкой археологической культуры, которая отражает процесс оседания разных по этническому составу кочевых и полукочевых народов и их хозяйственную деятельность, в том числе и пашенное земледелие, садоводство, виноградарство. Пока нет никаких данных, свидетельствующих о потере венгерскими племенами специфически кочевнического характера своего хозяйства в скифо-сарматскую эпоху. Постепенное распространение более развитых форм земледелия у венгров можно приурочить только к эпохе "великого переселения народов", когда после IV в. н.э. они перекочевали из западно-казахстанских полупустынь в Европу, в степи Кубани и Причерноморья. Закономерно, что здесь специализированная скотоводческая экономика пришлых венгерских племен изменилась прежде всего под влиянием тюркских групп, имевших древнеболгарский язык. Первые основные земледельческие термины венгров до X в. н.э. заимствованы на южной окраине у носителей салтово-маяцкой археологической культуры, отражающей земледельческую деятельность полукочевых и полуседлых тюркских народов, с которыми кочевники-венгры жили в тесном хозяйственном симбиозе. Последнее обстоятельство привело к ассимиляции некоторых болгарских и хазарских групп венграми. Однако данные об остеологическом составе стад, обработки кожи квасцами, типах оружия, поселениях на песчаных почвах, пригодных для номадизма и т.д., указывают на то, что в экономической структуре венгров главенствующую роль занимало кочевое скотоводство (хотя нельзя отрицать, что некоторые группы занимались земледелием). Постепенный переход подавляющего большинства венгров к земледелию и оседлости происходил в Среднем Придунавье под влиянием так называемой средневековой аграрной революции.

Анализ показывает, что венгры оказались в западной части евразийской степной зоны — на их современной этнической территории — в 896 г. Их появлению в конце IX в. н.э. в Пан-

нонии способствовал процесс повсеместной деседентеризации полукочевых народов салтово-маяцкой археологической культуры по всей южно-русской степи на рубеже IX-X вв. н.э.

В.И. Васильев

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕТИКИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНЫХ САМОДИЙЦЕВ

Идеи о двухкомпонентности самодийского этногенеза впервые были сформулированы в 1940 г. Г.Н. Прокофьевым. В статье "Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна" он показал, что в формировании ненцев, нганасан и энцев участвовали, с одной стороны, самодийцы - выходцы с юга Сибири, с другой - автохтонное население тундровой зоны, лесотундры и северной тайги. Как считал Г.Н. Прокофьев, анализ этимологий названий этих народов (ненэцян, н-ана-сан, энэ-тен) и слов, означающих в соответствующих самодийских языках "человек", "мужчина" (хасава - ненец., куаюма < куасума - нганасан., каса - энец., таубу, как энцы называют нганасан), позволяет выделить в их составе два этногенетических пласта: самодийский (саянский, по Г.Н. Прокофьеву) с окончанием на-тян и др. и автохтонный - каса, туба и др.¹

Накопленные за истекшие десятилетия материалы не только в целом подтвердили эту гипотезу, но и позволили ее существенно дополнить, уточнить, развить и конкретизировать. В этой работе сделана попытка обобщить и систематизировать имеющиеся данные, а также выявить лакуны и нерешенные вопросы.

Анализ северосамодийских этносов показал, что с точки зрения этнокомпонентной структуры наиболее изучены ненцы и энцы. В составе обоих народов с большей или меньшей степенью гипотетичности устанавливаются элементы, связанные по происхождению с югом Сибири или восходящие до своей генетической природе к насельникам Заполярья и Приполярья².

Южно-сибирским компонентом можно считать названия родов европейских ненцев (Тайбари (Тысыя), Лэхэ, Выучи и Вэли), родов-подразделений фратрии тундровых ненцев (Харючи, Нгэваседа, Чор, Пучи и др.), родов сибирских лесных ненцев (Нгаэващата, Вэла и Юуси). Аборигенный субстрат Евразии зафиксирован в названиях родов европейских ненцев (Ванюта (Вануйта) и Хэтанзи), сибирских тундровых ненцев - фратрии Вануйта (исключая большинство родов хантыйского происхождения, вошедших в ее состав в XIX в.), сибирских лесных ненцев рода Пяк (вместе с Нечу).

Южно-сибирский этнический суперстрат просматривается в назва-

ниях родов тундровых энцев – Сойта, Мундеда, Масодай, Солда, лесных энцев – Бай, Мутгади, Ючи, а в прошлом также Аседа, Салерта и др. Субстратный компонент выявлен в названиях родов тундровых энцев Лодоседа, Сонуко, а в прошлом также – Ломбуев (Лампай), Тынгин (Марык) и Парасиев (Паравы); лесных энцев – Ядне.

Менее исследована этнокомпонентная структура нганасан. К сожалению, пока невозможно с исторической достоверностью установить (исключения составляют Кураков–Кокаре и некоторые другие исторические и этнические подразделения нганасан), какие этнические группы, вошедшие в их состав, генетически связаны с югом Сибири. В этой связи уместно поднять вопрос о тайгийцах – жителях Саянского нагорья, упоминавшихся в документах XVIII в. Судя по записям некоторых тайгийских слов, тайгийцы говорили на одном из диалектов самодийских языков, близком маторскому и карагасскому. Если принять во внимание, что этнонимы Маду (Мату) у маторов и тундровых энцев, по-видимому, идентичны, сопоставление этнонимов Тайги и Тавги – названия одного из исторических подразделений нганасан XVII–XVIII вв., представляются вполне закономерными. Становится понятным, почему в процессе формирования обеих этнографических групп нганасан (авамской и вадеевской), состоящих из разноязычных этнических компонентов, в конечном итоге победил самодийский язык. По данным, относящимся к 30-м гг. XVII в., тавги составляли половину нганасанского населения (580 из 1030 чел.), среди них выделяются две территориальные части: хетская и анабарская³. Таким образом, долгое время остававшийся неясным вопрос о самодийском компоненте, вошедшем в состав как авамских, так и вадеевских нганасан, с нашей точки зрения, получает вполне удовлетворительное объяснение. Можно также предполагать, что самодийскоязычные тавги продвинулись на север вместе и одновременно с Маду (документами XVII в. устанавливается присутствие в составе тавгов рода Мадущкого)⁴.

В составе нганасан выявляется и значительный этнический пласт евразийских аборигенов, к которому из современных родов с наибольшим основанием могут быть отнесены Фалочера (Чунанчера) и Линанчера. Название Фалочера Ю.Б. Симченко переводит как "жители гор" и считает возможным возводить этот род к юкагирам ("Горные яндыри"). Род Линанчера, по Б.О. Долгих, представляет собою потомков тидирисов. Ю.Б. Симченко транскрибирует слово "тидирис" как "Тидеро-ося" и сопоставляет его вторую часть с самоназванием тундровых юкагиров – одул⁵. Он связывает с аборигенами и некоторые другие роды авамских нганасан – Нюнонде (Нинонде), Нгомде, Нгамтусу⁶.

В целом же, как показывают наши подсчеты, осуществленные на основании данных о семейном составе ненцев и энцев по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁷, южно-сибирские ком-

* По нганасанам по причине неполноты данных для этногенетической оценки всех компонентов их родового состава такая работа не проводилась.

поненты преобладают во всех ненецких (европейские ненцы, сибирские тундровые ненцы, сибирские лесные ненцы) и энецких (тундровые энцы, лесные энцы) этнографических и этнотерриториальных группах, что и обусловило в конечном итоге победу самодийского языка. Ниже мы приводим результаты подсчета удельного веса семей, генетически восходящих к суперстратному или субстратному этническому пласту.

Европейские ненцы. Южно-сибирские компоненты - 78,2%, аборигенные - 21,8%.

Сибирские тундровые ненцы. Южно-сибирские компоненты - 53,4%, аборигенные - 26,4, хантыйские - 15, смешанные лесные (ненецкие) и энецкие - 5,2%.

Сибирские лесные ненцы. Южно-сибирские компоненты - 63,2%, аборигенные - 35,4, тундрово-ненецкие - 2,6%.

Тундровые энцы. Южно-сибирские компоненты - 44,5%, аборигенные - 33,3, тундрово-ненецкие, селькупские и прочие - 22,2%.

Лесные энцы. Южно-сибирские компоненты - 98,2%, аборигенные - 1,8%.

В свете проблемы происхождения северо-самодийских народов очень важным представляется вопрос об этническом единстве или разнородности автохтонного субстрата, принявшего участие в их этногенезе. Точка зрения об этнической общности аборигенов Заполярья и Приполярья на всем пространстве тундры, лесотундры и северной тайги от Кольского полуострова до Берингова пролива, из современных этнографов наиболее последовательно отстаиваемая Ю.Б. Симченко⁷, в последние годы встретила аргументированные возражения главным образом со стороны антропологов. По мнению И.М. Золотаревой, "антропологические материалы хорошо подтверждают концепцию отделения энецкого этногенеза от ненецкого"⁸. В совместной работе И.М. Золотаревой и Г.А. Аксяновой, эта мысль высказывается еще более обстоятельно: "... внутри северо-восточной части ареала самодийцев имеется вполне определенная антропологическая дифференциация, выражающаяся в отделении по антропологическим особенностям ненцев от нганасан и энцев. Эти отличия могут служить веским доказательством в пользу концепции о разных субстратных пластах, принявших участие в этногенезе энцев и нганасан - с одной стороны, и ненцев - с другой"⁹. Наконец, нельзя не привести выдержку еще из одной, более ранней работы И.М. Золотаревой, посвященной антропологии нганасан. "Большое своеобразие антропологического типа нганасан, который, - пишет она, - пока занимает особое положение среди известных нам антропологических типов Сибири". Исследовательница предполагает, это связано с тем, "что нганасаны являются остатком древнейшего антропологического пласта севера Средней Сибири"¹⁰. Сравнительное сопоставление соматологического, краниологического и изосерологического материалов, собранных у обширного круга народов циркумполярной области от саамов до эскимосов, привело В.П. Алексеева к выводу о "глубоких генетических различиях, дифференцирующих население западных и восточных рай-

нов Евразийской Субарктики"¹¹, и отрицательной оценке гипотезы о единстве циркумполярного субстрата в этническом аспекте.

Специфика ряда антропологических характеристик ненцев, энцев и нганасан, отличия в фонетических особенностях, морфологии и лексическом фонде трех северосамодийских языков, возможно, объясняются именно этнической неоднородностью автохтонных компонентов, принявших участие в их формировании. Во всяком случае в отношении ненцев и нганасан подобная гипотеза, с нашей точки зрения, вполне имеет право на существование. Можно предполагать также этническое различие субстратных компонентов тундровой и таежной полосы Евразии, которое объясняется, возможно, своеобразием этнического состава и диалектных особенностей европейских и сибирских лесных ненцев.

В области разработки этноисторической проблематики северосамодийских народов в последние годы отмечены определенные достижения. Выполнено исследование этнической истории ненцев и энцев XVII – начала XX в.¹² Сходная работа проделана по авамской группе нганасан¹³. В результате установлено, что на протяжении рассматриваемого периода процессы этнического и социального развития у различных этнографических и этнотерриториальных групп северных самодийцев протекали далеко не однозначно. Так, для ненцев, особенно обитателей тундрового региона, для указанного времени отмечается заметное расширение территории кочевий. Европейские ненцы закрепляются на о-вах Колгуев и Новая Земля, проникают в ловозерскую тундру Кольского полуострова. Сибирские ненцы продвигаются на север Большого Ямала, а на востоке вытесняют ненцев из бассейна Таза и выходят на левобережье Енисея. Сравнение материалов XVII – начала XX в. свидетельствует о существенном численном росте тундровых ненцев, что в значительной степени связано с развитием и с совершенствованием их хозяйственной (крупнотабунное оленеводство) и социальной структуры (распад первоначальных родов Харючи и Вануйта на малые роды-патронимии и окончательное оформление фратриально-родовой организации). Что касается энцев, то за тот же отрезок времени их численность и занимаемая территория сократились.

Определенные изменения претерпела и этнокомпонентная структура различных ненецких и энецких групп. Именно на этноисторическом этапе родовой состав сибирских тундровых ненцев пополнили хантыйские компоненты (Тибиця, Поронггуй, Няданггы, Саландер, Неркыхы и др.) и выходцы из числа лесных и тундровых энцев (Паравы, Марык, Нгаседа, Салерта, Лампай и др.). Определенное число представителей родов ненецкого (Буналя, Тадобэ) и селькупского (Багго) происхождения вошло и в состав тундровой группы энцев. Авамские нганасаны ассимилировали в своей среде "тунгуса" Око, ставшего родоначальником широко распространенной ныне среди обеих этнографических групп нганасан фамилии Око-Яроцкий.

К сожалению, механизм включения перечисленных родовых компонентов в состав конкретных этнографических и этнотерриториальных групп северных самодийцев во многом неясен. Мы, кроме отдельных

фольклорных текстов, не располагаем достоверными документальными или опросными материалами по этой проблематике. В этой связи следует остановиться на методе сбора этноисторического материала путем составления и использования при полевом опросе семейно-кустовых фамильных генеалогических схем. По ряду северосамодийских этнографических и этнотерриториальных групп (европейские ненцы, тундровые энцы, лесные энцы, авамские нганасаны) подобный материал уже собран и находится в стадии обработки.

Применение указанного метода сбора и обработки этноисторических материалов позволяет реконструировать историю развития отдельных семейных и фамильных кустов внутри северосамодийских этнографических или этнотерриториальных групп на глубину трех-четырех поколений, а совмещение данных генеалогического опроса с архивными материалами метрических книг и ревизских сказок — уточнить ее этапы в пределах 75–100 лет. Таким образом, выявляется достаточно достоверная картина этнического развития определенной семейной группы или даже патронимии (рода) на протяжении двух-двух с половиной столетий.

Конечно, сегодня еще рано говорить о конкретных результатах использования этого метода при реконструкции этнической истории северосамодийских народов в целом. Тем не менее, можно утверждать, что с его помощью мы, получив возможность рассматривать их через призму истории отдельных семейных (патронимических коллективов), выходим на принципиально новый уровень исследования этнической истории и социальной организации народов Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. — В кн.: Советская этнография. М., 1940, с. 69.
- ² Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Он же. Проблема этногенеза северосамодийских народов. — В кн.: Этногенез народов Севера. М., 1980.
- ³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.-Л., 1960, с. 126.
- ⁴ Долгих Б.О. Происхождение нганасанов. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. Т. I, М.-Л., 1952, с. 55; Васильев В.И. Проблема этногенеза северосамодийских народов, с. 51.
- ⁵ Симченко Ю.Б. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с. 200, 204.
- ⁶ Там же, с. 205, 206, 210.
- ⁷ Симченко Ю.Б. Основные черты культуры охотников на дикого оленя в Северной Евразии. М., 1964; Он же. Некоторые данные о

древнем этническом субстрате...; Он же. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976; Он же. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии. — В кн.: Этногенез народов Севера. М., 1980.

8 Золотарева И.М. Антропологическая дифференциация восточных самодийцев. — В кн.: Антропология и геногеография. М., 1974, с.228.

9 Золотарева И.М., Аксянова Г.А. Антропологическая дифференциация угорских и самодийских народов на севере Западной Сибири в связи с проблемами их этнической истории. — В кн.: Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974, с. 13.

10 Золотарева И.М. Антропологическое исследование нганасан. — СЭ, 1962, № 6, с. 136.

11 Алексеев В.П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975, с. 261.

12 Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей, с. 75–223.

13 Афанасьева Г.М. Нганасанский род по документальным материалам XVII в. — В кн.: Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979; Она же. Демографическая характеристика авамских нганасан по источникам XVIII–XIX вв. — СЭ, 1980, № 2.

К. У р а и-К ё х а л ь м и

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ КОЧЕВЫХ ГОСУДАРСТВ

(на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.)

Изучение вопроса о формировании кочевых государств имеет большое теоретическое значение. Выявление причин возникновения этих государственных образований позволяет представить условия, в которых протекали процессы взаимовлияния различных этнических общностей евразийской степи.

Рассмотрим один из аспектов этой темы — образование даурской племенной конфедерации, представляющей собой объединение племен на стадии создания государственной организации. В своем анализе мы будем опираться на источники различного происхождения: тексты на маньчжурском, монгольском языках; данные из советских архивов; сообщения на китайском языке, содержащиеся в историографических работах; лингвистические и этнографические наблюдения по хамниганам Монголии и Забайкалья, современным хамниганским и дагурским родам; фольклорные материалы тунгусов, населяющих Становой хребет и Большой Хинган.

Даурская племенная конфедерация возникла в XVII в. на территории, которая была известна под названием Даурии. Она включала бассейн верхнего и среднего течения Амура от Яблонового хребта до устья Буреи и от Станового хребта до средней части нагорья Большого Хингана.

Маньчжуры в ходе постепенного подчинения земледельческо-рыболовческих племен хурха, т.е. чжурчжэней (дючер), живших по Сунгари и Амуру, к 1616 г. выше устья Буреи достигли Амура (в маньчжурском языке имеет название Сахалиян-ула) и расстилающейся вдоль него области Сахалиян-гурун, известной также под названием Хурха-гурун, 'Страна Хурха'. Название этой области часто встречается в более поздних записях. Ее обитателей называют в источниках то сахалча, то солонами, иногда и сама область упоминается под названием Солон-голо 'Провинция Солон' и Солон-гурун 'Страна Солон'. В 1636 г. маньчжуры вступили в контакт с племенем камниган на севере Большого Хингана. Против этого племени, которое отказывалось платить дань, зимой 1636/37 г. маньчжуры совершили военный поход и убили его вождя Елея. В 1639/40 г. маньчжуры напали на солонов, также не желавших платить дань. Они покорили солонские поселения, пленили 10 тыс. их жителей и, захватив вождя Бомбогора, в 1641 г. убили его.

Еще до этих событий русские землепроходцы получили сведения о даурах бассейна Шилки и Амура, о занимавшихся коневодством и земледелием обитателях бассейна Зеи и Амура. Территория Даурии была разведана в 1643-1650 гг. В.Д. Поярковым и Е.П. Хабаровым.

В 1652 г. преемник Хабарова Онуфрий Степанов основал на среднем Амуре четыре крепости. Он собирал с населения Амура, Зеи и Сунгари ясак мехами и пшеницей. Это обеспокоило маньчжуров, которые насильно переселили в 1653-1656 гг. земледельческое население среднего Амура и Зеи в бассейн р. Нонни. Тем временем Петр Бекетов, продвигаясь от Байкала, в 1653 г. достиг Шилки. У построенного в устье р. Нерча острога он встретился с дагурским (по другим источникам - тунгусским) князем Гантимуром, который отказался платить ясак и отошел в бассейн рек Ган и Хайлар. Позже правившие в Нерчинске воеводы сумели привлечь на свою сторону местное население, и Гантимур в 1671 г. со всей семьей и княжеским окружением перешел под покровительство России. Его примеру последовали и другие конные тунгусы. Массовый переход местных племен на сторону русских, а также обложение казаками ясаком населения Приамурья вызывали недовольство маньчжурского двора. Маньчжуры с большой настойчивостью, но безрезультатно требовали выдачи Гантимура (Гэньтэмура) и других "беглецов". В 1685 г. они, собрав крупные силы, дважды осаждали Албазинский острог, намеревались овладеть Нерчинском (Нибчу). Убедившись в невозможности изменить положение в свою пользу военным путем, Канси был вынужден пойти на проведение переговоров, закрепивших за Россией территорию к западу от Аргуни.

Переселение земледельческого населения Даурии в бассейн р. Нон-

ни, переход Гантимура и его народа под русское покровительство, перемещение баргутов, хоринцев и различных других монгольских групп, образование под руководством Гантимура Тунгусского казачьего полка Забайкалья, военных знамен Барга и Бутха, в которые помимо солонов и дауров вливались и монгольские группы, оказавшиеся на данной территории, — все это в корне изменило этническую карту Даурии. Однако существование (отчасти в качестве этнических наименований, отчасти — в виде топонимов) названий родов и племен XVII в. дает возможность реконструировать этнические отношения, хозяйственную и политическую организацию Даурской племенной конфедерации. Для этого прежде всего необходимо определить этническую принадлежность населения этого края. Русские источники сначала называли все население Даурии — от верхнего течения Витима до слияния Амура и Зеи — даурами или даорами. В налоговых списках часто проводится различие между даурами-земледельцами и тунгусами-коневодами. Самого Гантимура называют по-разному: то даурским, то тунгусским, то нелюдским или солонским князем. В источниках на маньчжурском и китайском языках население этой территории упоминается под названием "хурха", "солон" (солунь, сахалча, сахарча). Солоны были тунгусами, сахалча, как свидетельствует маньчжурское выражение "солон-и голо-и сахалча" 'сахалча из племени солонов', принадлежали к одной из групп солонов. Хурха — название чжурчженских племен, населявших бассейны Сунгари и Амура. Маньчжурское же название "дагур" и китайское "тахур", напротив, вплоть до 80-х годов XVII в. маньчжуры и китайцы в своих текстах не использовали, создавая видимость того, что им не было известно о монголоязычном даурском или дагурском населении бассейнов Амура и Зеи. В действительности же маньчжуры знали о дагурах, однако не упоминали их самоназвание, а использовали термин "хурха", поскольку они вели такой же образ жизни, что и чжурчжэни. Маньчжурам было известно о монголоязычии дагуров: в ряде случаев они подчеркнуто называли дагуров "монгго-хурха" 'монгольские хурха'.

Дагуров следует видеть и за названием "солон" (солунь). Местности, которые в маньчжурских и китайских источниках упоминаются под названием "солон", в значительной своей части имеют бесспорно монгольские названия. Важно и то, что значительное число названий этих местностей сохраняется у нынешнего дагурского населения бассейна Нонни в качестве родовых обозначений (реже — в качестве топонимов). Во многих современных родовых именах дагуров из бассейна Нонни нашли отражения названия солонских селений и укреплений, которые существовали еще во второй четверти XVII в. Отсюда следует, что солонские местности в бассейнах Амура и Зеи в действительности населяли дагуры-земледельцы.

Что касается сообщений русских землепроходцев и сведений из ясачных книг о бассейнах Амура и Зеи, то в них в основном речь идет о тех же самых населенных пунктах, которые упоминаются в маньчжурских и китайских источниках. Например, названия поселений Бокан (Пахана), Гоголи (Гобол) Гэбор и Шепки (Себки) Сайбуши, а также имена ряда родовых и племенных предводителей встречаются

в обеих группах источников. Однако настоящие названия поселений содержат только путевые записки землепроходцев в ясачных книгах. Часть населения зарегистрирована по родам — все роды в этом случае имеют тунгусские названия (из них лишь один может считаться даурским), другая — по улусам и волостям. Эти улусы и волости записывались не под собственным названием, а как владения того или иного лица. Их имена, в том числе и те, которые в русских источниках упоминаются как имена "даурской" знати, а в маньчжурско-китайских источниках — как имена представителей "солонских" поселений, являются именами тунгусского типа, их окончания совпадают с окончаниями бытующих сегодня у эвенков имен.

Из сказанного следует, что на рассматриваемой территории в тесном контакте друг с другом существовали две этнические группы: жившие в селениях и говорившие на монгольском языке земледельцы и рыбаки дагуры (дауры) и имевшие родовую организацию конные тунгусы, т.е. солоны, которые жили в укрепленных поселениях. Вожди тунгусских родов и другие тунгусские предводители осуществляли власть над деревнями дагуров.

Данных о социально-политической организации дагуров в нашем распоряжении имеется немного. Можно предположить, что каждой дагурской деревне соответствовал один род или его ветвь, поскольку названия прежних деревень в бассейнах Амура и Зеи у переселенных в бассейн Нонни дагуров существуют в качестве названий локальных родов и их ветвей. Последние обозначаются словами, заимствованными из маньчжурского языка.

Тунгусские роды Даурии XVII в., насколько можно судить по имеющимся материалам, делились на два крупных объединения — нелюды (на северо-западе) и сахалча (на юго-востоке). Родоплеменное деление нелюдов на основе ясачных книг и других источников в основном уже установил Б.О. Долгих. Ядро племени, его руководящий слой, образовывали находящиеся друг с другом в отношениях свойства роды Дуликагир или Дулигад, Колтагир и Баягир. К роду Дуликагир принадлежал, согласно записям того времени и устной традиции, Гантимур, членом этого рода (с учетом подвижности границ его территории) следует считать и убитого маньчжурами камниганского князя Елея. В свете этого камниган можно отождествлять или с родом Дуликагир или, скорее, с группой родов Дуликагир-Колтагир-Баягир. Другую группу родов нелюдов составляли Луникир или Сенкагир, Шунинский и Кайзойский. Помимо названных групп-родов в племя входили еще два рода: Почегор, живший на территории от Еравнинских озер до истоков Олекмы, и Вакасиль, или Вакурай, который имел и измененное на русский лад название Украинский, живший рядом с Витимом.

Второе тунгусское или солонское племя Даурии — сахалча — владело землями в нижнем течении Зеи и Селемджи и в среднем течении Амура. К нему можно отнести следующие зафиксированные в русских списках роды: Шемагир и Шологон, или Сологон (на Зее), Молдыкит (у слияния Селемджи и Зеи), Турчан, Эджегун и земледельческий род Долон или Дулаган (на Селемдже). В маньчжуро-китайских

записях о солонской войне 1639/40 г. упоминаются роды Эртунь (Ортон) и Цилели (Килер). Очевидно, это неполное перечисление, поскольку один из участков побережья Амура в результате войны обезлюдел еще до того, как появились русские, а после переселения 1653-1656 гг. русские уже не составляли регулярных ясачных списков.

Достаточно полное представление о внутренних и внешних хозяйственных связях даурской племенной конфедерации позволяют получить русские источники. Согласно этим сведениям, жившие у Витима и в районе Станового хребта тунгусы, которые были оленеводами и охотниками, выменивали на свои ценные меха у тунгусов-коневодов, живших по Шилке и Амуру, пшеницу, металлические орудия и даже шелк. Металлы (железо, серебро и олово) были у нелюдов, а пшеницу и шелк поставляли племена, жившие ниже по Амуру. Вероятно, нелюды торговали и с Восточной Монголией. Таким образом, между племенами солоно-даурской конфедерации существовали тесные торговые связи, которые держали под своим контролем подвижные в силу образа своей жизни конные тунгусы. Основными торговыми путями были реки — летом по ним спускались на плотах, а зимой поднимались на санях по льду. Для обеспечения безопасности на этих торговых путях на берегах строили укрепления. Они, по наблюдениям русских землепроходцев, располагались друг от друга на расстоянии, которое можно было покрыть за день. Эти укрепления служили складами для пшеницы и других товаров, постоянного населения в них не было — люди искали здесь убежища только во время войн.

Расселение вышеперечисленных племен в Даурии произошло незадолго до XVII века. Об этом свидетельствуют монгольские хроники, посвященные правившему восточными монголами с 1557 по 1592 г. великому хану Тумен-Джасакту. Речь идет, в частности, о том, что великий хан "воевал с [народами] трех [различных] языков": джурчэд (чжурцитэ), нелигуд (налигутэ) и дагигур (тацзигур). Имея представление о связях Тумен-Джасакту-хана и монголов, которыми он правил, с востоком, нельзя сомневаться в том, что под названием "чжурчжэд" упоминаются проживавшие в районе устья Буреи чжурчжэни. Нелигуд — это правильное старописьменное монгольское соответствие названию нелюд, а за названием "дагигур", несмотря на странную орфографию, кроется слово "дагур". Таким образом, можно сделать вывод, что примерно во второй половине XVI в. дагуры считались еще самостоятельным политическим объединением, а нелигуды, т.е. нелюды, проживали по соседству с дагурами и чжурчжэнями. Родина нелюдов, или нелягиров, находится значительно севернее Даурии. На правом берегу среднего течения Лены многочисленные мелкие реки и озера в районе устья Витима и Олекмы до сих пор сохраняют названия переселившихся на юг родов. В качестве примера можно привести такие гидронимы, как Нелягир-Хариалак и Нелягир-Мякинда. На это указывает и упоминание русских землепроходцев, относящееся к 30-м гг. XVII в. о "наляцких людях", занимавшихся пушным промыслом в верхнем течении Лены и поддерживавших оживленные торговые связи с бурятами, монголами, даурами, маньчжурами. Мы едва ли ошибаемся, если предположим, что переселение не-

людов и некоторых других родственных племен на юг было связано с миграцией примерно на рубеже XV и XVI вв. якутов, которые, двигаясь вдоль течения Лены, вышли в бассейн среднего течения этой реки и вытеснили тунгусское население.

Тунгусы в результате постепенного переселения на юг стали степными кочевниками. Вплоть до последнего времени исследователи считали причиной изменения образа жизни тунгусов катастрофическое сокращение поголовья оленьих стад. Однако в устной традиции бурят-скотоводов в Забайкалье проживавшие там тунгусы стали опасаться, что стада пришельцев распугают диких животных, и потребовали от бурят-скотоводов оградить свои пастбища, а вырывавшихся за пределы ограды животных (чаще всего лошадей) забирали себе в качестве залога. Вскоре таежные охотники поняли выгоду от разведения коней и стали стремиться к увеличению их поголовья. Переход от таежно-охотничьего образа жизни к обеспечивающему гораздо более благоприятные условия жизни степному табунному скотоводству сопровождался резким увеличением численности тунгусских племен. Многочисленные тунгусы превосходили бурят-скотоводов и монголов в силе. Таким образом, становится понятным дальнейшее развитие событий: переселившиеся на юг тунгусы вытеснили хоринцев из Забайкалья в Восточную Монголию, установили свое господство в степях, прилегающих к Шилке и Амуру, а затем вынудили дагуров признать над собой власть. Они организовали товарообмен, который связал приленские районы с районами нижнего течения Амура и с Монголией.

Представляется возможным выявить хозяйственные и социальные условия складывания конфедерации кочевых племен, которые обеспечивают подвижность кочевых племен и их преимущество над другими народами. Такие условия складываются обычно на границе ландшафтных зон тайги и степи. Здесь имеются возможности для развития скотоводства, подсобного земледелия и металлообработки. Соединение этих форм хозяйственной деятельности требует налаживания надежной торговли и создания военной организации, которая развивала и защищала бы эту торговлю. Такая организация не может находиться в руках привязанных к одному месту земледельцев или привязанных к тайге охотников — для нее подходят только подвижные коневодческие племена. Не случайно, что степные империи — в той мере, в которой мы можем судить о местах их образования, — действительно возникли на границе степи и тайги. Здесь на старых земледельческих территориях археологи нередко находят небольшие укрепления, которые возводились вдоль водных или сухопутных путей. Ни в одном из этих укреплений не обнаружено культурного слоя, который мог бы свидетельствовать о наличии в них постоянного населения, — они служили только складами и местами обороны во время военных столкновений.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, в какой мере можно переносить полученные в результате изучения выводы относительно хорошо обеспеченной источниками истории создания союза солонов и дагуров на другие кочевые общества, от которых остались системы укреплений, потребуются дополнительные исследования.

ТРАДИЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ У ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

Традиции в приготовлении пищи являются одним из наиболее устойчивых этнодифференцирующих признаков в культуре народа. Исследование этих традиций у хантов как источника по их этногенезу и этнической истории до настоящего времени не проводилось; то же самое можно сказать и относительно утвари, связанной с приготовлением и хранением пищи. Мы попытаемся осветить этот вопрос, опираясь на наблюдения М.Б. Шатилова¹ и наши полевые материалы, собранные в последнее десятилетие среди указанного подразделения хантского этноса.

Восточные ханты проживают единым массивом по среднему течению Оби и ее притокам (Васюган, Вах, Юган, Тромъеган, Салым, Пим). Они издавна находились в сложном этническом окружении, что обуславливало их многообразные этнокультурные контакты. Их соседями в настоящее время являются южные и северные ханты, нарымские и тазовско-туруханские селькупы, лесные ненцы; в прошлом прослеживаются контакты с западно-сибирскими татарами, кетами и эвенками; с начала XVII в. край осваивался русскими.

Для хантов, как и других народов Западной Сибири, было характерно употребление в сыром виде рыбы, мяса и дикорастущих съедобных растений. Это не исключало термальной обработки внутренностей рыбы для получения рыбьего жира (рыбий жир по хантски назывался "вой", т.е. буквально "жир"). Для этого пользовались весьма простым набором утвари: плоскодонным сосудом из бересты для хранения пойманной рыбы и емкостью для вытапливания жира.

Ханты знали и несколько способов приготовления пищи с помощью термической обработки продуктов: подогревание рыбы, нанизанной на палочку, над огнем; поджаривание на рожне; горячее копчение. Было известно и вяление рыбы. Для обработки рыбы ханты использовали доски, рожны. Готовые продукты они хранили в берестяных коробках с пришивным дном. Благодаря контактам с северными хантами и тюрками у них появилась утварь из пихтовой коры, прутьев, корня кедра, черемуховых пластин и т.д.

Хантская традиция в употреблении мясной пищи отдавала предпочтение мясу лося, лошади и дичи. В то же время существовал запрет на поедание мяса медведя и собаки. Ханты были знакомы со способами вяления мяса, приготовления рыбных блюд с ягодами, горячих напитков из различных трав и плодов. Вместе с тем они почти никогда не ели грибов. Исключение делалось лишь для мухомора, из которого приготавливали возбуждающий напиток. По мнению специалистов, название мухомора, возможно, было заимствовано финно-уграми из древнеиранского *barha* в IV–III тыс. до н.э.² При-

готовление пищи в горячей воде было, вероятно, заимствовано хантами у кочевников Саяно-Алтая. Установлено, что варка пищи характерна для кочевников-скотоводов. Эта традиция устойчиво сохраняется у последних до настоящего времени³. Ханты, так же как алтайцы и тувинцы, едят вначале мясо или рыбу, а затем пьют бульон.

Хантыйский обычай подавать вареное мясо или рыбу в деревянных блюдах (посуда из бересты в этих целях не используется) был заимствован у народов Южной Сибири. Назначение южно-сибирских блюд проанализировано В.П. Дьяконовой⁴. По мнению исследовательницы, они были широко распространены у кочевников-скотоводов, исторически связанных с гуннскими и сарматскими племенами. Имеются основания предполагать южное происхождение хантыйских черпаков для вареного мяса и рыбы. Вероятно, из Южной Сибири принесена и традиция приготовления колбасы из крови, а также из проявленных кишок, начиненных салом.

При исследовании пищи хантов обращает на себя внимание сравнительное разнообразие мучных блюд. У восточных хантов известны жидкая болтушка и густая каша из муки, а у южных групп — чай с талканом, хлебные лепешки. Кусочки теста варили в воде, а лепешки — плавающими в жире. Этнографы-тюркологи относят формирование традиций использования теста ко времени единства тюркоязычных племен⁵. Самым ранним вариантом вареного теста была похлебка из кусочков нераскатанного теста у кочевников Южной Сибири. В дальнейшем под влиянием носителей земледельческих культур Средней Азии кочевники научились варить тесто в виде раскатанных лепешек. Все эти приемы варки теста, а также посуда для его приготовления были заимствованы у кочевников предками восточных хантов.

Из круп ханты использовали в основном ячменную крупу, поскольку ячмень был наиболее распространенным злаком у народов Южной Сибири. У южан предками хантов мог быть заимствован талкан. Способ его приготовления был единым у тюрков и монголов.

Распространение блюд из злаковых трудно признать обычным явлением для рыболовецко-охотничьего народа. Объяснение этому можно видеть в устойчивом влиянии южно-сибирских культур на бытовую культуру хантов. С XVII в. ханты испытывают влияние русской культуры. Вероятно, русские купцы снабжали хантов продуктами земледелия.

Хантыйские слова, обозначающие злаковые продукты, происходят из разных языков. Название муки "рак" указывает на общность с финноязычными народами, название ячменя "йарма" Х. Паасонен относит к числу тюркских заимствований, однако соответствия ему есть и в таджикском "ярма" (крупно перемолотое зерно). Лингвисты предполагают иранское происхождение название хлеба "н'ан'" у обских угров. Высказанные мнения о пути проникновения этого слова к хантам через татар или коми мы считаем необоснованными, по крайней мере применительно к исследуемым группам. Скорее всего оно проникло к хантам через древние контакты между носителями обско-угорских и иранских языков. У восточных хантов зафиксировано около 30 наименований блюд, включающих компонент „н'ан'".

Васюганское название зерна и хлеба "кул" связано, возможно, с тюркским "кулур" (мука), однако допустимо, что оно происходит от названия рыбы — основного источника пищи хантов. Употребление этого слова для обозначения зерна и хлеба может быть реминисценцией представления о нем, как основе питания. С.К. Патканов предполагал подобную связь между понятиями "крупа", "пища", "рыба" в южно-хантыйском термине "тант"⁶.

В условиях Севера южные традиции подверглись трансформации. Тесто здесь стали делать с добавлением специфических местных продуктов: жира и муки из рыбы, икры, оленьей крови. Поджаривание лепешек восточные ханты производили в основном у костра, и в этом находят проявление местные традиции термальной обработки рыбы. Способ выпечки хлеба в золе, зафиксированный в группе Вах, стал известен от кочующих здесь эвенков. А приемы выпечки хлеба в специальных печах ханты узнали от башкир. Изготовление муки из черемухи и сушеной рыбы, по нашему мнению, следует также связывать с южными традициями. Вероятно, у южно-сибирских народов названные продукты были заменителями муки из злаковых. Левобережные группы восточных хантов использовали такие же ступы для размельчения черемухи, как и для ячменя. Название сита и решета "илек" происходит из тюркских языков.

Позднее, вероятно в период существования сибирского ханства, ханты стали употреблять чай и табак. Чай поступал к хантам, очевидно, через среднеазиатских купцов. Отсюда же происходит хантыйская традиция пить чай из фарфоровых чашек и блюдец. Среднеазиатский способ заварки чая не мог утвердиться в условиях полукочевого быта, поэтому ханты использовали традиционный способ длительного кипячения. В отдаленные времена чай варили в котлах, а позднее — в чайниках или самоварах; два последних способа приготовления — следствие русского влияния.

Один из способов курения табака — через воду — может быть связан с иранским влиянием. Находит аналогии в иранских языках и одно из хантыйских названий табака ("тымах", "тэмэк"), хотя, например, А. Каннисто относит его к числу "татарских" заимствований. Тюркским заимствованием считается восточно-хантыйское название курительной трубки "канса". Один из типов их кисетов имеет явно южное происхождение и сходен с кисетами не только тюркоязычных народов, но и монголов. Популярная у восточных хантов смесь из табака, золы и воды, которую употребляют пережевывая, могла проникнуть к ним из районов Средней Азии и Казахстана. Ее название "чаккем" сходно с названием табака и насвая у узбеков, а способ приготовления и приспособление для него одинаковы с восточно-казахстанскими. Это может быть следствием поздних контактов. По мнению специалистов, в Средней Азии и Казахстане употребление табачной смеси стало известно лишь в последние века. С предположением об этих истоках восточно-хантыйского обычая потребления табачной смеси не согласуются данные о вместилищах для ее хранения. Аналогии хантыйским табакеркам известны у тюркоязычных народов Сибири, у эстонцев, венгров и др., но ареал их распространения не включает Среднюю

Азию и Казахстан (здесь смесь хранили в тыквочках или флакончиках).

Самым поздним напластованием в культуре хантов были обычаи, привнесенные русским населением. К ним относятся традиции употребления соли, овощей, молока и других напитков; изготовления дрожжевого теста и некоторых изделий из него, жаренья рыбы в жире; использования в пищу грибов. В последние годы ханты все шире включают в свой рацион привозные продукты.

Основной состав восточно-хантыйской пищи и связанной с ней утвари указывает на формирование этого комплекса традиционной бытовой культуры у местных жителей Западной Сибири под влиянием саяно-алтайского населения. Местный субстратный пласт, очевидно, является наследием уральского населения; в нем есть как североазиатские (палеосибирские), так и западно-сибирские, а точнее приобские, черты. Гораздо четче выступает круг южно-сибирских традиций, относящихся к быту кочевников-скотоводов. Они прочно привились и стали этнодифференцирующими признаками у тюркских народов. Некоторые элементы свидетельствуют о связях с иранским миром. Судя по всему, связи восточных хантов с саяно-алтайской культурой были значительными. В то же время у западных хантов и особенно у манси южные черты в культуре в большей мере связаны с иранским миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шатилов М.Б. Пища ваховских хантов. — Тр. Томского краевого музея, 1929, т. II, с. 41–50.

² Kovenchy Éva. *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen.* Budapest, 1972, S. 103.

³ Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 179.

⁴ Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 137–139.

⁵ Шитова С.Н., Гаделгареева Л.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979, с. 100–101.

⁶ Латканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Спб., 1891, с. 37.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ШАМАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

Шаманизм как исключительно сложная форма религии, безусловно, несет на себе следы древних и более поздних представлений о различных сверхъестественных существах, так называемых душах и духах.

Отдельные культовые действия и элементы погребального обряда, в которых нашли отражения идеи о жизни, жизненных силах, несомненно, уходят корнями в далекое прошлое. Анализ погребального обряда, в частности, позволяет определенно говорить о двух жизненных силах в воззрениях хантов. Первая связывалась с образом в виде отражения целостного предмета. У хантов она называется по-разному: ильсель, иль, ил, илес, ильсем, ильсельтель. На русском языке ее всегда называют тенью, понимая под этим не только отсутствие света, но и сам предмет или его неискаженный образ в виде отпечатка, отражения. Если же речь идет собственно о тени (не как о самом предмете, его образе), внешности, то ее называют "курр", "йипл"¹. С точки зрения хантов тело является мертвым, если разрушена его внешность. Поэтому к покойному со следами ран относились как к мертвому окончательно. Население Васюгана смерть, вызванную механическим повреждением тела, называет "тарэн". К.Ф. Карьялайнен обратил внимание, что по представлениям васюганцев, существует две разновидности смерти².

Вторую жизненную силу, находящуюся внутри живых предметов, ханты называют "лиль", "ильт". Она видима лишь шаманами, может иметь разную форму, покидать тело и возвращаться в него, погибать вместе с телом и, превратившись в самостоятельное существо — духа, вести независимое от тела существование. Уход этой жизненной силы из тела приводит к болезни, слабости, сонливости. Если тело умершего было не повреждено, то даже, когда ильт считали погибшей или безвозвратно ушедшей, покойного отправляли по всем установленным правилам для продолжения существования в иной мир. К нему не относились как к окончательно мертвому.

Самыми древними, очевидно, были представления, согласно которым само тело является носителем жизненной силы. Они эволюционировали в воззрения о невидимой жизненной силе внутри тела, которая погибает вместе с телом. Эти идеи развились в представления о бессмертии этой внутренней жизненной силы, о возможности вести независимое от тела существование. Однако в воззрениях хантов они выражены очень слабо.

Определенную смену положений можно отметить и в представлениях о так называемых духах, т.е. бессмертных, абсолютно свободных существах, способных менять как свою форму, так и место в прост-

ранстве. У хантов одной и той же группы можно отметить неодинаковые воззрения о том или ином духе. По наиболее распространенным представлениям, человекоподобные хозяева воды и леса обитают в строго определенных местах — юнг сур ("сур" на языке хантов означает участок, где пасутся животные). Здесь осуществлялись жертвоприношения. По представлениям жителей, Тром-Агана и Пима, водяной обитает где-то в низовьях Оби, и чтобы жертва была быстрее доставлена на место, ее бросали на быстрое течение. Согласно воззрениям населения Васюгана и Ваха, водяных духов великое множество, будучи мелкими и невидимыми, они населяют практически любой водоем, где есть рыба, и могут свободно менять место своего обитания. Поэтому жертвы им приносили практически в любом месте. Существовал комплекс идей и о местных духах — хозяевах определенной территории. В случаях, когда этими хозяевами считались фетиши, имеющие форму человека или животного, жертвоприношения могли осуществляться только в местах их обитания. Подобные сверхъестественные существа, судя по нашим полевым материалам, либо не имеют тенденции к превращению в вездесущих, либо она проявляется очень слабо. Если же местными духами считались предметы, внешне не напоминающие человека или животное, то жертвоприношения осуществлялись практически в любом месте. К.Ф. Карьялайнен отмечал: "Для того, чтобы понять превращение привязанного к месту духа в вездесущего, следует учесть, что на Иртыше и Васюгане... духи уже давно, выражаясь высоким стилем, освободились от оков материи"³. Судя по нашим материалам, почитаемые предметы, не имевшие формы человека или животного, сами по себе живыми не считались, но их оживотворяли находящиеся там духи, могущие вселяться в любые предметы, менять оболочку и размеры. Впрочем, если дух, по воззрениям хантов, может вселяться в любые предметы, то способная к самостоятельному существованию человеческая душа ищет пристанище в предмете, близком по форме к человеческой. А.М. Кастрен отмечал, что остяки называют антропоморфные деревянные изображения "иильян", а все другие — общим термином "лонг"⁴. Анализ представлений о других сверхъестественных существах-духах показывает, что идеи о способности душ и духов покидать свое вместилище и самостоятельно существовать появляются только на определенной стадии развития религии.

Остановимся на характеристике связей и общения, которые "возникают" между исполнителями религиозных функций⁵ и сверхъестественными существами. Так, исполнителям эпических произведений арэхта-ку (арэх — песня, былина, ку — мужчина) связь с духами практически не требовалась; она была нужна лишь для того, чтобы получить музыкальные способности. Человек должен был уйти в место проживания духов, дающих особый дар, и в одиночестве прожить там несколько дней. Лишь в некоторых местах (Васюган, Вах) эти певцы выполняли, как бы дополнительно, функцию "лекарей". Подбрасывая особую лопатку с изображением духа-помощника, они сообщали о результатах своего "гадания", но в сверхъестественные связи с духами не вступали. Вероятно, по этой причине арэхта-ку были же-

ланными гостями на медвежьем празднике, куда шаманы доступа не имели. Основной функцией улом-верта-ку (букв. улом-сон, верта-делать) было толкование снов, а также определение во время сновидений места обитания духов. Характерно, что духи, с которыми толкователи снов "вступали в отношения", были "привязаны" к месту своего обитания. В некоторых местах, в частности, на Югане, толкователи снов занимались и "знахарством". Во время сновидений они определяли, "какому духу и какую жертву должен принести больной". Как правило улом-верта-ку не соприкасались с больным, а лишь после соответствующего жертвоприношения указывали срок его выздоровления или смерти. При описании северных хантов В.Ф. Зуев⁶ давал характеристику толкователям снов, но в его сведениях отсутствуют указания на какие-либо связи этих лиц с духами. Ньюкульта-ку, "созывая" в затемненное жилище духов различных животных, предсказывали результат охотничьего промысла. Этот ритуал обставлялся столь живописно, что присутствующим было трудно распознать, с духами ли они имеют дело или с настоящими животными, которые топают, издают характерные звуки и т.д. Исылта-ку осуществляли "лечение" при непосредственном контакте со своим "пациентом". Сущность этой процедуры заключалась в извлечении из больного невидимого для обычных людей духа-носителя болезни. Исылта-ку "вселял" в себя помощника в виде змеи и прикасался пальцами к больному месту - считалось, что носителя болезни поедает змея. Иногда исылта-ку "отправлялся" в нижний мир и обращался к духу болезней Кынь-лунгу с соответствующей просьбой. Характерно, что в этих воззрениях отсутствует идея о вездесущих духах болезней, Кынь-лунг имеет постоянный облик и конкретное место обитания. Вышеописанные исполнители религиозных функций не имеют никаких отношений и связей с ушедшей или похищенной душой, хотя, как известно, болезненное состояние в традиционных воззрениях хантов по этнографическим данным, объясняется именно состоянием и судьбой души.

Считалось, что спасти ушедшую или похищенную душу, водворить ее на прежнее место могли так называемые елта-ку - ворожеи, избранные самими духами. Елта-ку "лечили" двумя способами: либо сами, либо через своего духа-помощника они отбирали похищенную духом болезней душу. Если душа была похищена умершим человеком, то ее отнимали у покойного. Если же болезнь была вызвана вселением духа в тело больного, то елта-ку либо сами извлекали духа болезни, либо обращались через верхнего бога Торума к Кынь-лунгу, чтобы последний приказал вселившемуся духу покинуть тело больного. Елта-ку могли вступать в связь с Кынь-лунгом практически в любом месте и даже вселять в себя. Согласно этим воззрениям, Кынь-лунг обладал способностью обретать разную форму. Елта-ку могли вступать в связь с духами всех трех миров. По представлениям хантов, духи-помощники шамана елта-ку могли не только располагаться близ него, но и вселяться в него, пробираясь по подвескам, имеющимся на особой шапке. Ваховские елта-ку "заклучали" своих духов-помощников в небольшие камешки, называемые кох-лунг (камень-дух). Елта-ку - это повелители своих духов, они посылают последних

в самые трудно доступные места, а духи-помощники способны перевоплощаться и мгновенно переноситься из одного места в другое.

Нашими материалами не исчерпывается пантеон сверхъестественных существ в традиционных воззрениях хантов. Эта область их традиционной культуры заслуживает дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Paasonen H. Über die ursprünglichen Seelenvorstellungen bei den finnougriichen Völkern., - Suomalais ugrilaisen seuran Aikakauskirja, 1909, XXVI, S. 82.

² Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. Parvoo, 1921, S. 89.

³ Ibid., S. 93.

⁴ Кастрен А.М. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. - В кн.: Магазин землевладения и путешествий. Т. II, ч. II. М., 1860, с. 186.

⁵ См.: Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов. - В кн.: Из истории шаманства. Томск, 1976, с. 46-148, 158-165.

⁶ Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов. - Труды Ин-та этнографии. Нов. сер., 1947, т. VI, с. 45.

И.Н. Г е м у е в

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В числе археологических находок усть-полуйского и более позднего времени на территории Западной Сибири и Приуралья обнаружено несколько изображений медведя. По мнению специалистов, эти находки отражают культ медведя, бытовавший до недавнего времени у аборигенного населения Сибири¹. Сложность медвежьего культа, связанная с различными аспектами и формами почитания медведя, затрудняет трактовку изображений. В данной статье сделана попытка осмыслить некоторые археологические изображения медведя на основе этнографического, главным образом селькупского, материала. В работе использованы данные экспедиций Томского университета и Института истории, филологии и философии СО АН СССР к южным (нарымским) и северным (тазовско-туруханским) селькупам; музейные и литературные материалы.

Для селькупов, как и многих других народов Сибири, характерно особое отношение к медведю. На вопрос о возможности охоты на него селькупы обычно дают стереотипные ответы: "Убить медведя – грех большой", "Медведя отец запрещал бить – грешно", "Убить медведя – грех считали" и т.п. Е.Д. Прокофьева писала о том, что в период создания Тымского (селькупского) национального района предложение районной организации отстреливать медведей, истреблявших скот, встретило сопротивление местных жителей². По мнению исследовательницы, такая реакция была обусловлена тем, что население Тыма относилось к "медвежьему роду". Однако почтительное отношение к медведю проявлялось со стороны всех селькупов, независимо от их родовой принадлежности и района проживания (Нарым, бассейны Турухана, Таза). Это и естественно, ведь культ медведя, напоминая внешне тотемизм, в то же время не является им. Как справедливо отметил С.А. Токарев, отличие медвежьего культа от собственно тотемизма заключается именно в том, что медведь служит объектом поклонения всех родов, "тогда как при типичном тотемизме тотемы разных родов различны"³. По селькупской традиции, убивать медведя разрешалось лишь в исключительных случаях – если он "сам пошел" на человека (напал на него) или постоянно задирает скот. Иначе говоря, убить медведя (как и человека) можно было только в целях самообороны. По свидетельству П. Третьякова, тазовские остяки (селькупы) называли медведя "шалэб куб (селькуп. – И.Г.), т.е. остяцкий человек"⁴.

"Очеловечивая" медведя, селькупы присваивали ему человеческие свойства и качества. Считалось, что медведь понимает смысл речи человека и даже способен слышать на расстоянии. "Говорят, что медведь слышит разговор. Про него ничего плохого не говорят". Медведь "мстит" человеку за неуважительное отношение к другому (убитому) медведю, за несоблюдение ритуала захоронения его останков. "Кости медведя не бросают, – пояснял один из наших информаторов, – другой, живой, медведь будет сердиться, что так бросили... Если где-нибудь череп оставлен (брошен на землю. – И.Г.), то живой медведь увидит и обязательно отомстит".

Особое отношение к этому животному во многом связано с бытовавшими среди селькупов представлениями о перевоплощении человека после смерти в медведя. В качестве иллюстрации приведем отрывок из малоизвестной статьи В.Н. Скалона: «Когда жили мы в жестокие холода "морозного месяца" в нашей землянке на берегу р.Ратты, быстрого притока Таза, я разговорился по душам с зашедшим в гости соседом Сырка, остяко-самоедом (селькупом. – И.Г.).

– Вот, знаешь... медведь, он, брат, такой мудреный старик, его не поймешь сразу. Вон как... убил я отца...

... Дело в том, что каждый медведь носит душу какого-либо предка. Убив зверя, охотник отрезает кисть передней лапы и будет бросать вверх, называя имена умерших стариков, и когда ляжет кверху ладонью, значит, то имя и принадлежит зверю и пойдет слух: "Пульба ильча (деда, старика Пульба. – И.Г.) Сырка убил".

– Лапу, значит, кидали? – серьезно спросил я.

Рис. I. Медвежий клык с отверстием и ремешком для ношения на поясе (коллекция Музея истории и культуры народов Сибири, Новосибирск).

— Да, да. Так вот ведь что пойми. Мой отец был совсем мирный люди, век никому худа не делал. Пьяный и то не дрался сроду. А тут, на поди, четырех оленей задавил. Я как узнал кто — мне сердце совсем худый стал, ум кончился. Зачем отец так делал? Вовсе зря...»⁵ Представления о превращении умершего в медведя зафиксированы и в наших полевых материалах: "Когда убивают медведя — лапу отрезают и кидают. Чей родня пришел? Если пальцами вверх (при подкидывании лапы информатор называл имя одного из своих предков. — И.Г.) — мой родня пришел". Старшее поколение селькупов — жителей Нарымского края помнит и сегодня множество историй на

эту тему. В одном из таких рассказов охотник, будучи в тайге, случайно убил человека, а когда вновь пришел туда — вместо убитого человека обнаружил медведя. Отождествление медведя с умершим проявлялось и в том, что при поедании медвежьей туши селькупы никогда не ели почек — почки "не оживали" при превращении покойника в медведя. Эту особенность отмечал и Г.Н. Потанин. Он писал, что, по мнению аборигенов Сибири, "не все его (медведя. — И.Г.) тело сделалось звериным; в нем есть часть человеческого мяса, которое туземцы ... вырезают и не едят"⁶.

Согласно воззрениям селькупов, медведь, связанный с миром живых, в то же время принадлежал к чуждому людям миру мертвых. И чтобы медведь "признал" человека своим и не причинил вреда, селькупы носили слева у пояса на ремешке медвежий зуб (корго-ти-ме) или высушенную медвежью лапу, служившие как бы паролем при встрече с медведем (рис. I). На древность и широту распространения этой традиции указывает найденный при раскопках второго Покровского кургана (IV в. до н.э.) медвежий клык, оправленный в золото и приспособленный для ношения в качестве привески⁷. Угры носили на поясе эполетовидные пряжки с изображением медведя, что «повлекло возникновение одного из названий для медведя "застежечный зверь"». Этот термин сохранялся до недавнего времени у манси⁸. Ношение подобных застежек зафиксировано и у ненцев⁹.

Как уже говорилось, традиционные верования селькупов включали представления о превращении умершего в медведя. Если, однако,

умирал не обычный человек, а "великий" шаман, то его перевоплощение (согласно даже поздней традиции) было связано с некоторыми особенностями. Их атрибутивным выражением являлось отрезание при похоронах у покойного большого пальца правой руки (по-селькупски большой палец "кагаль мун" в буквальном переводе означает "могильный" или "покойницкий" палец¹⁰). Интересно в этой связи сообщение Б. Шостаковича о том, что "самая сильная клятва у инородцев заключается в пожелании за нарушение ее быть съеденным медведем, причем [при этом] лижут почему-то ноготь большого пальца правой руки"¹¹. Фаланга большого пальца, отрезанного у "великого" шамана, становилась главным фетишем шаманов – потомков покойного. Этот фетиш передавался из поколения в поколение, олицетворяя собой шаманскую силу¹².

Связь между большим пальцем и особыми возможностями, которые обеспечивает его наличие, прослеживается в воззрениях целого ряда народов. У забайкальских бурят существует предание о том, что бог отрубил у богатыря, "с которым люди не могут справиться", большой палец и обратил его в медведя"¹³. В монгольском фольклоре также есть сюжет, связанный с отрубанием большого пальца и последующим превращением человека в зверя (в данном случае – сурка)¹⁴. У манси записана легенда, согласно которой медведь просил у бога пятый палец, но бог ему отказал¹⁵. Аналогичное предание зафиксировано у хакасов* и русских старожилов Сибири¹⁶. Селькупы говорят, что "у медведя нет пятого пальца, а то бы он всю землю своротил". Четырехпалым считают медведя и негидальцы, хотя, как известно, медведь обладает пятипалой стопой¹⁷. Добавим к этому, что, по представлениям ряда народов, души людей помещались именно в пальцы. Так, по преданию селькупов, "обские богатыри отрезали у мертвого врага пальцы, чтобы душа его не могла причинить им вред"¹⁸. В алтайском героическом сказании об Алтай-Буучае говорится о том, как врагам удалось убить богатыря Алтай-Буучая:

Пикой его колят –
Проткнуть не могут,
Рубят мечом –
Мечу не поддается
Иного способа придумать не могли
"Два больших пальца [рук]
Надо отрезать", – сказали
И два больших пальца
С хрустом стали резать¹⁹.

Поясняя это действие, комментатор сказания указывает, что "в двух больших пальцах находится душа, сила Алтай-Буучая"²⁰. Исследователь религии алтайцев А.В. Анохин приводит предание о том, как "при нападении киргизов на Алтай" убили шамана Бади, имевшего девять бубнов. «Сердце у него нашли обросшим шерстью; то же

* Устное сообщение В.Я. Бутанаева.

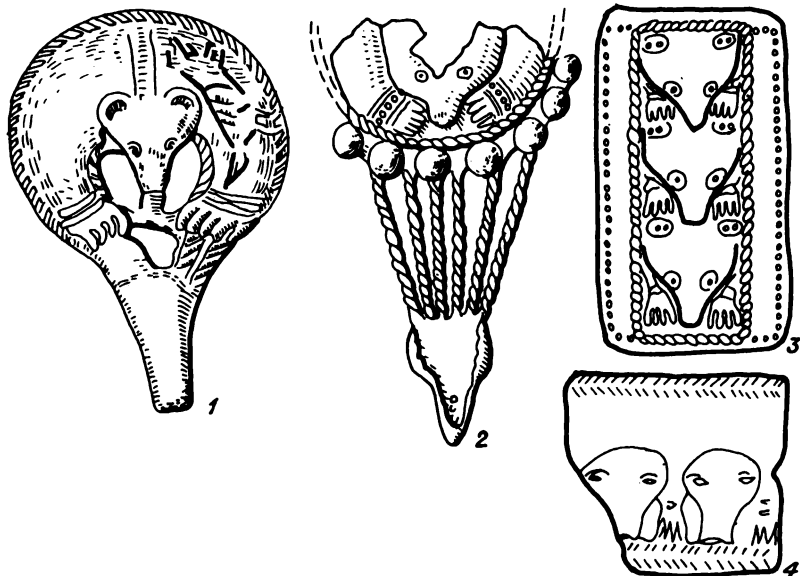

Рис. II. Изображения медведя.

1 – эполетовидная застёжка из Пермской области; 2 – эполетовидная застёжка с п-ова Ямал; 3 – поясная бляшка из курганной группы близ Томска; 4 – поясная бляшка из б.Пермской губернии (1, 2, 4 – из кн.: Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. – Материалы и исследования по археологии СССР, 1953, № 35, с.128, табл. III; 3 – из кн.: Отчеты археологической комиссии за 1896 г. М., 1897, с. 95, рис. 362.).

самое у него было и внутри большого пальца, т.е. сердечко с шерстью (медвежьей? – И.Г.). Убившие его киргизы сказали:

Необычайно хороший, оказывается юноша
С шерстью на сердце,
С шерстью в большом пальце²¹.

Итак, по представлениям ряда народов, медведь – существо, бывшее прежде человеком. При перевоплощении в медведя особая роль принадлежит большому пальцу (медведя считали четырехпалым). Согласно ранней традиции, большой палец был вместилищем души и силы (физической и шаманской).

Обратимся к археологическому материалу. На эполетовидных застёжках из Пермской области (рис. II, 1), с п-ова Ямал (рис. II, 2), бляхах из курганной группы близ Томска (рис. II, 3), поясной бляшке из б. Пермской губернии (рис. II, 4), относящихся к усть-полуйскому времени, запечатлен медведь с головой, положенной на передние лапы (именно в такую позу укладывали медведя на медвежьем празднике). По мнению В.Н. Чернецова, изображение зверя в этой

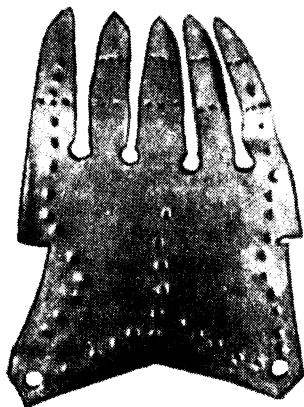
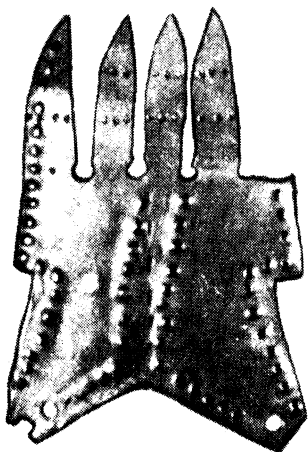

Рис. III. Изображения медвежьих лап из шаманского комплекса с р. Тым (коллекция Музея истории и культуры народов Сибири, Новосибирск).

позе является особенностью западно-сибирских застёжек²², которые датируются III в. до н.э. (поскольку сюжет возник, очевидно, в IV в. до н.э.)²³.

Важно отметить, что изображениям медведей "не хватает" большого пальца на одной или двух лапах: Отсутствует палец правой лапы медведя, запечатленного на застёжке из Пермской области, палец левой лапы – на застёжке с п-ова Ямал, причем пальцы на этих изображениях трактованы как человеческие. Эта особенность прослеживается даже на стилизованном изображении (поясная бляшка из бывшей Пермской губ.) – с правой стороны медвежьей головы четыре продольных углубления, с левой – пять (рис. II, 4). На бляхах из Томских курганов на обеих лапах медведя (трактованы как кости пальцев и лучевые кости) обозначены по четыре пальца. Бронзовые изображения медведя с теми же особенностями обнаружены также на юге Западной Сибири – в Айдашинской пещере²⁴. В одной из коллекций шаманских вещей Музея истории и культуры народов Сибири при ИИФиФ СО АН СССР имеются изображения медвежьих лап из листовой красной меди с р. Тым Томской области (рис. III). На одной из лап отсутствует (специально отломан изготовителем) большой палец*.

Представляется, что изображения четырехпалых медведей (их культовый характер несомненен) связаны с образом покойного "великого" шамана, ставшего, возможно, духом-помощником шамана –

* Приобретена на р. Тым Томской области.

держателя этих атрибутов. Образ духа-помощника в данном случае сливается с образом его предка по шаманской линии. Представление о большом пальце как трансляторе шаманского дара соответствует (возможно, еще дошаманским) представлениям о большом пальце как о вместилище души (силы). Если принять датировку археологических находок с изображениями четырехпалых медведей, предложенную В.Н. Чернецовым, то религиозные представления, связанные с медведем в описанной (или близкой к ней) форме, можно считать характерными для западно-сибирского населения не позднее второй половины I тыс. до н.э. Впоследствии рассмотренная традиция проникла в культуру современных этносов и дошла в реликтовой форме до нашего времени. Близость деталей религиозных представлений, связанных с медведем, у самых различных народов от запада Сибири до Дальнего Востока позволяет предполагать существование элементов определенной религиозно-идеологической общности населения этого обширного региона в период второй половины I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анучин Д.Н. К истории искусств и верований у приуральской чуди. — Материалы по археологии восточных губерний России, 1899, т. III; Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1953, № 35; Могильников В.М. Васюганский клад. — СА, 1964, № 2.
- ² Прокофьева Е.Д. О социальной организации селькупов (род и фратрия). — ТИЭ, 1952, т. XVIII, с. 97-98.
- ³ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 244.
- ⁴ Третьяков П. Туруханский край. — Зап. РГО по общей географии, Спб., 1869, т. 2, с. 486.
- ⁵ Скалон В.Н. Писанные люди. — Охотник и рыбак Сибири, 1931, № 4, с. 47.
- ⁶ Потанин Г.Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск, 1916, с. 6.
- ⁷ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени, с. 134.
- ⁸ Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1953, № 35, с. 227.
- ⁹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени, с. 128.
- ¹⁰ Картотека сибирских топонимов при Томском государственном педагогическом институте, т. 9, с. 703.
- ¹¹ Шостакович Б. Поездка по рр. Васюгану и Чижанке в 1876 г. — Томские губернские ведомости, 1876, № 48.

- 12 Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. – В кн.: Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980, с. 30–32.
- 13 Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. IV. Спб., 1883, с. 168.
- 14 Потанин Г.Н. Ерке. Культ сына неба ..., с. 3, 70.
- 15 Гондатти Л.Н. Следы языческих верований у маньчжур, – Труды общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете, 1888, кн. VIII, с. 25, 72.
- 16 Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии, с. 754.
- 17 Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьими промыслами. – Сборник музея антропологии и этнографии, 1971, т. XXVII, с. 190.
- 18 Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов. Докт. дис. Томск, 1972, с. 317.
- 19 Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск, 1961, с. 133.
- 20 Там же, с. 153.
- 21 Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, с. 124.
- 22 Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени, с. 128, 130.
- 23 Чернецов В.Н. Усть-полуйское время, с. 226–227.
- 24 Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980, с. 164, табл. XX.

В.А. Б о б к о в

К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДЕ КРЕМАЦИИ У ВЕНГРОВ В X в.

У венгерских историков и археологов, занимающихся проблемой "обретения венграми родины", сложилось представление (на основе санкт-галленских анналов¹) о том, что у их предков в X в. существовал наряду с традиционными погребальными – обряд кремации погребенных. Сообщение о сожжении трупов двух "венгерских" воинов в монастыре Санкт-Галлен попало даже на страницы научно-популярной книги Дьклы Ласло², хотя оно казалось очень странным для исследователей этого периода, поскольку не согласуется с данными археологии. За весь период изучения венгерских древностей X в. не обнаружено ни одного венгерского захоронения с сожжением на территории Карпато-Дунайского бассейна. Пытаясь интерпретировать

это несоответствие, специалисты высказывают предположение, что венгры находились далеко от родины и не имели возможности захоронить умерших в родовом (семейном) могильнике. Поэтому их сожгли³, а не захоронили по характерному для них обряду погребения.

Для того чтобы более подробно объяснить это событие, необходимо уточнить, какие этнические группы участвовали вместе с венграми в их походах на запад. Имеются косвенные данные, говорящие о возможном участии тюркских отрядов в походах венгров. По мнению Чанада Балинта, среди захоронений с конем, которые датируются X в., можно выделить характерные для печенежско-тюркской среды⁴. И наконец, есть письменные источники, повествующие о славянах, участвовавших вместе с венграми в походах на запад. Один из этих источников — жалоба папе Иоану IX от архиепископа Тэотмара и его пяти суфраганов. Послание баварского духовенства было составлено в первой половине 900 г.⁵ Баварцы обвиняют славян в том, что "они приняли к себе огромное множество угров, по обычаю последних обрили головы своим лжехристианам и не только направили их [угров] на нас христиан, но и сами к ним присоединились и одних увели в плен, других убили, третьих уморили голодом и жаждою в темницах, бесчисленное множество вогнали в нищету, благородных мужей и честных женщин увели в неволю, сожгли храмы божьи и разрушили все здания . . . "6.

К.Я. Грот прав в том, что при всей тенденциозности послания, подробности о бритье головы, т.е. о своеобразной маскировке моравинских славян, придают посланию большую достоверность. "Не будь этой подробности еще можно было бы предположить тут просто желание оклеветать славян, но такой факт, как подражание уграм в способе носить волосы на голове, явно с целью не быть узанными среди мадьярских полчищ, не мог быть сочинен баварским епископом: он, очевидно, был налицо, и в нем они успели тогда уже воочию удостовериться"⁷.

Каким же образом шло развитие погребальных обрядов в Словакии до времени прихода венгров в Карпато-Дунайский бассейн? В Поморавье и в области Нитры крупные церковные центры оказали свое значительное влияние на христианизацию населения. Здесь традиционное трупосожжение вследствие христианизации населения исчезает. Но в Восточной Словакии, относительно далекой от церковных центров и расположенной в районе максимальной близости славянских и древневенгерских памятников, "славянские погребения с трупосожжением, связанные с обычаем постройки курганов . . . существовали без перерыва от VIII до X в., даже, возможно, и до XI в."⁸. Этот обряд просуществовал здесь значительно дольше, чем в Западной и Средней Словакии. На погребальные обычаи не оказали своего влияния христианство или древневенгерский способ погребения (курганы под Стредой над Бодрогом и Топольовкой, которые датируются X-XI вв.)⁹.

Исследователи славянских курганов X в. "при способе размещения останков сожженного тела не замечают строго установленные обычаи. В курганах часто встречаются находки кальцинированных

костей, в кучках или разбросанных (Стреда над Бодрогом), но в самых поздних курганах (Топольовка) костей бывает очень мало. Для всех поздних курганов характерен обряд кремации погребенных на стороне, только в одном случае, в более раннем кургане (Кральовски Хлмец, курган 5) труп сожгли на месте кургана¹⁰.

Интересна и топография расположения поздних славянских курганов с трупосожжением X—XI вв. в Восточной Словакии: почти все они находятся в максимальной близости от древневенгерских могильников X в. Как известно, под Стредой над Бодрогом были исследованы не только славянские курганы с трупосожжением, датированные X в., но и древневенгерский могильник этого же времени.

Таким образом, сообщения письменных источников об участии славян в венгерских походах на запад, отсутствие венгерских погребений с сожжением в Карпато-Дунайском бассейне, наличие исследованного и характерного для восточно-словацких курганов X в. обычая кремации погребенных на стороне, находки славянских и древневенгерских погребений в одном районе (Стреда над Бодрогом) — эти факты позволяют предположить, что в Санкт-галленских анналах упоминается об обряде кремации на стороне двух славянских воинов (внешне совершенно не отличавшихся от венгров), останки которых после сожжения, вероятно, были погребены их соотечественниками, участвовавшими в этом же походе.

Основой же для появления версии о существовании у венгров обряда трупосожжения послужили: внешнее сходство славян и венгров (первые не желали быть узванными в венгерском войске), а также и то, что все события описаны Эккерхардом IX по рассказам старых собратьев по монастырскому ордену¹¹, в которых летописцу едва ли можно было разобраться в этнической принадлежности умерших.

Мы не можем быть категоричными в своих доводах, потому что под Санкт-галленским монастырем не зафиксировано кургана с остатками трупосожжения, подобного восточно-словацким, а также потому, что, по данным Ибн-Фадлана, во время походов X в. печенеги также прибегали к этому способу захоронения¹².

Таким образом, под термином "венгры" в данном случае следует понимать политическую, а не этническую принадлежность воинов, подвергнутых после смерти погребальному обряду кремирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A Magyarok elödeiről és a honfoglalásról EKKE-NARD, Sankt-Gallen-i történetek/Red.Györffy Gy. Budapest, 1975, S. 237.

² László Gy. 50 rajz a honfoglalásról Budapest, 1982, S. 33.

³ Эрдели И. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Канд. дис. Л., 1959, с. 10.

4 Балинт Ч. Погребения с конями у венгров IX–X вв. – В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 182, 184.

5 Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. Спб., 1881, с. 360.

6 Там же, с. 365–366.

7 Там же, с. 372.

8 Будинский-Кричка В. О погребальном обряде славянских курганов в Словакии. – Acta Archeologica Carpathica, I, Fasc. I, S. 63.

9 Там же.

10 Там же.

11 Будинский-Кричка В. О погребальном обряде . . . , с. 234.

12 Цит. по: Эрдели И. Венгры в Лебедии . . . , с. 10.

В.В. И в а н о в

О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ СООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВОСТОЧНО-НОСТРАТИЧЕСКИМИ И ЗАПАДНО-НОСТРАТИЧЕСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Принятие ностратической гипотезы влечет за собой постановку вопроса о наличии древних изоглосс, объединяющих восточные ностратические языки – алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский), уральский и дравидский; западно-ностратические (индоевропейский, картвельский, афразийский). Западно-ностратические языки отличаются от восточно-ностратических такими фонологическими инновациями, как перестройка многосложных основ с существенным уменьшением числа фонем и слогов в основах и с преобразованием фонем, ведущим к уменьшению числа гласных и возникновению категории сонантов (хотя бы в части языков), а также к дифференциации заднеязычных согласных (и, очевидно, ларингальных) по признакам палатальный–непалатальный, лабиализованный–нелабиализованный (в индоевропейском). Наоборот, восточно-ностратические языки отличаются исчезновением ларингальных после гласных с заместительным удлинением последних (сходный процесс позднее протекал и в отдельных индоевропейских диалектах, которые по этому и по некоторым другим признакам, примыкали к восточно-ностратическим).

В сфере имени важнейшей инновацией, общей для всех западно-

нотратических языков, была перестройка древних именных парадигм. Наиболее радикально она осуществлялась в западной части западно-нотратического ареала – в афразийском, где старая парадигма и связанные с ней древние типы именных конструкций перестроились и по формам употреблявшихся в них существительных, и по характеру древних синтаксических приименных служебных слов (с постепенной заменой Rectum – Regens → Regens – Rectum). Картвельский и индоевропейский, как и афразийский, вырабатывают новые типы выражения генитивных отношений. В восточно-нотратическом на основе древних конструкций с косвенным падежом на -n, функционирующих как генитивные, вырабатываются разветвленные системы вторичных (периферийных) падежей. Древние локативные сочетания перерастают в падежные локативные формы. Восточно-нотратический сохраняет еще функционирование *m(V) (первоначально как отдельного слова, ср. архаическое употребление маньчжур. be) в качестве показателя маркированного объекта. Типологически основным грамматическим отличием восточно-нотратического, к которому по этому признаку примыкает и индоевропейский, является постпозиция синтаксических частиц и служебных слов. На основе такого употребления позднее могли вырабатываться грамматические суффиксы, в отличие от препозиции, дававшей в ряде случаев префиксы, например в картвельском и афразийском (сохраняющем при этом и следы постпозитивного древнего расположения служебных элементов). Этим объясняется различие между препозицией и постпозицией тех служебных морф, из которых возникли приметы 1 л. ед. ч. древних объектных глаголов: картвел. m-: и.-е. -m, урал.-m, субъектных глаголов: картвел. Hw-: и.-е. -H(w), урал.-K (глайд -w-, очевидно, объясняется универсальной закономерностью развития элементов этого типа), 2 л. ед. ч. древних субъектных глаголов: сем.-хамит. *t – s и.-е. *-t (ст.-акк. *t- idi: и.-е. *woit'-t -H-o 'ты знаешь' и т.п.). Эта же закономерность объясняет различие между препозицией таких служебных частиц > префиксов, как афр. -аз. *m -, картвел. me(a-) < ностр. *mA (№ 285)*, в качестве начальной морфы именной конструкции, и постпозицией в восточно-нотратическом (ср. венг. al-mi 'сон' и т.п.), препозицией (хотя бы частичной) локативного *l – в афразийских языках при постпозиции в картвельском (где, следовательно, препозиция побеждает в меньшей степени, чем в афразийском).

Исследование лексических изоглосс подтверждает наличие общих форм, специфичных для восточно-нотратического, хотя в отдельных случаях и остается крайне сложным выяснение того, в какой мере речь идет об инновациях (стоит отметить в данной связи преимущественно архаический характер подавляющего числа общих морфоно-

* Здесь и далее в скобках указан номер реконструкции по: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения нотратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976.

логических и грамматических черт восточно-ностратического в отличие от западно-ностратического). К числу общевостоочно-ностратических лексем относятся такие, как **lūkΛ* 'протыкать, совать' (урал. **lūkkΛ*- 'протыкать, совать, толкать' > венг. *lök* - 'толкать', фин. *lykää* -; алт. *lūkā*- 'протыкать', дравид. *lukk* 'совать, толкать' (№261); **nülΛ* 'вырывать, сдирать' (урал. **nül*-ke-, алт. *nüli-nöli*-, дравид. *null*- (№329), **dulī* 'огонь' (урал. **tule* 'огонь', алт. *dulī*- 'греть, теплый', дравид. *tulΛ*- 'сиять, искриться' (№71), **ka-wingΛ* 'подмышка' (урал. **kai-na-la*, венг. *hón*, алт. **kāwiri*, дравид. *kavun'kΛ* 'подмышка' (№220: сохранение трехсложной основы), **ka.ʎa* 'оставить') урал. **kaδ'a*-венг. *hagy*- 'оставлять, покидать', дравид. *kaɪ(t)a*-? (№194, там же возможно сближение с картв. **qel*). Заслуживают внимания также общевостоочно-ностратические суффиксы, которые из словообразовательных превращаются в словоизменятельные (суффикс собирательных имен -*l(a)* > урал. -*la*, алт. -*la* > тюрк. суф. мн. ч. -*lar*, дравид. -*l* (№246, там же см. о картвельской параллели), возможное индоевропейское соответствие может быть сохранено в хеттских формах имен числительных на -*l*, что в случае архаизма могло бы означать сохранение в восточно-ностратическом общеностратической формы, частично вытесненной в западно-ностратическом, для которого и в грамматике и в лексике характерен ряд новообразований).

На фоне значительного числа общевостоочно-ностратических форм по-новому встает вопрос об интерпретации целого ряда урало-алтайских изоглосс. Несомненно, некоторые из них могут быть инновациями более позднего времени, когда эти языки (или еще диалекты восточно-ностратического ареала) были распространены на смежных территориях. Но нельзя полностью исключить и того, что часть урало-алтайских изоглосс в действительности представляет собой архаизмы, сохранившиеся либо от восточно-ностратического (с частичной потерей в дравидийском), либо от общеностратического (с потерей в западно-ностратическом и дравидийском). В ряде случаев окончательный ответ зависит от результатов поисков соответствий в этих последних группах. Так, наличие в дравид. *ēnt*- 'вытягивать руки, браться руками' соответствия урал. **jāntΛ*- 'тетива' (> венг. *ideg* 'тетива, нерв'), **jāntΛ*- 'натягивать' (ненец. *jēntā*-, *jēntē*- 'натягивать, растягивать, протягивать') и алт. **jät(ä)* > турец. *yed*- 'вести на поводу' (№147) делает вероятным сохранение в данном случае архаизма, тогда как при отсутствии столь надежных дравидийских параллелей соответствие вошло бы в число изолированных урало-алтайских лексических изоглосс. Стоит заметить, что с общеностратической точки зрения понятие "алтайской" семьи оказывается несколько более расплывчатым. По сути дела речь идет об очень широкой группе (наиболее) восточных ностратических языков, которые могут быть возведены не к общеалтайскому, а к общевостоочно-ностратическому. По целому ряду хронологических и географических соображений приходится поставить аналогичный вопрос и в отношении наиболее западной ностратической группы - афразийской,

которая, возможно, должна быть возведена не к общеафразийскому, а к общезападно-ностратическому, тогда как выделившийся из общезападно-ностратического общесемитский хронологически соотносился с общеиндоевропейским и общекартвельским. Не представляется целесообразным восточно-ностратические черты, выявляемые (при несомненности субстратных австронезийских элементов) в японском, возводить обязательно к общеалтайскому. Допустимо и альтернативное толкование их как следов общевосточно-ностратического, к которому могут быть возведены уральский (и возможно, юкагирский как отдельный восточно-ностратический язык, близкий к уральскому) и дравидийский (вместе с эламским и протоиндийским), а также все те диалекты, которые объединяются общим термином "алтайские".

Особо следует остановиться на чертах, объединяющих отдельные восточно-ностратические диалекты с отдельными западными, в частности уральский с индоевропейским. Одной из важнейших проблем, касающихся индоевропейско-уральских ("индо-уральских") сопоставлений, является отражение архаического "ларингального" суффикса в основах типа и.-е. $*deH^W - (-*teH^W)$, урал. $*tōye$ -'давать' (алт. (t)ā-'дать, получить', дравид. $*tā$ -'давать', 1-2 л. осн. повел. накл.); и.-е. $*p^{(h)}uH-$: урал. $*rū(γ)a$ -'дуть' (алт. $pō$ -'дуть', картв. $*rū-1$, сем.-хамит. $*pw(')$), которые могут быть образованы посредством этого суффикса от первоначально односложных корней, ср. соотношения типа и.-е. $*g^heH^W$: алт. $*ga$ -'получать, брать': картвел. $*g-em$; и.-е. $*dh-eH-$, $*d^h-sk'-e/o-$; картвел. $d-esg$. Как представляется, выделение этого суффикса существенно не только для интерпретации данного типа основ, но и для решения более общей проблемы структуры основ в общеностратическом.

Э.Г. Беккер, А.А. Ким, О.А. Осипова

ГИПОТЕЗА ОБ ОБЩИХ ИСТОКАХ

ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСЕССИВНОСТИ

В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

И СОГЛАСНЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТАХ

В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В уральских языках имеются показатели посессивности, родительного падежа, личные и указательные местоимения; в индоевропейских языках – согласные основообразующие форманты (включая и сонанты), суффиксы прилагательных, личные и указательные местоимения. В силу того, что нами делается проекция в очень отдаленное прошлое, когда единственное и множественное число, видимо, еще не различа-

лись, при анализе используется только единственное число. Индоевропейские сонантные основы $-u\bar{a}$, $-u\bar{e}$, $-w\bar{a}$ ¹ часто фигурируют как $i-$ и $u-$, поскольку в таком виде они отразились во многих индоевропейских языках, хотя в функциональном отношении ведут себя по-разному: одна часть тяготеет к гласным основам, другая — к согласным². В таблице уральских языков исключена графа суффиксов имен прилагательных, поскольку данная часть речи находится в процессе становления. Во многих случаях имя существительное и имя прилагательное не поддаются дифференциации — признак предмета передается главным образом при помощи порядка слов: определение стоит всегда перед определяемым словом, например в саамском, обско-угорских, некоторых самодийских и других языках³.

На материале германских языков уже делалась попытка доказать, что все согласные основообразующие форманты в древности служили маркером одушевленности и представляли собой рудимент бывшего активного падежа⁴. Этот падеж обладал очень широкими функциями. Наиболее четко они прослеживаются для форманта $-n-$ как в индоевропейских, так и в уральских языках. Типологическая и генетическая общность форманта $-n-$ генетива уральских языков и основообразующего форманта индоевропейских языков несомненна. Тот и другой выступают одной из падежных основ, на которую наслаиваются показатели других падежей⁵. Оба восходят к дейктическому местоимению с основой на $-n-$.

Основной функцией родительного падежа является передача отношения принадлежности. Эта функция отчетливо выступает как в уральских, так и в индоевропейских языках. Уральские языки могут передавать отношения принадлежности с помощью формы родительного падежа, а также лично-притяжательных суффиксов. В отличие от генитивного форманта лично-притяжательные суффиксы являются выражителями более конкретных притяжательных отношений: они передают не широкое соотносительное значение, а принадлежность предметов или лиц определенному лицу. Они отсутствуют в индоевропейских языках, поэтому на первый взгляд невозможно соотнести уральские лично-притяжательные суффиксы с какими-то ни было индоевропейскими формантами. Однако если приблизиться к истокам развития этой своеобразной категории уральских языков, то можно сделать любопытные выводы об общности уральского и индоевропейского языкового развития.

Долгое время в уралистике было распространено мнение о том, что лично-притяжательные суффиксы развились из соответствующих личных местоимений. На современном этапе все более прочные позиции завоевывает интерпретация развития посессивных формантов, сформулированная Б.А. Серебренниковым⁶. Согласно этой теории, отношения посессивности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений: «...Понятие "мой" развилось из понятия "ближе всего ко мне лежащий", понятие "твой" — из понятия "лежащий немного подальше от меня" и понятие "его" — из понятия "наиболее от меня удаленный"»⁷. Это доказывается содержанием одних и тех же элементов в некоторых притяжательных суффиксах и указательных местоимениях (табл. 1).

Показатели принадлежности в уральских языках

Язык	Лично-притяжательные суффиксы единственного числа	Суффиксы родительного падежа	Указательные местоимения	Личные местоимения единственного числа
Финский	1 л. -ni > * <i>-ne</i> 2 л. -si > * <i>-te</i> 3 л. -nsä > * <i>-sän</i> (-sän)	-n	täma. 'этот, эта, это' (расположено близко); tuo 'тот, та, то' (расположено на некотором расстоянии); se 'тот, та, то'; 'он, она, оно' (расположено на расстоянии от говорящего, но близко от собеседника)	1 л. minä 2 л. sinä 3 л. hän
Ижорский	1 л. -n 2 л. -z 3 л. -hä	-n	täma, tä 'этот' (здесь находящийся); se 'этот'; tō 'тот'	1 л. miä 2 л. siä 3 л. hä(n)
Мокшанский	1 л. -зе 2 л. -це 3 л. -ц	-нь	тя 'этот'; ся, тона 'тот'; ня, нят 'эти'	1 л. мон 2 л. тон 3 л. сон
Марийский (луговосточный)	1 л. -м 2 л. -т 3 л. -же, -жō, -жо	-н	тиде 'этот'; ты 'этот'; саде 'тот'; седе 'этот'; нине 'эти'	1 л. мый 2 л. тый 3 л. тудо
Удмуртский	1 л. -э 2 л. -эд 3 л. -эз	-лэн	со, соиз 'тот, та, то'; та 'этот'; таиз 'этот' (с оттенком выделения); сыче 'такой', 'добный'	1 л. мон 2 л. тон 3 л. со

Коми-зырян- ский	1 л. -ой 2 л. -ыд 3 л. -ыс	-лӧн	тайӧ 'эгот'; сійо 'тот'; сэтшӧм 'такой'	1 л. мӧ 2 л. тэ 3 л. сійӧ
Хантыйский	1 л. -эм, 2 л. -эн, 3 л. -л, -ыт	-	тами 'эгот'; томи 'тот'; сит 'эгот', 'тот'	1 л. ма 2 л. наң, 3 л. тув
Нганасанский	1 л. -мэ 2 л. -рэ 3 л. -зы	* -нз	эмты 'эгот'; эмние 'эгот' (подальше); тане 'тот' (находится дальше); такэ 'вон тот' (на который указывают); амдлюм э 'эгот ближайший'.	1 л. мәнэ 2 л. тәнэ 3 л. сыты
Селькупский	1 л. -м, -п, -мы 2 л. -л, -лы 3 л. -т, -ты	-т -н	на 'это, эгот' (о только что названном или указанном предмете); та, тап, 'это, эгот' (здесь); то, тона 'это, эгот' (там); тина 'то, тот' (о предмете, ранее упоми- навшемся в разговоре); ылна 'вот эгот'; 'эгот твой' (служит для того, чтобы под- черкнуть связь предмета с собеседником, близость его к собеседнику)	1 л. мат, ман 2 л. тат, тан 3 л. тэп

* Таблицы 1, 2 составлены по источникам: Сравнительная грамматика германских языков. М., Т. 3, 1963; Т. 4, 1966; Whitney W.D. A Sanskrit Grammar. Leipzig, 1889; Основы иранского языкознания. М., 1979; Meier A. Общеславянский язык. М., 1951; Sturtevant E.H. A Comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933; Buck C. A Comparative Grammar of Greek and Latin. Chicago, 1942; Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М., 1971; Языки народов СССР (финно-угорские и самодийские языки). Т. 3. М., 1966; Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974; Терещенко Н.М. Нганасанский язык. М., 1979; Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Т. 1. Тазовский диалект. М., 1980.

Показатели принадлежности в индоевропейских языках

Язык	Согласные осно- вообразующие форманты	Суффиксы прилагательных	Указательные местоимения мужского, женского, среднего рода	Личные местоимения
Санскрит	i, u, r/ar, n (an/in), s, nt (без соглас- ных корневых основ)	in (наиболее рас- прост.) i, u (редки) тематические прилага- тельные с основами на r и n	sā-s sā tād ayām iyām idām asaū asau adās	1. aham 2. tvām 3. простое указательное местоимение
Греческий	ι, υ, ρ, æ, χ, φ/π, ν, ντ, β, λ, μ	ια/τα, ιο, εος, νος, αιος, ειος, ολος,φος/φα, μος, λος, νος, ρος	κ. ος ή το γ. τοῦ τας τοῦ	1. ἐγώ 2. σὺ, τὸ 3. анафорическое местоимение
Латинский	u, i, n, r, s, c, g, t, d, m, l (непродуктивные)	id, ic, iv, in, an, os, eus, er, no, ivus	hic haec hoc iste ista istud ille illa illud is ea id	1. ego 2. tū 3. указательное местоимение
Готский	i, u, r, n(an, jan, wan, on, ion, wōn, ein), nd	n(in) – наиболее употребителен	sa sō thata	1. ik 2. thu 3. is

Старославянский	ŷ, ŷ, tŷ, nŷ, tŷ, men, es, tel, en, ar, nt (только следы)	ro, j, lo, n, no, v, to, do (редко)	N. tŷ ta to G. togo toje togo	1. azŷ 2. ty 3. анафорическое местоимение
Древнеармянский	u, i, n, r, ŷ, r/us, r/u/un	i, ē, ean, eŷen, in, akan, ayin, eni	1 ays } собственно указательные, 2 ayd } анафорические 3 ayn } sa, dā, na.	1. es 2. du 3. na (он) ink (он сам) iwr (его)
Древнеперсидский	i, s, nt, u, r, n,	aina, (i) ya, ka, mant, ra, va, van	A. sim dim G., D. ŷaiy Экклитические местоименные основы si, di	1. ad(a)m 2. tuvam 3. указательное местоимение
Хеттский	i, u, l, h, n, s (редко) t, nt r/n	las/lis, wanz manz, anz (с причастной функцией), i	as(этот, тот) экклитика только N., A., asi } eni } uni } anis (тот) Abl., Sg. (редко)	N. G. 1. uk āmel 2. zek twel 3. экклитика as (склоняется по a -основам)

Естественно, современное соотношение элементов, содержащихся в указательных местоимениях и лично-притяжательных суффиксах, не может дать полного представления об эволюции показателей посессивности, поскольку местоимения и суффиксы прошли долгий путь развития от своих первоначальных форм. Тем не менее, общие черты, которые удается наблюдать в отдельных случаях, бесспорно свидетельствуют об одном источнике происхождения элементов, присутствующих в личных указательных местоимениях, ряде лично-притяжательных суффиксов, суффиксе генитива. Очевидно, показатель *-n-* не является исключением в системе других основообразующих согласных формантов в индоевропейских языках (табл. 2). Можно также считать установленным фактом единое происхождение в индоевропейских языках прилагательных на *-n-* и основообразующего *n-*ового форманта⁸.

Видимо, тот же путь развития прошли и другие согласные основообразующие форманты (*-r-*, *-n-*, *-l-*, *-j(i)-*, *-w(u)-*, *-s-* и др.), и соотношения между ними и суффиксами прилагательных были подобного же рода. Не случайно отдельными лингвистами отмечалась большая функциональная общность между генитивами и относительными прилагательными⁹. Если же подходить к этим формантам как к реликтам бывшего активного падежа, то становится понятной их полифункциональность, ибо такой падеж, маркируя прежде всего названия одушевленных предметов, употреблялся в очень широком диапазоне. В качестве примера остаточных явлений полифункциональности активного падежа может быть приведен древнеармянский генитив, способный выражать значение подлежащего в сочетании с прошедшим причастием и бытийным глаголом, стоящим в 3 л. ед. ч.¹⁰ Можно сравнить также формы генитива и номинатива 3 л. ед.ч.: готск. *is* 'он', 'его'. Следовательно, если допустить общность происхождения суффиксов прилагательных и основообразующих формантов, то реликты активного падежа скорее всего могут сохраниться в суффиксах прилагательных, тем более, что богатство основ соответствует разнообразию суффиксов прилагательных. Э.Г. Туманян возводит многие суффиксы прилагательных древнеармянского языка (*-i-*, *-u-(ou)*, *-ean*, вероятно, *-an-*, *-as* и др.) к родительному падежу, от которого они унаследовали значение принадлежности, происхождения¹¹.

Не во всех языках суффиксы прилагательных, содержащие согласные и сонантные формативы, стали одинаково продуктивны, но следы их бывшего распространения можно обнаружить почти во всех индоевропейских языках: греч. *ἅγιος* 'святой', санскр. *yajña* 'почитаемый', лат. *rēgus* 'королевский' (и.-е.суф. *-yo-*); санскр. *jīva*, лит. *gyvas*, греч. *βίος*, лат. *vīvus* 'живой' (и.-е.суф. *-wo-*); греч. *θερμός*, лат. *formus* 'теплый', саскр. *pūra*, лит. *pilnas* 'полный' (и.-е.суф. *-m-*, *-n-*)¹²; санскр. *kṛcchrá* 'трудный'¹³; хетт. *kalar* 'плохой, чудовишный'¹⁴; авест. *sri-ra* 'красивый'¹⁵ (и.-е.суф. *-r-*); греч. *τυφλός* 'слепой', лат. *pendulus* 'висящий'¹⁶ (и.-е.суф. *-lo-*).

В древнегерманских языках суффиксы с этими формантами, за исключением *-n-*, *-i-*, носящих ярко выраженный адъективный ха-

рактёр, являются непродуктивными и в большинстве своем их трудно обнаружить, так как они срослись с основой слова¹⁷.

Указанные факты свидетельствуют о существовании когда-то склонения с этими основообразующими формантами и в древнегерманских языках. Отсюда вытекает предположение о том, что суффиксы прилагательных передают отголосок былого характера именных основ во всех индоевропейских языках.

Как показывают материалы таблиц, истоки посессивных окончаний и основообразующих формантов, видимо, следует искать в местоименных основах, в особенности дейктического характера. В индоевропейских языках их сохранилось немного, но в отдельных языках обнаруживаются следы различных основ. Наличие же прилагательных с этими согласными и основообразующих формантов может помочь восстановить сложный и разнообразный характер дейктических местоимений, который в праиндоевропейском языке существовало гораздо больше, чем было уже засвидетельствовано в отдельных индоевропейских языках¹⁸. О большой дифференцированности в их употреблении при обозначении пространственной ориентации говорят данные латинского (*hic, haec, hoc* указывают на ближний предмет, *iste, ista, istud* — связаны со 2 л.; *ille, illa, illud* — на наиболее отдаленный предмет; *is, ea, id* — часто предполагают относительное местоимение) и отчасти санскрита (*sa-s, sa, tad* употребляются часто с эмфатическим значением, *esás, eśá, etát* — указывают на более близкий предмет)¹⁹. Нельзя не упомянуть об очень интересном использовании указательных местоимений в древнеармянском языке, где все указательные местоимения служат для выражения пространственных отношений (трех градаций), а также для обозначения отношения предмета к одному из трех лиц: показателем 1 л. служит частица *-s*, 2 л. *-d* — 3 л. *-n*²⁰.

Как показывают материалы, один и тот же источник — дейктические местоименные основы — послужил для формирования лично-притяжательных суффиксов и суффикса родительного падежа в уральских языках; основообразующих согласных формантов и суффиксов прилагательных в индоевропейских языках. Формообразовательная скудность прилагательных в уральских языках компенсируется широко развитой системой лично-притяжательных суффиксов, в индоевропейских же языках мы находим богатую суффиксальную систему прилагательных. Следует также отметить, что консонантные показатели, входящие в состав посессивных суффиксов и родительного падежа в уральских языках и основообразующих формантов и прилагательных в индоевропейских языках, в большинстве своем совпадают. Последний факт наводит на мысль о тесных контактах уральских и индоевропейских языков или об их отдаленном родстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с. 302.

² Бенвенист Э. Индоевропейское словообразование. М., 1955,

с. 78, 79, 82, 100 и др.; Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л., 1955, с. 210-221.

³ Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966, с. 160, 327, 348, 383, 446.

⁴ Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения существительных в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980, гл. I-IV.

⁵ Беккер Э.Г., Ким А.А., Осипова О.А. Роль показателя -n- в системе склонения в самодийских и индоевропейских языках. Омск (в печати).

⁶ Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. - В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971, с. 277-282.

⁷ Там же, с. 279.

⁸ Осипова О.А. Отражение категории..., с. 103-106.

⁹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение..., с. 352; Сравнительная грамматика германских языков. Т. 4. М., 1966, с. 50; Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978, с. 34; Серебренников Б.А. Что таит в себе уральский притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -са? - СФУ, 1976, № 4, с. 241-242.

¹⁰ Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М., 1971, с. 189.

¹¹ Там же, с. 142.

¹² Buck C. Comparative Grammar of Greek and Latin. Chicago, Illinois, 1942, p. 316, 317, 319, 322.

¹³ Барроу Т. Санскрит. М., 1976, с. 129.

¹⁴ Sturtevant E.N. A Comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933, p. 183.

¹⁵ Соколов С.Н. Язык Авесты. - В кн.: Основы иранского языкознания. М., 1979, с. 165.

¹⁶ Buck C. Comparative Grammar of Greek..., p. 328.

¹⁷ Сравнительная грамматика германских языков, т. 4, с. 30, 33.

¹⁸ См.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение..., с. 332-334.

¹⁹ Whitney W.D. A Sanskrit Grammar. Leipzig, 1889, p. 190, 191.

²⁰ Туманян Э.Г. Древнеармянский язык, с. 272 и др.

О СВЯЗЯХ УРАЛЬСКИХ И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Раскрытие генетических связей языков древнего мира позволило языковедам выделить языковые семьи евроазиатских языков, а следовательно, понять и объяснить имеющееся между ними сходство и подобие. Анализ исследований в этой области дает возможность сделать вывод о том, что миф о венграх как о народе "без роду и племени" давно ушел в прошлое: народы, говорящие на родственных им языках, отмечены почти во всех уголках земного шара.

В литературе последних десятилетий, посвященной проблемам языкового родства, наиболее часто обсуждается идея о генетических связях уральских и алтайских языков, что вновь делает актуальным вопрос венгеро-тюркского родства. Немало работ посвящено родственным связям между уральскими и индоевропейскими, уральскими и юкагирским языками. Идею урало-алтайского языкового родства с большей или меньшей убежденностью отстаивают такие авторитетные ученые, как Дьюла Немет, Давид Фокош-Фукс, Денеш Шинор, Мартти Рясянен, Бьерн Коллиндер, Орельен Соважо, Н.А. Баскаков и т.д. Среди отрицающих или ставящих под сомнение эту теорию также немало именитых исследователей, таких как Эрки Итконен, Герхард Дерфер¹.

Специалисты, критически относящиеся к гипотезе родства, задают вопрос: если уральская языковая семья родственна алтайской общности, то к какой ветви этих последних она примыкает, — к тюркским, монгольским или тунгусо-маньчжурским языкам? Постановка этого вопроса правомерна, ведь многие из алтаистов не видят оснований для признания общности этих трех языковых групп. (Картина получается еще более сложной, если вспомнить о том, что есть сторонники еще одной гипотезы, согласно которой корейский и японский языки являются самостоятельными ответвлениями алтайской языковой семьи.) Так, с точки зрения Викмана², отрицание или хотя бы сомнение в принадлежности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков к единой алтайской языковой семье не исключает возможности признания связи уральской языковой семьи с одной из перечисленных языковых групп. Позиция Викмана представляется нам странной: три алтайские языковые группы обнаруживают куда больше сходств друг с другом, чем с уральскими языками, однако он все же считает возможным отвергнуть более вероятную гипотезу родства языка с тем, чтобы получить возможность защитить другую гипотезу, основанную на весьма недостаточном фактическом материале. Очевидно, он прав, когда утверждает, что на позицию исследователей, поднявших свой голос в этой дискуссии, накладывает определенный отпечаток их темперамент³.

Для того чтобы проанализировать проблему связей между уральской и так называемой алтайской языковыми семьями, прежде всего необходимо уточнить, о каких связях может идти речь: а) о генетическом родстве; б) о взаимодействии между языками, языковыми группами (заимствование лексических и грамматических элементов, а также связи, проявляющиеся в ареальных признаках, субстратных явлениях); в) об определенных совпадениях, параллельных явлениях, которые могут быть случайными, типологическими сходствами или результатами конвергентных языковых изменений (вытекающими главным образом из типологического сходства). В исследованиях по данному вопросу Н.А. Баскаков упоминает 6 фонетических, 14 морфологических и 7 синтаксических типологических подобий и материальных соответствий в уральских и алтайских языках⁴. Коллиндер 69-ю урало-алтайскими этимологиями подтверждает справедливость гипотезы о языковом родстве, или — формулируя в духе его трактовки — этими этимологиями еще раз доказывает очевидную для себя самого (и для выступивших до него ученых) истину. Среди финно-угроведов именно Коллиндер был самым настойчивым и решительным сторонником урало-юкагирского, урало-алтайского и урало-индоевропейского языкового родства. Более того, Коллиндер дал положительную оценку выдвинутой Хольгером Педерсеном и затем В.М. Илличем-Свитычем и А.Б. Долгопольским ностратической гипотезы. Это вполне понятно, ведь направление их деятельности совпадало. В одной из своих ранних статей Коллиндер попытался с помощью теории вероятностей определить случайность или закономерность элементов, считаемых, возможно, общими между уральскими и алтайскими языками. Путем анализа грамматических элементов и местоименных корней подобного звукового строя и с подобной функцией он пришел к выводу о том, что соответствия между алтайскими и уральскими языками не могут быть делом случая и необходимо выбрать какую-то одну точку зрения: или о родстве этих языков, или о заимствовании и элементарном сходстве. Что касается самого выбора, то он не следует из проведенных вычислений, особенно при современном уровне наших знаний⁶.

В другой работе, выступая против доводов противников урало-алтайского языкового родства, Коллиндер анализирует общие слова в лексике названных языковых семей. Он указывает на возможность выявления в двух довольно далеких друг от друга индоевропейских языках (в современном шведском и в новогреческом), при условии незнания других индоевропейских языков, примерно 60 общих слов, что соответствует количеству надежных урало-индоевропейских и урало-алтайских этимологий. (Любопытно, что Фееккер обнаружил фонетически и семантически напоминающие друг друга слова в неродственном хантыйском и немецком языках⁸.) Наличие этих параллелей, по мнению Коллиндера, свидетельствует о родственных связях между упомянутыми языковыми семьями. Выявляя закономерные фонетические соответствия в урало-алтайских этимологиях, Коллиндер пытается убедить в правильности отстаиваемой им гипотезы.

Этимологические, морфологические и синтаксические доказатель-

ства, представленные сторонниками версии урало-алтайского языкового родства, охватывают такую широкую гамму языковых явлений и такое количество языков, что сейчас для нас пока не представляется возможным проанализировать их во всех деталях. Мы намерены высказать суждения по поводу представленных Коллиндером 69-ти этимологий.

В Институте языкознания Венгерской академии наук, в отделе уральских языков, близится к завершению многолетняя работа коллектива ученых над "Этимологическим словарем уральских языков" (*Uralisches Etymologisches Wörterbuch*). В его первом томе объединен лексический фонд всей языковой семьи уральского и финно-угорского слоёв, второй том — финно-пермского, финно-волжского и угорского. Отдельные словарные статьи приводятся под праязыковыми формами, реконструированными на основе историко-фонетических исследований. Коллектив авторов Словаря не пожелал выразить своей позиции относительно степени вероятности связей уральских данных с фактами других языковых семей. В целях облегчения последующих исследований во всех случаях наряду с данными из уральских языков, когда этимология с фонетической и семантической точек зрения кажется сколько-нибудь вероятной, приводятся материалы из юкагирского, алтайских, индоевропейских, чукотско-камчадалских языков. В Словарь включены тщательно проанализированные на предмет содержания лексических элементов материалы уральской и финской эпох. Всего помещено 93 приемлемых урало-алтайских сходства (даже если опустить 9 сомнительных и только по разу учесть дважды приводимые местоименные корни, то число этимологий составит 82, что больше, чем у Коллиндера). При сопоставлении 60 шведско-новогреческих этимологий с 82 урало-алтайскими, на первый взгляд, трудно не согласиться с мнением Коллиндера о том, что общий лексический фонд уральских и алтайских языков можно считать достаточным для утверждений об урало-алтайском языковом родстве (ср. шведский и новогреческий имеют меньше общих корней слов). Доводы Коллиндера покажутся особенно убедительными, если вспомнить, что далекие по времени предки носителей шведского и новогреческого языков, по всей вероятности, отделились друг от друга позже, чем предки уральских и алтайских народов, пользовавшихся урало-алтайским языком-основой. Правда, при более широком сопоставлении аналогия шведского и новогреческого языков уже не представляется столь близкой. Из большой семьи индоевропейских языков Коллиндер выбрал два далеких друг от друга языка. Он не воспользовался данными действительно близких к шведскому остальных германских языков. Более того, исследователь позволил себе сравнить лексический фонд уральской семьи, состоящей немногим более чем из 20 языков, с лексическим фондом алтайской языковой семьи, насчитывающей более 60 языков. Если в далеком прошлом существовала какая-то (генетическая или основанная на контактах) связь между уральскими и алтайскими языками, то ее следы, очевидно, лучше сохранились в этих 20 и 60 языках, нежели в шведском и новогреческом. По существу, при увеличении числа охваченных сравнительным анализом язы-

Уральские/финно-угорские языки	Алтайские языки			По Кол- линеру
	тюркские	монгольские	тунгусо-мань- чжурские	
1	2	3	4	5
* <u>ajne</u> 'Schläfe' ?U, F $\overline{W}$	* <u>äŋ</u>			
* <u>ala</u> 'das Untere' U	* <u>al</u>			1
* <u>āna</u> 'Frau...' U	<u>ana</u>			
* <u>age</u> 'Öffnung' U	* <u>amŋa</u>	<u>ang,</u> <u>aman</u>	<u>amŋa</u>	2
* <u>arpa</u> 'Zaubermittel' FU	<u>arba-</u>			
* <u>ar3-</u> 'reissen' F $\overline{U}$	? * <u>är-</u>	<u>ʔargi-</u>		
* <u>än3</u> 'Kinn' U	* <u>än</u>			
* <u>čiklä</u> 'Warze' U	* <u>sögil</u>			64
* <u>čukkk3</u> 'dicht' F $\overline{U}$	<u>čorča</u>	<u>čorča</u>		14
* <u>š'ome</u> (<u>š'ome</u>) 'Ahlkirsche' U	<u>jumurt</u>	<u>ʃimugusun</u>		28
* <u>e</u> 'dieser' U	+	* <u>e-</u> , * <u>l-</u> +	+	55

* <u>e</u> 'Verneinungspartikel <u>U</u>			+ * <u>e</u>	48
* <u>e</u> <u>e</u> 'jüngerer Bruder' <u>FU</u>	ʔeči	ʔečige	+ ? <u>e</u> <u>č</u> <u>e</u>	
* <u>e</u> <u>e</u> 'das Vordere' <u>FU</u>	ʔiiki			
* <u>e</u> <u>m</u> <u>ä</u> 'Mutter' <u>U</u>	* <u>ä</u> <u>m</u> <u>ä</u>			49
* <u>i</u> <u>m</u> <u>e</u> 'saugen' <u>U</u>	em-			61
* <u>i</u> <u>r</u> <u>k</u> <u>ä</u> 'Mann' <u>FU</u>	<u>er</u>	* <u>er</u> <u>ere</u>		
* <u>j</u> <u>ä</u> <u>n</u> <u>e</u> 'Eis' <u>FU</u>	ten, nen			
* <u>j</u> <u>u</u> <u>t</u> <u>a</u> 'gehen' <u>U</u>	jadək, jajan			37
* <u>k</u> <u>a</u> <u>δ</u> <u>a</u> 'lassen' <u>U</u>	gal-			9
* <u>k</u> <u>a</u> <u>l</u> <u>a</u> 'Fisch' <u>U</u>			* <u>k</u> <u>'</u> <u>o</u> <u>l</u> <u>o</u> ~ * <u>k</u> <u>'</u> <u>o</u> <u>l</u> <u>t</u> <u>o</u>	
* <u>k</u> <u>e</u> <u>-</u> (* <u>k</u> <u>i</u> <u>-</u>) 'wer' <u>U</u>	<u>kim</u>	* <u>ke</u> ~ <u>ken</u>	* <u>ki</u> <u>ki</u>	56
* <u>k</u> <u>e</u> <u>l</u> <u>e</u> (* <u>k</u> <u>ē</u> <u>l</u> <u>e</u>) 'Zunge' <u>U</u>	* <u>k</u> <u>äl</u> <u>ä</u> <u>-</u>	<u>kele</u>	<u>ŋi</u>	50

1	2	3	4	5
* <u>kiɖʒ</u> 'Schwager' FU	* <u>küde</u>			
* <u>kiñä</u> 'Ellenbogen' F _U			* <u>kūñče(n)</u>	
* <u>konte</u> 'Korb' ? F _U , F _P	<u>kumta</u>	<u>qobdo</u>	? <u>kəmit</u>	
* <u>konʒ</u> 'Achselhöhle' ? U, F _U * <u>qoh</u>				
* <u>ku=</u> (* <u>ko=</u>) 'wer' U	<u>qanyu</u>	* <u>qa</u> <u>qaɣa</u>	* <u>qai</u>	40
* <u>kuɖe=</u> 'laichen' F _U			<u>gad-da</u>	
* <u>kuɖmʒ</u> 'Asche' ? F _U , U _g	<u>kül</u>			
* <u>kuje</u> 'Fett' F _U	<u>qojj</u>			
* <u>kule</u> 'Ohr' ? U, F _U	* <u>qulɣaɣ</u>			
* <u>kumpa</u> 'Welle' U	<u>qom</u>			
* <u>kunta</u> 'wildes Rentier' ? U, F _U		<u>qanda-ɣai</u>	<u>kandaga</u>	39
* <u>kuñce</u> 'Harn' U			<u>ujik</u> , <u>hudugu</u>	
* <u>kuñćʒ</u> 'Stern' U			* <u>kōsi-hta</u>	

* <u>kura</u> 'Reif' U	<u>qıra<u>ru</u></u>			
* <u>kur₃</u> 'Messer' U	<u>qır</u>	<u>kır<u>a</u></u>		
* <u>kuse</u> 'Fichte' U	<u>qadı</u>	<u>qusi</u>	<u>*k'esi-<u>ktə</u></u>	22
* <u>maksa</u> 'Leber' U	<u>*ba<u>ɣ</u>-</u>		<u>*<u>pak-</u></u>	
* <u>mü</u> 'ich' U	<u>*<u>bi</u></u>	<u>bi</u>	<u>*<u>bi</u></u>	62
* <u>mü</u> 'wir' U	<u>biz</u>	<u>*<u>bi</u></u> <u>bida</u> , <u>ba</u>	<u>mün-ti</u>	57
* <u>nat₃</u> 'Schwägerin' U		<u>na<u>ɣa</u></u>	<u>*<u>l-<u>ɣi</u></u></u> <u>nā<u>li</u></u>	
* <u>hukse</u> 'Zobel' ?U, FU			<u>héke</u>	
* <u>on</u> 'jener' U	<u>o</u> , <u>ol</u>			
* <u>o<u>ɖa-</u></u> 'schlafen' FU	<u>*<u>u<u>di-</u></u></u>	<u>um<u>a</u></u>		21
* <u>pa<u>ɖ</u></u> 'Damm' FU	<u>ader-</u>	<u>adar</u>	<u>*<u>pada-</u></u>	
			<u>padaran</u>	
* <u>pä<u>te</u></u> 'Kopf' U	<u>be<u>ŋi</u></u>	<u>*<u>be<u>ŋi</u></u></u> <u>he<u>ki</u></u>	<u>fe<u>xi</u></u>	
* <u>perä</u> 'Hinterraum' FU			<u>*<u>pere</u></u>	
* <u>per₃</u> 'Haut' U			<u>ʔ<u>feri</u></u>	

1	2	3	4	5
* <u>pin</u> e 'Hasel <u>h</u> uhn' <u>U</u>			* <u>piŋki</u>	68
* <u>pinse-me</u> 'Lip <u>p</u> e' <u>U</u>			* <u>pemün</u>	
* <u>pire</u> 'Kreis' ?U, F <u>W</u>		* <u>pergi</u>		
* <u>poj</u> 3 'Es <u>p</u> e' <u>U</u>		? <u>puli</u>	? <u>pula</u>	
* <u>puna</u> 'Ha <u>er</u> ' F <u>U</u>		* <u>pünege</u>	* <u>püheke</u>	31
* <u>pura</u> 'Bo <u>hr</u> er' <u>U</u>	<u>bur-</u>	<u>burui-</u>		
* <u>puwe</u> 'Ba <u>um</u> ' <u>U</u>		* <u>poi</u>	* <u>piya</u>	
* <u>puw</u> 3 - 'blas <u>e</u> n' <u>U</u>	<u>ür-</u>	* <u>pülige-</u>	* <u>püw</u>	
* <u>puw</u> 3 - 'erst <u>ic</u> ken' F <u>U</u>	* <u>boŋ-</u> , <u>ba</u>	* <u>bon-</u> , <u>monŋgo,</u> ? <u>pukun</u>	* <u>bay-</u> <u>monŋgo,</u> ? <u>pukun</u>	
* <u>sala</u> 'Die <u>b</u> ' <u>U</u>			<u>sirü</u>	
* <u>sukse</u> 'Schne <u>e</u> schuh' <u>U</u>			* <u>süksi</u>	32
* <u>səŋ</u> č3 (-l <u>a</u> F <u>U</u>) 'Eidech <u>s</u> e' <u>U</u>			* <u>sisel-e</u>	

*'sarna 'Zauberspruch' FU	sarin			5
*'sarta 'Elentier' U	sartak	?sarluy		6
*'sawe 'Lehm'		siba-		
*'sil'ke 'Speichel' FU		silükei	*'silekse	66
*'sola 'Darm' FU			*silu- <u>hta</u>	24
*'ta 'der hier' ?U, FU		daɣa-	*daga-	
*'tar3-k3 'Kranich' FU	turna	toɣuriɣun		
*'tä (≈ *te ≈ *ti) 'dieser' U	*te- ≈ *ti			
	tigi	tere	*ta	45
*'täje 'Laus' FU			*tikte	47
*'teke- 'tun' FU		tege-		
*'tewä 'Elentier' U	tebe	teme- <u>gen</u>		53
*'tijä 'eng' U			*tijē	60
*'tine 'Stammende' FU	*tön-	tüنگke		67
*'to 'jener' U	см. под словом *tä 'dieser' U			23

1	2	3	4	5
* <u>tule</u> 'Feuer' <u>U</u>			<u>tawá</u>	(ср. 33)
* <u>tulka</u> 'Feder' <u>U</u>	<u>?tü</u>			
* <u>tuna-</u> 'lernen' <u>U</u>	<u>tani-</u>			38
* <u>tunke-</u> 'drängen' <u>FU</u>	<u>tir-</u>	* <u>tir</u> ∞ <u>tü.</u> ∞ <u>tüq</u> <u>čigji</u> * <u>ti</u>	* <u>tüq</u>	
* <u>tü</u> 'du' <u>U</u>		см. под словом	* <u>tü</u> 'du' <u>U</u>	62
* <u>tü</u> 'ihr' <u>U</u>			* <u>uju-</u>	35
* <u>uje-</u> 'schwimmen' <u>U</u>				
* <u>ul3</u> (-j3) 'viel' <u>U</u>	<u>?uluɣ</u>	<u>?olan</u>		
* <u>war3</u> 'Krähe' <u>U</u>		<u>?keriye</u>		
* <u>wäke</u> 'Kraft' ??U, <u>FU</u>	<u>bek</u>	<u>beki</u>		
* <u>woje</u> 'Fett' <u>FU</u>	* <u>bai</u>			
* <u>wole-</u> 'sein' <u>FU</u>	<u>bol-</u>	<u>bol-</u>		
* <u>wonke,</u> <u>wonka</u> 'Grube' <u>U</u>	* <u>ona</u>	<u>onɣo</u>		
* <u>wun3-</u> 'vergessen werden' <u>U</u>	<u>?unit-</u>	<u>?umarta-</u>	* <u>omɣo-</u>	

* Знаком, плюс отмечено наличие в соответствующих языках продолжений данных реконструируемых слов (показателей); в 5-й графе указан порядковый номер этимологии Коллиндера.

ков возрастает количество случайных совпадений, ведь отдельные урало-алтайские этимологические соответствия зарегистрированы лишь в незначительной части языков – представителей обеих языковых семей.

Среди выявленных в Словаре этимологий есть такие, которые заслуживают специального упоминания. Повторяем, что авторы Словаря не хотели осветить свою позицию по вопросам генетического родства между уральской языковой семьей и другими языковыми семьями, поэтому лексические данные, почерпнутые из других языковых семей, представлены с пометкой "Vgl." (vergleiche – 'сравни'). Для облегчения ориентации мы приводим сведения о возможных сопоставлениях у Коллиндера. В качестве предварительного пояснения к таблице добавим, что выделенные двумя чертами и пометками U и FU реконструированные уральские и финно-угорские праязыковые формы указывают на убедительность этимологии, а одной чертой – сомнительность этимологии внутри уральской или финно-угорской языковой семьи.

По мнению А. Рона-Таша, нельзя считать правильными следующие этимологии Коллиндера (в скобках указан порядковый номер): FU *kal3/Tü. *kal- 'Häutchen' (3), FU *pal3/Tg. *palga 'Wohnplatz' (4), U *taj(3)-/A *daj- 'biegen' (7), U *taka/A *daga- 'das Hintere' (8), U *pal3/A *pul3? '(zu) viel' (10), U *kan3/A *kyn3 'Bucht' (12), U *loka/Mo. *noka 'Fuchs' (16), U *poča/Tg. *boč- 'Tier von der Hirschgattung' (17), FU *porra-?/Tg. *por(r)- 'sich drehen' (18), FU *sona/A *čana? 'Schlitten?' (20), U *son3-/A *sun- 'eintreten' (25), FU *koj3/A *kuj-? 'Motte' (26), U *kojw3/Mo. ku-, Tg. kiw3 'Birke' (27), FU *korm3-/Mo. *gurm3 'drei' (29), U *kuma/Tg. *kum3 'umgestülpt' (30), U *tul3/A *dule(-)? 'Feuer' (33), U *tul3-, *tul3-/A *tul- 'eintreten' (34), FU *ura/Tü. *ur- 'Mann' (36), U *tyn3/A *tan3 'Schnauze' (41), U *äčä/Tü. *äčä 'Vater' (42), U *kälewe/A *käli(w)-? 'Schwägerin' (43), FU *näke-/A *näke-? 'sehen' (44), U *äjmä/Tg. *im- 'Nadel' (46), U *pele-/Tg. *pel- 'fürchten' (51), FU *seve-/Tg. *se- 'essen' (52), U *elä-/Mo. *ülü 'not' (54), U *mi/Tu. *mi? 'was' (58); FU *külä/A *külä 'Wohnung' (65), U *sü3/Tg. *sele-? 'Herz' (69). Кроме того, в приведенном Коллиндером списке этимологий указаны одно финно-пермское (№ 11) и два финно-волжских (№ 13, 15) слова из семьи уральских (финно-угорских) языков, но поскольку из материалов Этимологического словаря уральских языков нами приняты во внимание только уральский и финно-угорский слои, то на этих трех этимологиях мы не будем останавливать внимание. Что касается слов FU *šinjere/Tg. *šinere 'Maus' (№ 59), то, как считает А. Рона-Таш, здесь речь идет или о слове, заимствованном финно-угорским языком-основой из алтайского языка-основы, или наоборот.

Мы не располагаем достаточным фактическим материалом как по истории уральских, так и по истории алтайских языков. Об их род-

стве нет единого мнения. С учетом всего сказанного не кажется столь удивительным, что специалисты, исследующие урало-алтайские этимологии, не опираются на объективные критерии истории языков. Эти этимологии скорее всего отражают весьма субъективные предположения авторов: в приведенной выше таблице есть всего 35 таких этимологий, которые можно найти в работах как уралиста Коллиндера, так и алтаиста Рона-Таша. Лишь эти 35 этимологий можно предложить для определенной научной трактовки. Но их еще слишком мало для построения доказательства фонетических соответствий¹⁰. Кроме того, надежность этих 35-ти этимологий также сомнительна, например, чтобы принять этимологию Коллиндера FU *palɣz /Tg. *palga 'Wohnplatz' (№ 4), по мнению Рона-Таша, нужно сделать восемь (!) допущений¹¹. А ведь эта этимология на первый взгляд кажется безукоризненной, тогда как в иных случаях воодушевленный исследователь "подчищает" данные: этимологии FU *kõrmõ ?/Mo. *gurmɔ'drei' (№ 29), как было признано самим Коллиндером¹², в слове финно-угорского языка-основы вместо *r должно быть *l. Возникает законный вопрос: если тщательно и глубоко проанализировать 35 урало-алтайских этимологий, о скольких из них выяснится, что они "хромают"?

Ученые, в частности Д. Шинор¹³, указали на вероятное родство целого ряда уральских и алтайских морфем. Фонетически более или менее сходные и подобные по функции морфологические элементы можно обнаружить и при сравнении других языковых семей. Оценка таких "соответствий" опять-таки возможна только через изучение функций и с учетом истории вокализма и консонантизма языков. Однако именно Шинор отказался от реконструкции, требующей знаний по истории языка: он предпочитает сравнивать настоящие суффиксы с настоящими суффиксами и не намерен привлечением гипотетических типов увеличивать связанный с сопоставлением риск¹⁴. На то, что исследователи морфологических соответствий в самодийских и енисейских языках из-за отсутствия исторических и дескриптивных знаний¹⁵ идут по ложному пути, указал А. Кюннал¹⁵. Немало урало-алтайских синтаксических совпадений накопил Фокош-Фукс. Нам представляется, однако, что эти совпадения нельзя считать убедительно доказанными, поскольку уральские, так же как и алтайские, языки являются агглютинирующими и их родство в морфологическом аспекте само по себе имплицитно синтаксическое подобие.

По нашему мнению, при исследовании урало-алтайского языкового родства необходим строгий критический подход. Обогащение сведений об отдельных языках и языковых группах, вероятно, поможет отделить вторичные сходства от тех, которые могли быть "свидетелями" древних связей. Однако какие это были связи? Фактический материал, не отсеянный через сито критики, будет по существу настолько узким, что, реально подходя к проблеме, можно рассчитывать сугубо на ареальные связи, сложившиеся (затем утраченные и восстановившиеся вновь) в далеком прошлом. Кстати, такую интерпретацию позволяют сделать и противоречивые суждения, отраженные в проведенных исследованиях. Языки, оказавшиеся в прямом или косвенном контакте друг с другом, обогатили словарный фонд друг друга, оказали вли-

яние на грамматические системы друг друга, и именно в этом смысле справедливо представление Р. Аустерлица о полигенезе языков¹⁶.

Думается, что до тех пор, пока нельзя будет сказать нечто принципиально новое о генетическом родстве уральских и алтайских языков, надо обогащать знания, в частности, о мордовско-марийском языковом единстве, что поможет раскрытию процессов истории языка от уральской эпохи до финно-угорской и особенно решению проблемы общего происхождения алтайских языков. Мы не хотим этим сказать о бессмысленности работы над проблемой родства уральских и алтайских языков. Суть наших рассуждений сводится к тому, что преждевременно было бы на основе тех сведений, которыми мы располагаем сегодня, считать это родство фактом или даже вероятной гипотезой, а особенно говорить о степенях родства евроазиатских языковых семей, как это сделал Менгес¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962, S.7.

² Wickman B. Die Verwandtschaft des Finnougri-schen mit anderen Sprachen. - UAJb, 1969, N 41, S.310-316.

³ Wickman B. Die Verwandtschaft..., S. 310.

⁴ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981, с. 30.

⁵ Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Uppsala, 1965.

⁶ Collinder B. La parenté linguistique et le calcul des probabilité. Uppsala, 1947, p. 24.

⁷ Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? S. 115.

⁸ Veenker W. Verwandtschaft zwischen dem Finnougrischen und entfernten Sprachgruppen? - UAJb, 1969, N 41, S. 360-371.

⁹ Collinder B. Hat das Uralische Verwandte?

¹⁰ Cp.: Aalto P. Uralisch und Altaisch. - UAJb, 1969, N 41, S. 323-334.

¹¹ Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков). - ВЯ, 1974, № 2, с. 43.

¹² Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960, p. 411.

¹³ См.: Sinor D. Tanulmányok. Nyelvtudományi Értekezések 110 cz. Budapest, 1982.

14 Sinor D. Tanulmányok, S. 55.

15 Кюннап А. К вопросу о некоторых гипотетических самодийско-енисейских морфологических соответствиях. - Tartu Riikliku ülikooli toimetised, Tartu, 1978, N 455, S. 27-33.

16 Austerlitz R. On Comparison Language Families. - EFOu, 1978-1979, N 15, p. 45-54.

17 Menges K.H. Some Opinions. - Tartu Riikliku ülikooli toimetised, Tartu, 1978, N 455, S. 139-141.

Г.Е. Корнилов

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ УРАЛО-АЛТАИСТИКИ

В научной литературе достаточно подробно описаны как методы-приемы, так и успехи индоевропейского, картвельского, афразийского, дравидийского, урало-алтайского сравнительно-исторического языкознания. Наиболее полно результаты исследований многих поколений ученых-компаративистов рассмотрены в известной работе В.М. Иллича-Свитыча¹. В ней всесторонне проанализированы такие возможности сравнительно-исторического метода. Мы согласны с мнением Н.Д. Андреева и О.П. Суника о том, что "для установления родства между языками необходимо учитывать их лексическое богатство полностью"², и считаем существеннейшим упущением сравнительно-исторического языкознания вообще и урало-алтаистики в частности невнимание к звукоподражательным основам и их компонентам, т.е. к имитативике и идеофонике³.

В данной статье мы стремились показать ошибочность чрезвычайно распространенного мнения о якобы "ненадежности в сопоставлениях генетического характера так называемых символических основ"⁴, ревизовать учение Н.И. Ашмарина о мимемах⁵, показать отымитативное происхождение корней и основ, считающихся в этимологических словарях непроезжими или темными⁶. В свете указанного выше требования Н.Д. Андреева и О.П. Суника учитывать лексическое богатство сравниваемых языков полностью (все разряды лексики без исключения), а также с учетом полученных нами результатов при исследовании лексических параллелей новым аспектом подготовки исходных данных для решения проблем урало-алтаистики должно стать создание максимально полных словарей имитативов по каждому урало-алтайскому языку. Специально изданная книга Н.Б. Киле⁷ должна рассматриваться как начало работы в данном направлении.

Другой, давно назревшей для исследователей задачей является определение объема и характера лексических и грамматических параллелей каждого отдельно взятого урало-алтайского языка с другими урало-алтайскими языками. Последняя книга Е.А. Хелимского в этом плане дает представление об одном из возможных путей научного поиска. Это же направление представлено частично в известной монографии З. Гомбоца⁹ и в некоторых наших публикациях¹⁰.

Новые задачи подготовки исходных данных, в особенности первая, выдвигают некоторые дополнительные требования к сложившимся приемам интерпретации. Дело в том, что, стремясь в первую очередь к выяснению конкретных моментов языковых и этнических контактов, имевших место в прошлом, компаративисты предпочитают сближать и всесторонне рассматривать только цельнооформленные слова, несущие максимально возможную совокупность признаков принадлежности конкретному национальному языку. При этом их интересует главным образом история конкретных языков и народов, поэтому избирательный подход представляется им наиболее целесообразным и продуктивным. Однако считать его оправданным не позволяют по крайней мере два важных момента: 1) история конкретного языка в ретроспективе предельна, и даже последние пять-десять тысячелетий представляют ничтожный отрезок по сравнению со всем периодом эволюции человека и развития его речи вообще; 2) каждое слово имеет свое индивидуальное время возникновения и пережило свою индивидуальную историю функционирования и распространения, поэтому реконструкция архетипов для всех современных слов отдельного языка или семьи языков в единый хронологический срез так называемого праязыка или предialeктов является антиисторичной.

Нам представляются до некоторой степени наивными упорные поиски для сравнения в пределах постулированной микро- или макро-семьи цельнооформленных лексем с одним и тем же лексико-грамматическим значением. В связи с этим приведем слова Н.Д. Андреева и О.П. Суника о том, что "при сравнительно-историческом изучении лексики важны не только прямые соответствия (рука — рука, нога — нога и т.п.), но и этимологические связи, семантические гнезда, словообразовательные модели исследуемых слов"¹¹. Видимо, не следует путать обязательность понятий, общих для всех людей, с возможностью-невозможностью слов, "общих для всех людей"¹².

К проведенному нами анализу имитативов с успехом может быть отнесено высказывание Н.Д. Андреева, О.П. Суника о том, что "древнейшие лексические (корневые) единицы были тождественными, и это корневое родство остается неубывающим, несмотря на все позднейшие фонетические дивергенции и последующие семантические сдвиги"¹³.

С точки зрения разрабатываемой нами теории имитативов все исконные производящие корни древнейших слоев лексики всех урало-алтайских и других языков представляют собой не лексические единицы, не слова, а имитативы, подражания, единицы качественно иного состояния языка/речи.

Если на современном, постымитативном, этапе развития челове-

ческого языка/человеческой речи слово состоит из морфем, смысло-различительную функцию в которых выполняют фонемы и их аллофоны, то в предшествующую, имитативную, эпоху слово отсутствовало как таковое вообще. Сохранившиеся от тех далеких времен в составе производящих корней слов единицы представляли собой предикативно-атрибутивные синтагмы, функционально равнозначные современному предложению. Эти синтагмы составлены не из звуков-фонем со смысло-различительной функцией, а из звуков-идеофонов с функциями смысловыражения (в современном языке эту функцию выражают слова).

Таким образом, идеофон количественно равен современному звуку-фонеме, но функционально равен современному слову, в то же время состоящий из идеофонов имитатив количественно равен современному слову, но функционально равен современному предложению. Мы вынуждены это подчеркнуть, поскольку считаем данное положение главным итогом наших теоретических и практических изысканий, а кроме того, даже в последних публикациях термины идеофон, звуко-подражание, звукоподражательное слово и т.п. употребляются иногда как равнозначные, что провоцирует поверхностный подход и механический анализ очень непростых лингвистических объектов и структур¹⁴.

Ретроспективный выход за хронологические пределы новых языков современных народностей и наций должен иметь целью не бесконечное реконструирование архетипов инвентаризованных на сегодня лексико-грамматических единиц, а восстановление (уже всюду давно пройденного) качественно иного состояния человеческого языка/человеческой речи вообще.

О том, какие перспективы для этимологии и т.д. открывает теория имитативов, может свидетельствовать критическое рассмотрение результатов исследований урало-алтаистов и ностратистов. Например, в 1-м томе упомянутого обобщающего труда В.М. Иллича-Свитыча под № 200 даны параллели ностратического qErdA 'грудь, сердце': картвел. $m\text{-qerd}$ -'грудь' и и.-е. kerd 'сердце'. Урало-алтайские и дравидийские параллели отсутствуют, относительно значений сделано замечание: «Производный характер картв. основы предполагает, по-видимому, исходную семантику "внутренность грудной клетки" (откуда в и.-е. "сердце")...»¹⁵ Но столь отвлеченное понятие, как "внутренность грудной клетки", вряд ли годится в качестве исходного значения, ведь первобытное мышление отличали конкретность и образность. Отсутствие заиндоевропейских и закартвельских параллелей объясняется исключительно тем обстоятельством, что в качестве параллелей-соответствий изыскивались основы лишь с предметным значением по упомянутому выше принципу "рука – рука, нога – нога". В результате этого межтюркские и урало-алтайские параллели чувашского имитатива карт-'дёрг – о веревочке и т.д., стук – об однократном сокращении сердечной мышцы, об ударе пульса и т.д.' остались за пределами "Опыта сравнения...", и статья qErdA оказалась не помеченной принятым сокращением "дескрипт." В этом же томе не указан отымитативный характер ностратического qar'a 'закрывать,

покрывать¹⁶, несмотря на избыточные по языкам и диалектам аллоформы типа рус. хап-, хоп-; чуваш. кап-, коп-, хоп-, хуп-. Упоминания заслуживает и статья № 291 из следующего тома рассматриваемого словаря¹⁷. Здесь содержится сравнение сем.-хамит. *mlg* 'грудь, вымя, сосать' ∼ и.-е. *melĝ-* 'доить' ∼ урал. *mäl ġe* 'грудь, грудная клетка'. Автор не только не подозревает "дескриптивный" характер образований, но и уводит читателя по явно неправильному пути, заявляя, что «сближение приемлемо, если исходна семантика "вымя, женская грудь", представленная в с.-х.; в урал. перенос в направлении "грудная клетка". В и.-е., вероятно, семантическое развитие "грудь, вымя" → "доить"...». Вопреки мнению автора Словаря, соответствующая основа представлена не только в уральских, семитских, индоевропейских, но и в алтайских, в частности в тюркских, параллелях чувашского *мӑл-* 'движение губами при сосании', имеющего производное *мӑлк-* 'однократное движение губами при сосании с плавным началом и четким завершением'. Развитие значений здесь шло от исходной символизации сосания как главного и основного способа получения молока из вымени самки или груди женщины к осмыслению имитатива в качестве имени действия. Синтагматика последнего привела к глагольной парадигматике; осложнение словообразования неминуемо дает причастие со значением объекта обладания, а следовательно, и именные значения "вымя, грудь", самое позднее переосмысление — "грудная клетка".

Таким образом, если привлекать последовательно только чувашский материал, то оказывается возможным установить отымитативный характер значительного числа реконструированных В.М. Илличем-Свитычем ностратических основ-архетипов. Это число существенно увеличится, если в данных целях привлечь все богатство тюркской и финно-угорской речи, данные всех живых и мертвых языков. Ностратика должна быть всесторонне согласована с имитативикой, но последнее невозможно, если допускать взгляд, согласно которому "ностратический праязык" мог и не быть отымитативным в своей основе или по своему происхождению.

Окончательные (корневые) этимологии любых параллелей, как мы считаем, должны сводиться к установлению структурного и семантического тождества производящей основы с тем живым или погашенным имитативом, который первоначально образован не сочетанием фонем со смысловыразительными свойствами, а сочетанием идеофонов со смысловыразительными свойствами. На это указывает, в частности, критический разбор целого ряда предложенных этимологий. В качестве примера рассмотрим статьи на -кот: кодзувкот 'муравей' и котыр 'гнездо (растений, ягод и т.п.), выводок (птиц)...' из Словаря В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева¹⁸, представляющие собой типичный тупик, в который попадают компаративисты без учета положений теории имитативов. Указав два диалектных варианта для литературного коми слова -кот: кодзувкот 'муравей', авторы восстанавливают для общекомийской эпохи **kōt* или **kōd* 'муравей', а затем, приведя сопоставление Итконена с марийск. кутко [*ku'tkǎ*] и др., эрз. коткодав, лив. *kukki*, саам. *got'kǎ*, восстанавливают доперм. **kʷtkǝ-*

'муравей'. Этот архетип представляет собой последовательность трех наиболее употребительных в инвентаризованных параллелях согласных и целиком опирается на марийский вариант, отличаясь от него лишь неопределенностью гласных (последнее чрезвычайно удобно: любые национальные гласные по существу легко возвести к гласным неопределенного качества и вывести из них). В результате этимологическая статья со всеми необходимыми атрибутами есть, но никакой этимологии, никакого реального проникновения ни в структуру имени, ни в реальную предысторию нет.

Видимо, следует выйти за пределы уральских и алтайских языков, обратить внимание на чуваш. кăткă (кѳткѳ, кѳткѳ), которое В.Г. Егоров вслед за Доннером считал заимствованным из марийского языка: марийск. кутко (горн. кыткы), саам. котка, эрз. коткодав, лопар. котка 'муравей'. Но дело в том, что чуваш. кăткă представляет собой совершенно прозрачное имя на -ă от транзитива кăтка- 'путать, перепутывать, мешать, перемешивать и т.п.', от которого известны: рефлексив кăт-ка-н- 'запутываться, перепутываться, перемешиваться и т.д.', погашенные причастия настоящего времени кăтăра, кăтра 'кудри; кудрявый', качественное имя кăткăс 'сложный, запутанный, перепутанный; витый, перевитый; неровный – о дороге и т.д.' Таким образом, чуваш. кăткă 'муравей' буквально означает 'заваруха, каша, мешанина' (ср. суффиксацию в алт. потка, потко, поткы 'каша' от имитатива пот-, имитирующего кипение загустевающей каши с извержением пара и выбрызгиванием массы, родственного чуваш. пăт-:пăтă 'каша', пăт-:пăтрат- 'путать, мутить, месить и т.п.', пăтри:ыраш пăтри 'пескарь', букв. 'ржаная заваруха').

Консонантная основа кăткă 'муравей' и других производных восходит к имитативу кт-, который обнаруживается в словах типа чуваш. кăтăлка- 'быть в волнении, в смятении, кудахтать', кăткăтăк 'куд-кудах', кăтăк 'шекот, шекотка, провоцирование волнения, смятения, кудахтания', кăтăкла- 'шекотать, заставлять кудахтать, издавать звуки отрывистого смеха при определенном физиологическом состоянии', кăтăр- 'бесноваться, дурить; бессмысленно суетиться, кричать, орать; действовать, не сообразуясь с требованиями разума и норм поведения; бушевать, местись, вихриться – о воздушных массах, водной стихии и т.п.' Здесь же в качестве сравнения могут быть приведены кăт-:кăтăр-, кѳт-:кѳтѳр- и т.д., имитирующие зрительно-слуховой эффект от трения при движениях по шероховатой или кудрявой, волнистой поверхности. В чувашском языке регистрируется более трех десятков производных именных и глагольных образований на базе кт-.

К аналогичному же имитативу восходят и финно-угорские параллели коми котыр 'гнездо (растений, ягод и т.п.); выводок (птиц); родственная группа лиц; группа, кружок, стая, стадо; куча; куст и т.п.', представленные в рассматриваемом Словаре в качестве гетерогенных образований особой статьей (ср. также чуваш. кăтăрка 'дерево с шишковатой, неровной корой' и славянские параллели кудерь 'локон', кудри, кучери).

Через ступень чуваш. имени кăтăк 'шекотка' (ср. кăтăкла- 'шекотать') этимологические связи тянутся не только к другим тюркским

(татар. кытык, узбек. китик, уйгур. кидик, азерб. гыдыг, туркмен. гыжык, алт. кычик), но даже к картвельским языкам (ср. груз. ṗiṭin-, мегр. xicin-, чан. xiṭin- 'шекотать' и др.).

Имеются в рассматриваемом Словаре статьи, в которых представлены примеры одновременно из нескольких, а иногда и из большинства урало-алтайских языков. Но и в этих случаях формальная реконструкция архетипа не сопровождается реконструкцией значения и осмыслением природы производящей части — корня. Типичный пример — статья на коми кõй 'мелкий, белый, твердый червяк (в мясе)', которое сравнивается с удмурт. кей, кõй 'моль' и возводится к общепермскому архетипу *kɛj 'червяк'. Далее здесь дается сопоставление этого слова (по Тойвонену) с марийск. кийэ, эрз. ки, фин. koí, манси kiĵ, kɛi 'моль' и (по Коллиндеру) с тюрк. (М. Кашгарский) küjü, тунгус. kujakta 'моль' и т.д., а также прафинно-угорский архетип последнего *kojz, без комментирования как значения, так и структуры.

Воздерживаясь по понятным причинам от восстановления формального урало-алтайского архетипа, мы, тем не менее, считаем совершенно необходимым указать, что он не мог не включать исходный комплекс идеофонов *квй-, ср. чуваш. кёве, кирг. күбө, азерб. күвә, тур. гүве и т.д. 'моль', т.е. базой имени мог быть и был имитатив, обнаруживаемый, например, в чувашских: рефлексиве кёвел- 'скиснуть, скваситься, створожиться; заплесневеть и т.д.', транзитиве кёвер- 'заквашивать' (В.Г. Егоров указал якут. көйөрүө 'закваска'), имени кёвелёк 'закваска для ряженки, варенца и т.п.'. Мы можем указать на однокоренные-отымитативные картвельские (груз. qwel-, чан. (.q) wəl-, kwəl- и т.д. 'сыр'), славянские и индоевропейские образования на базе *кв- (рус. цвет, шести, цветень из *квѣтъ, *квѣтти, *квѣтень), т.е. вывести сюжет на ностратический уровень, но ограничимся урало-алтайскими рамками. В качестве семантической аналогии укажем на значения чуваш. шарка 'зародыши различных насекомых, гнида; цветень, пыльца, завязи (злаковых); плесень, белые грибки на пиве, квасе и других жидкостях'. Тюркские параллели этого слова в большинстве своем означают 'гнида', но кумык. сирке, персид. серкә 'уксус'. Ср. также венгер. csíra 'росток, зародыш, зачаток, побег, семядоля; корень, начало', сравниваемое с манси t'š'ürki · t- 'пускать ростки, прорастать (о растениях), происходить (от кого-чего-л.)', š'ðrk, š'ürk, š'irk, š'irkä 'зародыш, побег, росток и т.п.'. М. Рясянен значения 'вошь, гнида; плесень на жидкости' рассмотрел отдельно от 'уксус', приведя монгол. сирке 'красная вошь', тунгус. (олча) сура 'блоха', мордов. с'арко, марийск. шаргенче 'гнида', попутно указав на заимствование венгер. serke 'гнида' из чувашского.

И в названии моли, и в названии гниды повторяется символизация-имитация закисания, зацветания, откуда уже переносное значение зачатия. В свою очередь, только зачатое, завязавшееся, росток, зародыш и т.п. нерасторжимо связаны с идеей чего-то маленького, мелкого, незначительного, с идеей моли в разных значениях и смыслах.

Впечатление законченной этимологии и полной ясности может быть достигнуто только в том случае, если удастся производящий корень возвести к имитативу, компоненты которого представляют собой имевшие самостоятельное значение древние идеофоны.

В заключение отметим, что теория имитативов как наука не противопоставляется традиционному сравнительно-историческому языкознанию и не призвана заменить его. Имитативика как минимум может дополнить компаративистику, по возможности четко поделив с ней объекты исследования. Хронологически имитативнику интересуют этап, предшествующий тому, в рамках которого обычно сосредоточены основные темы и сюжеты компаративистики. Материально имитативнику интересуют главным образом первичный корень слова и живой имитативный фонд, в то время как компаративистику интересуют в первую очередь историческое словообразование и словоизменение, т.е. суффиксы, префиксы, флексии, основы, слова-антиимитативы (в той или иной степени погашенные имитативы в качестве слов) в совокупности их исторических значений и функций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976.

² Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения. - ВЯ, 1982, № 2, с. 34.

³ См.: Корнилов Г.Е. К теории имитативов I - V. - ДТП, 1977-1981, вып. 5-9. Положительную оценку данного исследования см.: Добродомов И.Г., Романова Г.Я. Теория имитативов и сравнительно-историческое языкознание. - ДТП, 1979, вып. 7; Тенишев Э.Р. Новое исследование по теории имитативов. - ДТП, 1980, вып. 8; Ахметьянов Р.Г. По поводу теории имитативов. - ДТП, 1981, вып. 9; Баскаков Н.А. Рецензия на: Г.Е. Корнилов. Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов I-IV). - Сов. тюрпология, 1981, № 3, с. 97-99.

⁴ Климов Г.А. Об этимологической методике Карла Боуды (на материале кавказских языков). - В кн.: Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 271.

⁵ Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии. Казань, 1918; Он же, Подражание в языках Среднего Поволжья. - Изв. Азерб. ун-та, 1925. Сер. обществ. наук, вып. 1 - 4; Он же: Немецкое Schlan-ge в свете урало-алтайских подражательных образований. - Науч.-пед. сборник Вост. пед. ин-та в Казани, 1928, вып. 4. Он же: О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928; Он же. К вопросу о происхождении латинского названия свинца. Мимологический этюд. - Науч.-пед. сборник Вост.пед.ин-та в Казани, 1930, вып. 5.

- 6 См.: Корнилов Г.Е. Теория имитативов, ностратика и тюркология. – В кн.: Языкознание. (Тезисы докладов и сообщений третьей Всесоюзной тюркологической конференции). Ташкент, 1980; Он же. Некоторые итоги сравнительно-исторического изучения венгерско-пермско-булгаро-чувашических лексических параллелей. – СФУ, 1981, XVII, № 3; Он же. О гомогенных явлениях в венгерском и чувашском языках. – СФУ, 1982, XVIII, № 1.
- 7 Киле Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.
- 8 Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
- 9 Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – MSFOu, Helsinki, 1912, XXX.
- 10 Корнилов Г.Е. К определению объема и характера булгаро-чувашико-картвельских лексических параллелей. – В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 1. Чебоксары, 1972; Он же. Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера булгаро-чувашико-венгерских лексических параллелей. Чебоксары, 1973.
- 11 Андреев Н.Д., Суник О.Н. О проблеме родства..., с. 31.
- 12 Клоусон Дж. Лексико-статистическая оценка алтайской теории. – ВЯ, 1969, № 5; Дерфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема. – ВЯ, 1981, № 4.
- 13 Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства..., с. 35.
- 14 Журковский Б.В. Идеофоны в языке хауса. Автореф. канд. дис. М., 1969; Левицкий В.В. Звукосимволизм в лингвистике и психолингвистике. – Филос. науки, 1975, № 4; Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1981.
- 15 Иллич-Свитыч В.М. Опыт..., т. 1, с. 324.
- 16 Там же, с. 336.
- 17 Там же, т. 2, с. 57.
- 18 Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 135–136.

М.И. Черемисина

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Сложное предложение в алтайских языках Сибири изучается Отделом филологии ИИФиф СО АН СССР уже более пяти лет. С самого начала были намечены ближайшие и более отдаленные задачи работы.

К числу ближайших относились разработка теоретической концепции, которая позволила бы сопоставлять под заданным углом зрения разные языки, и накопление фактического материала, массива данных по языкам, намеченным к изучению. В первую очередь подлежали анализу алтайские языки¹.

Исследование было задумано как сопоставительно-типологическое. Поэтому, говоря "алтайские языки", мы подразумеваем именно типологическую общность и не входим в обсуждение проблемы генетического родства между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками (непосредственно изучались тувинский, алтайский, хакасский, бурятский, эвенкийский и маньчжурский). Важнейшими для нас структурными признаками алтайских языков как типологической общности мы считаем: 1) агглютинативный строй в его постфигирующем варианте; 2) подчинение словоформы действию цементирующего ее закона гармонии гласных; 3) падежную систему, включающую "казус индефинит", аккузатив и генитив; 4) категорию принадлежности, распространяющуюся на имена и на инфинитные формы глагола; 5) мноперсональное спряжение глаголов (при использовании в системе спряжения двух рядов личных показателей); 6) использование единой системы формальных средств для связывания слов в словосочетании и предложении и для соединения предикативных частей в строе сложного предложения.

При построении теоретической концепции исследования мы опирались на осмысление строя сложного предложения якутского языка, которое на широком тюркологическом фоне было дано Е.И. Убратовой. Поскольку ее монография вышла в 1976 г.², в число языков, намеченных к изучению, не были включены северные тюркские, якутский и долганский.

Разрабатывая программу комплектования выборки, мы стремились к тому, чтобы данные по разным языкам были сопоставимыми. Поэтому, независимо от расписывания примеров из разного рода текстов, которые заведомо не могут быть непосредственно сопоставимыми, мы разработали программу-вопросник в объеме около тысячи русских предложений-стимулов. Этот вопросник был предложен носителям изучаемых языков (мы опирались на их массовое двуязычие). В программе нашли отражение все те функциональные типы сложных предложений, которые удалось выявить по грамматическим описаниям русского и других языков. Заметим, что в готовом виде такой "описи" русских сложных предложений не оказалось.

Без такого рода экспериментальной методики сбора материала было бы немыслимо в обозримый срок собрать нашими малыми силами необходимый массив данных. В то же время мы стремились предусмотреть и предотвратить возможные опасности, связанные с экспериментом, в частности давление на информанта русского образца. С этой целью информантам давались специальные инструкции; но главной гарантией мы считали только статистическую надежность. Каждый функциональный тип был представлен в вопроснике не одной, а целым рядом (до 25) фраз, и каждая из них предлагалась не менее чем четырем информантам. На этом фоне совершенно явственно

обозначились типичные, бесспорные построения и построения окказиональные, требующие специальной проверки, редкие или неправильные.

Таким образом, стратегия исследования на этом этапе состояла в том, чтобы использовать русские фразы, семантика и функциональная интерпретация которых в синтаксической теории была известна в качестве "семантического языка". Тактика состояла в обращении к информантам с этими "мечеными фразами", которые подлежали не столько переводу, сколько интерпретации в родном языке информанта.

Следует добавить, что несколько позже в наш исследовательский коллектив вошли сами носители бурятского и тюркских языков, что в значительной мере сняло остроту опасений по поводу методики. Можно считать установленным, что "процент брака" в материалах, собранных этим способом, весьма невелик. Объем выборки, накопленный за пять лет, превышает 30 тыс. фраз, в это число входят фразы, выбранные из текстов, но они составляют никак не более четверти этого числа.

Анализируя этот материал, мы получили достаточно четкое представление о синтаксическом механизме алтайского гипотаксиса, т.е. о том, как строятся сложные предложения. В центре нашего внимания были сложноподчиненные предложения синтетического типа, составляющие ядро всей системы алтайского сложного предложения. Мы изучали, какие показатели связей используются, какие грамматические формы встречаются в роли сказуемых зависимой части, как выражается субъект зависимого действия, т.е. какие аффиксы лица принимает сказуемое, какую падежную форму принимает подлежащее зависимой части, при каких условиях оно может отсутствовать и т.д. Основные результаты этого этапа исследования отражены в серии публикаций Отдела филологии и в диссертационных работах³.

Главным теоретическим итогом проведенной работы был вывод о том, что во всех алтайских языках формально и содержательно противопоставлены друг другу два разных принципа, два разных механизма предикации. Один из этих механизмов используется в сфере простого предложения, а также в главной части сложноподчиненных предложений синтетического типа и в обеих частях сложных предложений аналитического типа – таких, где, как и в русском, связь частей выражается с помощью союзов, а сами части строятся по тому же принципу, по которому строятся и простые предложения. Существует точка зрения, согласно которой именно такой способ связи дает построениям алтайских языков право называться сложными предложениями⁴. Мы придерживаемся другого мнения. Нужно помнить о том, что в русском языке союзная связь противостоит бессоюзной как сильная, жесткая связь – слабой и рыхлой. Вопрос о том, следует ли считать бессоюзные сплеления предложений сложными предложениями по сей день в русистике остается дискуссионным⁵, в то время как союзные построения без оговорок признаются сложными. Но в алтайских языках, наоборот, между звеньями синтетических, т.е. не союзных конструкций, устанавливается очень сильная синтаксическая связь, которая, как и связь между словоформами в словосочетании и предложении, выражается морфологическими средствами. В.Г. Ад-

мони предложил называть эти конструкции "сложносаянными"⁶. Соединительная связь на фоне морфологической оказывается слабой и рыхлой. Е.И. Убрятова признает такие предложения в якутском языке сложными, но не видит отношений подчинения между их частями и оценивает их как сложносочиненные.

Второй механизм предикации используется алтайскими языками в зависимой части синтетических сложноподчиненных конструкций. Отличительные признаки этого механизма состоят в следующем: 1) в роли сказуемых используются здесь инфинитные формы глаголов: деепричастия, причастия в различных падежных формах, "косвенные наклонения" (условное, предельное) и т.п.; 2) эти инфинитные (неконечные) сказуемые получают специфическое личное оформление. Конечные сказуемые оформляются, как правило, так называемыми "лично-предикативными" показателями, восходящими к прямой форме личных местоимений; неконечные сказуемые — личными показателями, восходящими к притяжательным формам местоимений; 3) подлежащее зависимой части может принимать форму косвенных падежей, в частности родительного. Поскольку подлежащее простого предложения (в первой подсистеме предикации) в алтайских языках имеет форму "казус индефинит", генитивное оформление подлежащего зависимой части побуждает многих тюркологов и монголистов отказывать ей в статусе подлежащего, называя ее "субъектным именем" и т.п.⁸ Названные признаки могут проявляться как комплексно, так и порознь. Поэтому конкретные схемы зависимой предикации существенно варьируют от языка к языку и внутри одного языка. Например, в большинстве тюркских языков деепричастное зависимое сказуемое может сочетаться с собственным подлежащим всегда в прямом падеже; само деепричастие не принимает личных аффиксов. Однако в алтайском языке деепричастие на -ганча факультативно принимает личное оформление по тому же типу, что форма на -са и прошедшее категорическое на -ды; кел-генче-м, кел-генче-н и т.д.; в якутском деепричастные зависимые сказуемые спрягаются по типу конечных форм⁹. В бурятском языке многие деепричастия спрягаются по притяжательному типу, а подлежащее при них ставится обычно в родительном падеже; но некоторые деепричастия, например на -жа, не спрягаются, и подлежащее при них лишь в прямом падеже.

Очередной задачей нашего исследования становится изучение синтаксического механизма зависимой предикации во всем богатстве и разнообразии его реализаций в тувинском, алтайском, хакасском, бурятском и других изучаемых нами алтайских языках. Мы стремимся выявить различные структурные схемы зависимой предикации и соотнести их с разными функциональными типами сложных конструкций. От раздельного изучения структурных и функциональных типов сложных предложений мы переходим, таким образом, к исследованию корреляций между типами, выделяемыми по этим основаниям. Приступая к этому этапу исследования, мы приняли гипотезу о том, что в алтайских языках нам встретятся в принципе те же самые содержательные типы сложных предложений, которые известны в русском языке. На этом предположении была основана избранная нами мето-

дика сбора материала, и ход исследования в целом подтвердил эту гипотезу. Действительно, в любом из этих языков тем или иным формальным способом выражаются и общая временная соотнесенность событий (рус. "когда"), и специализированные временные отношения (рус. "после того, как; с тех пор как; как только..., сразу; не успел..., как; перед тем как; до того как; когда еще не..." и т.п.), и разные виды причинных отношений, и условные, и заместительные ("вместо того чтобы"), и сравнительные, и уступительные, и т.д. Однако по мере углубления в изучаемые языки наше внимание все более привлекают специфические оттенки смыслов алтайских конструкций, в свете чего исходная гипотеза требует некоторой корректировки.

Мы полагаем, что основные функциональные типы конструкций закладываются в языках на весьма ранних этапах их культурно-исторического развития, затем развитие систем сложного предложения идет по относительно единообразным программам. Подобно тому, как растение развивается по программе, единой для всего вида, синтаксическая система, предназначенная для фиксации и передачи отношений между событиями, развивается по относительно единым программам во всех языках, которые попадали в сферу нашего внимания. Но так же как нет двух тождественных растений огурца, смородины или банана, так нет и тождественных во всех деталях систем сложного предложения даже в очень близких, родственных языках. Сопоставление в этом плане близкородственных тюркских языков позволяет, как нам кажется, заглянуть в структурно-функциональную историю алтайского сложного предложения и увидеть то, чего не раскрывает пока длительная письменная история славянских и других европейских языков. Но это направление исследований нашей программой пока не предусматривается. Мы решаемся говорить лишь о том, что лежит "на поверхности".

Обращает на себя внимание тот факт, что простейший функциональный тип — конструкции общей временной соотнесенности — представлен в тюркских языках единообразными структурными формами простейших типов: с деепричастным сказуемым или с формой местного (реже дательного) падежа одного из основных, первичных причастий, например тюрк. — ган⁺да, — ар⁺да, бурят. ха⁺да. Временные конструкции, передающие предшествование (рус. "с тех пор как, после того как") в большинстве привлеченных к анализу языков устроены уже сложнее. В качестве сказуемого здесь выступает причастие прошедшего времени в исходном падеже в сопровождении послелога (например, тув. бээр, алт. бери и др.). В некоторых языках в этом значении еще можно использовать ту же форму исходного падежа без послелога, но такое употребление все более архаизируется. Зато эта самая форма исходного падежа, обычно уже с другим послелогом, но иногда и с тем же, используется в конструкциях с причинной семантикой. Ср. также причинную форму на —ган-дык-тан в киргизском, казахском и других языках. Это явный признак того, что в тюркских языках, как и в русском, причинное значение развивалось на базе временного; ср. рус. по-том, по-тому что. Осознание причинности как особого отношения, отличного от временного, мы свя-

зываем с расподоблением знаковых форм, выражающих эти отношения (например, с "обрастанием" падежной формы причастия разными послелогами).

Наблюдения, которые можно сделать над родственными тюркскими языками, интересно сопоставить с фактами типологически близких монгольских и тунгусских языков. Общность их оказывается несомненной и весьма значительной. Почти все структурные типы полипредикативных конструкций едины для всех алтайских языков.

Наша выборка изначально строилась по функциональному признаку, но поскольку мы стремились охватить все функциональные типы, постольку в собранных материалах должны были отразиться и все структурные типы сложных (полипредикативных) конструкций. Это позволило не только выявить и систематизировать структурные типы, но и поставить задачу теоретического осмысления содержательных отношений между ними, поскольку, с нашей точки зрения, формальная специфика в языках не случайна.

Говоря о функциональных типах конструкций, мы имели в виду синтаксические функции, соотносимые с понятиями о членах предложения. В частности, с функцией обстоятельства и с разными видами обстоятельств соотносятся разные виды обстоятельственных (или сирконстантных) придаточных: временные, причинные, условные, заместительные и многие другие.

Выделив этот (обстоятельственный, сирконстантный) тип придаточных, мы, естественно, должны противопоставить его другим типам соответствующего уровня абстракции. По аналогии с членами простого предложения следует ожидать существования еще трех типов: актантного (который должен включать в себя конструкции с предикативными подлежащими и дополнениями), атрибутивного (с предикативными определениями) и сказуемого. Последний тип отмечен пока только в эвенкийском языке; в тюркских и монгольских языках он пока не встречен. Два первых типа зафиксированы во всех изучаемых языках, и их содержательное и формальное своеобразие в настоящее время уже детально изучено. Исследование показало, что эти типы являются не только структурными, не только функциональными, но именно структурно-функциональными.

В описаниях русского синтаксиса все сложные предложения делятся на двучленные и одночленные. Основание этого деления — чисто структурное. Но на следующих этапах классификации двучленные сложноподчиненные предложения с функциональной точки зрения оказываются обстоятельственными, а одночленные обнаруживают довольно четкую функциональную аналогию со словосочетаниями, в составе которых зависимый компонент — или определение, или актант, т.е. дополнение или подлежащее. Однако в русском языке взаимосвязь структурных и функциональных характеристик гораздо менее наглядна, чем в алтайских языках; ее восприятию отчасти мешает и традиционный принцип описания сложного предложения, когда основное внимание нацелено на союз. Если синтаксическая связь оказывается не союзной, а какой-то иной, сопоставление типов сильно затрудняется, как в данном случае, поскольку оба "не сирконстантных"

типа сложноподчиненных предложений связаны с местоименным способом связи частей.

Обращаясь к примерам алтайских языков, отметим, что и здесь сложные предложения с актантной и атрибутивной зависимой предикативной частью оказываются одночленными. Связь этих функциональных и структурных характеристик инвариантна для языков разных систем. Однако ни союзы, ни местоимения в выражении этих отношений в алтайских языках не участвуют. Все три названных типа отношений выражаются морфологическими средствами (от некоторых возможностей использования других средств для выражения сходных отношений, например от конструкций со служебными формами глаголов говорения, мы сейчас сознательно отвлечемся). Существенно, что "сирконстантная подсистема" оказывается здесь, как и в русском языке, противопоставленной двум другим в чисто формальном аспекте.

Противопоставление актантных и сирконстантных конструкций ярче всего раскрывается на материале тюркских языков. Исследуя эти синтаксические механизмы, мы пришли к выводу, что в актантных конструкциях при построении предикативного узла зависимой части последовательно используется структурная схема изафетного сочетания. Изафетная схема имеет существенный общий признак со схемой предикативного узла, хотя изафет традиционно считается определительной, а не предикативной конструкцией. Этот общий признак, особенно наглядно предстающий в схеме "третьего тюркского изафета", состоит в двустороннем характере связи. Это серьезный аргумент против причисления тюркского изафета к подчинительным словосочетаниям. Первый член изафета — определяющее имя — может иметь форму неопределенного или родительного падежа; генитив, как считают многие тюркологи, выражает определенность; его аффикс функционально подобен артиклю¹⁰. Второй член изафета — определяемое имя — оформляется показателем принадлежности в соответствии с грамматическим лицом первого члена. Например: тув. мээн, ава+м — 'моя мать+моя', где мээн — р.п. местоимения "я" — притяжательное местоимение "мой"; ава-ң, нын, ад-ы — 'матери-твоей имя-ее' (имя твоей матери). При использовании этой схемы для организации предикативного узла первое имя выполняет функцию подлежащего — обладателя признака (откуда его генитивное оформление), а вторая форма выражает признак, который "принадлежит" субъекту. Он передается причастием. Отсюда притяжательное оформление такого зависимого сказуемого.

По нашим данным, генитивное оформление подлежащего в подобных предложениях в тюркских языках Сибири не является обязательным. В тувинском и алтайском языках прямой и родительный падежи встречаются примерно с одинаковой частотой: в хакасском, а также казахском и, видимо, в ряде других языков в литературной речи (текстах) генитив выступает как норма и насаждается школой. Но в непринужденной речи в каких-то случаях используется и неопределенный падеж. Природа этих отклонений заслуживает специального анализа.

В конструкциях сирконстантного типа генитивное оформление под-

лежащего в тюркских языках Сибири встречается исключительно редко, хотя здесь могут использоваться те же самые падежи и те же самые причастия, что в конструкциях с предикативными актантами; предикативный узел организуется по иному принципу, гораздо ближе к свободному предложению. Причастное сказуемое в таких конструкциях в тувинском и алтайском языках спрягается подобно формам на -ды и -са, а в хакасском (как и во многих других тюркских языках) личное оформление получает редко.

Если выйти за рамки тюркологии и соотнести эти формы с теми, которые мы видим в бурятском и эвенкийском, то можно сказать, что во всех языках эти причастные формы сближаются с деепричастными, происходит определенная "деепричастизация" падежно-причастных форм. Но хакасский язык последовательно ориентируется на тюркский (не сибирский) тип неспрягаемых деепричастий, тогда как тувинский и алтайский языки ориентированы на "сибирский", эвенкийско-бурятский, тип спрягаемых деепричастий. Можно также предположить, что сам этот "сибирский" тип воспроизводит какую-то древнюю модель, полнее всего представленную в эвенкийском языке (из тех языков, с которыми мы работали). В строе бурятского сложного предложения, точнее в строе зависимой предикации, мы находим много "эвенкийских" черт, резко отличающих бурятский от халха-монгольского (поэтому ясно, что бурятский не влиял, а испытывал влияние эвенкийского). К тому же выводу приходим, интерпретируя специфику тувинского и алтайского на фоне других тюркских, от которых эти два достаточно резко отклоняются в сторону "сибирского" типа. Но каково в этом плане место самого эвенкийского среди других тунгусских языков — этот вопрос еще предстоит серьезно исследовать. Вполне вероятно, что эвенкийский язык (вероятно, вместе с эвенским) может оказаться обособленным в своей семье. Тогда нужно будет искать другой источник, который мог оказать параллельное влияние на разные алтайские языки прибайкальского ареала.

Следующая ближайшая задача нашего коллектива связана с вовлечением в исследование уральских языков: угорских (хантыйского и мансийского) и самодийских. Пока началось знакомство лишь с нганасанским языком¹¹. Хочется надеяться, что в следующем пятилетии мы уже сможем привлечь данные этих языков к сопоставлению с алтайскими. Материалы исследований З.М. Дубровиной о полипредикативных конструкциях финского языка¹² позволяют предположить глубокие структурные и функциональные параллели с угорскими языками и обещают интересные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Черемисина М.И. О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем. — В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 3–18.

2 Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Кн. 1, 2. Новосибирск, 1976.

3 Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения, Новосибирск, 1970; Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980; Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980; Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения. Новосибирск, 1981; Структурно-функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982; Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983; и др.; диссертации: Скрибник Е.К. "Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка)", Ефремова Н.Н. "Временные сложноподчиненные предложения якутского языка" и др.

4 Подробнее о существующих точках зрения см.: Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 14-22.

5 См.: Русская грамматика. Т. 2. М., 1980, § 2759, с. 465; § 3157-3160, с. 634-636.

6 Адмони В.Г. Сложносоставные предложения в тюркских языках. - Сов. тюркология, 1982, № 3, с. 30-36.

7 Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., кн. 2.

8 См.: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962, с. 123.

9 Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 41-46.

10 Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. М., 1949; Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.-Л., 1957; Беглярбекова А.А. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова бир в современном азербайджанском языке. М., 1971.

11 Коваленко Н.Н. О некоторых особенностях функционирования нганасанского деепричастия с суффиксом -бу/-ху в составе зависимой части полипредикативного предложения. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 90-99; Она же. К вопросу об имени действия в нганасанском языке. - В кн.: Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981, с. 68-76.

12 Дубровина З.М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении. - В кн.: Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977, с. 34-74.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ В УРАЛО-АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследование видовременной системы в урало-алтайских языках в синхронном и диахроническом аспектах достигло заметных успехов: представлены описания глагольных категорий не только в отдельных языках, но и в группах языков, даже в целых языковых семьях; имеются реконструкции глагольных систем разной глубины и полноты. С учетом современных научных достижений все точнее выясняется содержательная сторона временных и аспектуальных показателей; особенно изучаются способы глагольного действия – достаточно автономная формальная и содержательная область глагольной системы.

Следует отметить, что в последние годы наряду с известными и многократно обсуждавшимися вариантами реконструкций в области глагола, предложенными в сравнительно-историческом финно-угорском языкознании, такие же разработки появились в алтайском языкознании, прежде всего в тюркологии. Можно указать по крайней мере на две законченные модели тюркского праязыкового состояния, представленные в исследованиях А.М. Щербака и Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой¹. Отдельные фрагменты тюркской глагольной системы затрагивались в работах целого ряда исследователей. Несомненны успехи и в других областях алтаистики. Все это создает реальную основу для критической оценки результатов сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков, поисков наиболее вероятных и оптимальных вариантов реконструкции, установления общих закономерностей и тенденций развития этих языков, а также общей типологии агглютинативных языков. Одновременно с этим повышается, естественно, интерес к вопросам методологии и методики изучения указанных языков.

При реконструкции форм времени в финно-угорском (уральском) языке-основе исследователи отмечают вероятность наличия в нем настоящего времени без специального показателя – это значение выражалось сочетанием основы глагола с личными формантами. Не только в истории языков этой семьи, но и в современных языках имеются безаффиксные, немаркированные формы настоящего времени. Б.А. Серебренников в качестве примеров языков такого типа называет финский, саамский (лапландский), ненецкий, венгерский, марийский, сюда же можно частично отнести и селькупский (в отдельных случаях наблюдается, правда, зависимость оформления словоформы от фонетического класса глагольной основы).

В тюркских языках восстанавливают праформу настоящего времени, образуемую специальным формантом, и обе упомянутые модели в этом

близки между собой, хотя Б.А. Серебренников в более ранних работах предполагал наличие в тюркском праязыке и неоформленного презентенса. Презентные формы тунгусо-маньчжурских языков также обязательно реконструируются с показателями для всех лиц спрягаемого глагола, однако в отдельных языках в данной парадигме показатели могут отсутствовать, например в солонском в 1-м и 2-м лице, в эвенском — во 2-м и 3-м лице. В этих языках также отмечается зависимость формообразования от фонетических классов основ (ср. удэгейский язык).

Таким образом, в финно-угорских и алтайских языках не только в их истории, но и в современном состоянии фиксируется возможность выражать значение настоящего времени с помощью неоформленной основы, нулевой формы. Укажем, что в некоторых других сибирских языках агглютинирующего строя (алеутский, нивхский, кетский) презентные времена не имеют специальных показателей; более того, в языках иных семей (например, в языках банту) отмечаются нулевые формы времен. По-видимому, такую грамматическую особенность можно связывать с агглютинативным строем всех указанных языков.

Агглютинативные урало-алтайские языки, видимо, принадлежат к языкам такого строя, где употребление грамматических показателей в формально-реляционных функциях сведено к минимуму, и в силу этого наличествующие в них морфемы являются преимущественно по своей сущности деривационными, т.е. содержательными, неформальными, семантически емкими. В этих показателях в абстрактно-обобщенном виде отражены и закреплены явления объективной действительности и связи, обнаруживаемые в ней. Высокий уровень содержательности и почти полное отсутствие формальных функций у морфем отразились в свойствах таких фундаментальных единиц языков этого типа, каковыми являются грамматические категории². В силу указанных причин присоединение любого показателя в таких языках должно быть семантически оправданным и необходимым в целях передачи соответствующей коммуникативной информации. В тех случаях, когда такая информация в высказывании не требует актуализации или восстанавливается из контекста и ситуации, соответствующий показатель может не употребляться. Поэтому в урало-алтайских и в некоторых иных восточных языках по-особому проявляется так называемая факультативность морфологических формантов, которая и должна описываться с учетом данной специфики³. Указанные черты грамматического строя урало-алтайских языков Г.П. Мельников определил как "принцип экономной аффиксации".

В свете сказанного становится понятным, что форма без показателя (основная) в ряду форм, образуемых материальными показателями, оказывается полноценным членом парадигмы, а отсутствие показателя становится значимым. Однако приходится предполагать, особенно в диахроническом аспекте рассмотрения, что семантическая интерпретация такой нулевой формы и в языковой системе (особенно если в языке целый ряд нулевых форм), и в отдельном коммуникативном акте должна в большей мере опираться на анализ смыслов, представленных в высказывании. Признание "принципа экономной аф-

фиксации" и высокой содержательности грамматических показателей. в урало-алтайских языках позволяет поддержать мнение К.Е. Майтинской о том, что при историческом подходе отсутствие специальных показателей некоторых категорий не обязательно связано с утратой этих формантов: "... эти формы могут рассматриваться как следы древнего немаркированного способа образования ... категории"⁴.

Не менее интересной и сложной предстает проблема соотношения нулевой формы слова и основной формы, стоящей вне парадигмы, вне категории и не имеющей поэтому значимого нуля (проблема одночленной грамматической категории)⁵. Если обратиться к содержательной стороне нулевых форм времени в урало-алтайских языках, то можно отметить, что так называемые формы настоящего времени оказываются по своей семантике значительно шире, чем просто выражение презенса: в них отмечается совмещение значения настоящего и будущего, настоящего и прошедшего, настоящего определенного и настоящего длительного, настоящего конкретного и вневременного. И видимо, не случайно такие формы получают определение либо вневременных, либо "всевременных", либо просто неопределенных. В некоторых работах они трактуются как видовременные формы, в которых одинаково значимо и временное и видовое содержание. В этом случае конкретное значение формы в контексте связывается с ситуацией, с семантикой самого глагола, который отражает разные типы действий; тем самым временное содержание оказывается осмысленным через интерпретацию лексического значения глагола, его "видового" содержания. Здесь следует отметить, что нулевыми формами в агглютинативных языках (ительменский, юкагирский) могут передаваться и прошедшие времена и что расплывчатость семантики свойственна не только нулевым формам, но и отдельным формантам (такова, например, форма "настояще-прошедшего действия" на -ра в эвенском и эвенкийском языках; в японистике много споров было вокруг "настоящего-будущего" времени на -у). Характерно, что "двойственность" временных форм для разных языков не только устанавливается в современных языках, но и проецируется исследователями в плоскость праязыковых состояний.

Обращает на себя внимание стремление описать временные формы всех без исключения современных урало-алтайских языков в рамках временной системы, представленной противопоставлением трех временных планов — прошедшего, настоящего, будущего. Предполагается, что в любом языке должна быть система (набор) форм, реализующих категорию времени, которая "строится на соотношении референтного и языкового планов по самой простой схеме: действие, имевшее место до момента речи (прошедшее), — действие, имеющее место в момент речи (настоящее), — действие, имеющее потечь после момента речи (будущее)"⁶. Имеется в виду следующее: если объективное время течет из прошлого через настоящее и будущее, то в языке должны также отразиться эти закономерности именно в трех временных планах. Подобная временная схема, прочно занявшая место в грамматиках, основывается, видимо, на убеждении в том, что в языковых формах не могли не отразиться указанные различия в объективной действи-

тельности. Поэтому трехчленная временная схема предполагается для любых периодов развития языков.

Вопрос о возможности применения указанных построений для всех языков требует специального обсуждения. При сравнительно-исторических исследованиях в большей степени проявляется порок абсолютизации трехчленной схемы времен, который заключается в забвении важнейшего диалектико-материалистического принципа развития, отвергающего возможность использования абстрактных схем без учета конкретных исторических условий. Дело в том, что восприятие, отражение и осознание времени и пространства – всеобщих форм существования материи – также историчны⁷, как и познание человеком других свойств объективной действительности⁸. Философское изучение представлений о времени в неразрывной связи с проблемами развития человеческого мышления в их соотношении между наглядно-чувственным и абстрактно-понятийным знанием о реальном мире показало, что они в ходе истории менялись. С точки зрения рассматриваемых вопросов наиболее интересным является вывод о достаточно позднем формировании у человека линейного представления о течении времени, соответствующего определенному уровню развития общества и его производительных сил. "Вполне четкое разграничение между прошедшим, настоящим и будущим становится возможным только тогда, когда линейное восприятие времени, сопряженное с идеей его необратимости, делается доминирующим в общественном сознании"⁹. Ему исторически предшествуют иные временные картины мира в человеческом сознании: уровень атемпорального восприятия мира сменяется периодом колебательной, а затем и циклической картины явлений действительности (этот период обычно именуют "мифологическим временем"). Однако и на этих уровнях, для которых не характерен линейный отсчет времени, присутствуют представления о порядке, последовательности событий по принципу "раньше – позже", т.е. "порядковая топология восприятия времени"¹⁰. "Мифологическое время" обычно относят к первобытно-общинному строю. Соответствующие ему модели мира запечатлены во многих известных мифах народов Сибири и сопредельных территорий. Так, "временное членение этого существующего мира в представлениях кетов обусловлено его циклическим исчезновением ... и последующим возрождением"¹¹.

Естественно возникает вопрос, следует ли лингвисту при описании синхронного среза и при реконструкции (особенно большой глубины!) учитывать сделанные выше замечания о временной модели мира у носителей тех или иных языков. Думается, что на такой вопрос следует положительный ответ. При этом, конечно, нужно правильно понять постановку вопроса и не сводить его к очередному обсуждению гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Однако должен ли историк языка отыскивать в праязыке всегда трехчленную схему времен, если речь идет о раннем развитии человеческого коллектива и языка, которым он пользовался? Не будет ли это навязыванием и языковой системе, и языковому сознанию современного восприятия и языкового отражения мира? Такое часто делается, хотя формы древнего языка отражают "странный" синкретизм значе-

ний настоящего и прошедшего, имеют "почему-то вневременной характер" и вообще являют собой "удивительную экзотику" на фоне современных языков. Опасно также распространять на всю массу различных языков грамматические представления, принятые как аксиомы общего языкознания. На проверку эти аксиомы зачастую оказываются отражением свойств преимущественно индоевропейских языков и не раскрывают особенностей грамматического строя языков иной структуры.

Опираясь на принцип исторического развития временных схем, можно, видимо, по-иному интерпретировать приведенные выше случаи совмещения в одной временной форме двух значений и более точно представить соотношение собственно временного и видового значения в форме. В последнем случае, действительно, как будто бы подтверждается известный тезис о предшествовании видовых значений временным и о возможном преобразовании первых во вторые. Подтверждается также гипотеза о приспособлении глагольных имен для выражения сначала видовых значений (свойств действий), а потом и темпоральных (сначала действий текущих и статичных — одновременные и предшествующие, потом "раньше — позже", "теперь — не-теперь" и т.д.). Отметим, что интересные опыты реинтерпретации форм времени в алтайских языках представлены работой Н.А. Сыромятникова (японский язык) и Л. Юхансона (турецкий язык).

Наконец, в связи с вопросом о соотношении в урало-алтайских и других агглютинативных языках средств слово- и формообразования встает вопрос об изучении форм способов глагольного действия, которые современная аспектология включает в единое функционально-семантическое поле вместе с грамматической категорией вида и лексико-грамматической категорией предельности глагольного действия. Самой неопределенной остается семантическая зона способов действия в их противопоставленности виду. Основой выделения и разграничения аспектуальных значений в языке является семантика, план содержания. В то же время вид признается грамматической категорией на основе формальных моментов, присущих вообще морфологическим категориям. Как уже указывалось, особенности грамматических категорий в агглютинативных языках несколько иные, чем, скажем, во флективных. Например, фактор обязательности и факультативности в первых проявляет себя по-другому и, видимо, не может служить достоверным основанием для подобного различения этих двух категорий глагола.

В историческом плане аффиксальные средства выражения способов действия оказываются тесно связанными с широким кругом гомигенных грамматических показателей, и наблюдения за развитием последних сталкиваются с большими трудностями. Развитая в урало-алтайских языках система аналитических форм, передающих способы действия, — типологически также весьма однородная — требует своего объяснения в плане источников ее возникновения. Можно предполагать, что она репродуцирует древнюю технику словосложения и используется для выражения уточненных значений тех аспектуальных

характеристик действия, аффиксальное выражение которых уже угасло в ходе исторического развития этих языков. Указанная гипотеза должна получить дополнительные обоснования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щербак А.М. Сравнительная морфология тюркских языков. Глагол. Л., 1981; Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

² Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие "грамматическая категория". – Сов. тюркология, 1981, № 3, с. 22–35.

³ Восточное языкознание. Факультативность. М., 1982.

⁴ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 298.

⁵ Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории..., с. 26.

⁶ Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976, с. 240.

⁷ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени. Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982; Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977; Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980.

⁸ Маслиева О.В. Становление категории причинности. Л., 1980; Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.

⁹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 29.

¹⁰ Ахундов М.Д. Эволюция человека и генезис представлений о пространстве и времени. – В кн.: Биология и современное научное знание. М., 1980, с. 319.

¹¹ Алексеев Е.А. Представления кетов о мире. – В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX–начало XX в.). Л., 1976, с. 69. См. также: Первобытное искусство. У истоков творчества. Новосибирск, 1978.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПАРАДИГМЕ СКЛОНЕНИЯ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвистическая литература по селькупскому языку, касающаяся словоизменительного аспекта имени существительного, указывает на наличие в составе формантного инвентаря падежных показателей, оформляющих существительные, которые обозначают одушевленные предметы¹. Тенденция использования специальных грамматических показателей для выделения всего живого из мира предметов наиболее последовательно проявляет себя в системе падежей пространственно-временной ориентации. Прямо или косвенно она находит свое отражение в других сферах, составляющих падежную систему. В связи с этим уместно назвать родительный падеж на *-n*, позиционно чередующийся с *-t*.

Известно, что родительный падеж играет весьма важную роль в истории формирования именного склонения в селькупском языке². Через посредство родительного падежа на *-n* в южных диалектах сформировался местно-личный падеж на *-nan*. Последний, отвечая на вопросы "у кого?", "у чего?", выражает местное значение и образуется от имен существительных одушевленных и неодушевленных для выделения того или иного признака, присущего только данному предмету, названному существительным. Например, Кул. *mat še:äqsa'k era'nan* 'я ночевал у старика'; *qaina'n pakäda haře' žiminda?* – 'Топорище сломалось у топора'; Ив. *qBel'dinan ro-qlaYend nöbala'u котла по бокам дырки*. Редкие формы на *-nnan* подтверждают становление данного падежа через посредство родительного падежа на *-n*, ср.: Ив. *polannan tä'blat padi'* 'у деревьев листья-их зеленые'.

Исходный падеж на *-nanto*, отвечающий на вопрос "от кого?", исторически также связан с *-n* родительного падежа через посредство форманта *-nan* (< **nnan*) местно-личного падежа. Имеются данные, которые позволяют предполагать развитие дательно-направительного падежа на *-ni*, *-nik* (и их фонетические варианты), отвечающего на вопросы "кому?", "к кому?", "куда?", также от родительного падежа на *-n*. Этими данными могут служить единичные формы безличного склонения дательно-направительного падежа типа: *quBanni* 'человеку', встречающиеся в записях по кетскому диалекту, ср.: *soBeŋʒaŋ penku sō quBanni Bətondi čem mi-kunʒo isklaj quBanni uttoqint* 'лучше положить хорошему человеку на дорогу, чем дать плохому человеку в руки' (ср.: *qum* – осн. п.; *quBan* – род. п.; *quBan-ni* – дат.-напр.п.). Между тем, структурно-морфологический тип безличных форм склонения да-

тельно-направительного падежа на *-nj, -njik* и их фонетические варианты не сохраняют более никаких явных признаков былой связи данного падежа с родительным падежом на *-n*. Во всех диалектах, в том числе и в кетском, показатели дательно-направительного падежа *-nj, -njik* и их фонетические варианты стабильно присоединяются к форме основного падежа единственного либо двойственного или множественного числа. На стыке морфем возможны сандхи. Например: СтС *āron quñe' coku' lgu as kérége' ŋ* 'на другого человека сваливать не надо'; Таз. *tepiŋik 'emu'* (*tep 'он'*); Пар. *na. nálgumnə ǝʒalba - toroBa - 'он сказал этой женщине: Здравствуй!'*.

При структурно-морфологическом анализе других падежных форм, как то совместного, назначительного-превратительного, также обнаруживается их связь с родительным падежом на *-n*. Перечисленные выше падежи сохраняют признаки послеложного происхождения.

Широкое употребление родительного падежа на *-n* при формировании послеложных конструкций, давших в процессе исторического развития ряд падежных форм, обусловлено функциональной дистрибуцией последнего, его способностью выражать принадлежность, отнесенность в самом широком смысле. Сочетаясь с послелогом того или иного падежа пространственно-временной ориентации, имя существительное в родительном падеже содержит указание на лицо, предмет, с которым соотносится место действия или направление действия глагола.

Падежные формы местно-личного падежа, например типа Кул. *era^o. nan* (<^ж*era-n-nan*) *ēzak*, следует осмыслить следующим образом: 'у старика я был' (букв. 'Im Bereich des Alten war ich').

Имеются все основания полагать, что формант *-n* родительного падежа обладает наряду с притяжательной также выделительной функцией в широком смысле, в том числе и способностью грамматически выделять живое из мира предметов. Это не случайно: выделительная функция родительного падежа на *-n* семантически коррелирует с принадлежностной, так как признак принадлежности и передача принадлежности мыслятся прежде всего свойством живых существ. Наиболее убедительным аргументом в пользу выдвинутой гипотезы может служить наличие в тазовском диалекте послеложной конструкции в функции падежа, отвечающей на вопросы "у кого?", "у чего?". Последняя сформировалась на базе родительного падежа на *-n* от имен существительных, обозначающих одушевленные предметы, и сравнительно редко от имен существительных, обозначающих неодушевленные предметы, для выделения признака, характерного только данному предмету из множества других однородных ему предметов, и послелога *miqin ~ miqit*. Упомянутая послеложная конструкция выполняет в тазовском диалекте функции отсутствующего местно-личного падежа. Она существует в структуре этого диалекта как противопоставление местно-временному падежу на *-qin ~ -qit*, отвечающему на вопросы "где?", "когда?", ср.: Таз. *kuti^o n miqin tan ilandə* 'у кого ты живешь?'; *iran miqit ilak* 'у старика живу я'.

К.Е. Майтинская отмечает, что в большинстве финно-угорских языков сохранились формы притяжательного склонения, при этом в отдельных языках некоторые из них приобрели и выделительное значение³.

Можно предположить генетическую связь форманта *-n* родительного падежа в селькупском языке с материально тождественным ему элементом *-n* в составе личных местоимений 1-го и 2-го л.ед.числа именительно/родительного падежа в самодийских языках⁴:

Язык	1-е л.ед.ч.	2-е л.ед.ч.
Селькуп.	man/mat	tan/tat
Камас.	man, mañ, mān, mɤn, mǎn t'an, t'ǎn, t'ǎñ	
Нганасан.	mənə	tənə
Ненец.	mañ	

Следы суффикса *-n* в сфере личных местоимений обнаруживаются также во всех финно-угорских языках или "хотя бы во всех группах близкородственных языков"⁵. Данный суффикс является, по мнению К.Е. Майтинской, грамматическим оформлением специальной категории "личности". Она считает, что в финно-угорском языке-основе намечалась тенденция к оформлению такой категории путем присоединения *-n* к личным местоимениям, а также к вопросительным со значением "кто?". Но эта тенденция не получила полного развития, поскольку не достигла полной грамматической обобщенности⁶.

Между тем в южных диалектах селькупского языка ввиду полифункциональности форманта *-n* родительного падежа (функции выделительная, принадлежности, отнесенности и т.п.) конкретизирующим материалом для выделения в парадигме склонения существительных, обозначающих одушевленные предметы, служат форманты, также содержащие в своем составе элемент *-n*. Имеются в виду анлаутное *-n* показателя *-nan* местно-личного падежа, исходного падежа на *-nanto*, *-nannj* и их фонетические варианты, дательно-направительного падежа на *-nj*, *njk* и их фонетические варианты.

Функциональная сущность анлаутного *-n* падежного показателя *-nan* по-разному трактуется исследователями. Так, М.А. Кастрен усматривает в нем формант, с помощью которого "остяко-самоеды" (селькупы) образуют и локатив, и датив, а анлаутное *-n* квалифицируется как собственный показатель локатива, отделенного от предыдущего *-n* соединительным гласным. Наличие простого *-n* и удвоенного *-nn* в показателях *-nan*, *-nnan* М.А. Кастрен, судя по примерам, приведенным в его Грамматике, рассматривает как чисто фонетическое явление⁷. А. Кюннап связывает становление форманта *-nan* местно-личного падежа с послелогом *na-*⁸. С точки зрения Т. Миколы, основой для развития послеложной группы на *-ñā* в самодийских языках могло служить какое-то слово со значением "близость"⁹.

Заслуживает внимания мнение И.Н. Шебештьен, заключающееся в том, что в основе компонента *-nan* местного падежа от имен су-

существительных, обозначающих одушевленные предметы в селькупском языке, лежит послелог, снабженный показателем локатива $-n$, корень которого идентичен указательному местоимению. И.Н. Шебештьен полагает, что $-n$ -анлаутные указательные местоимения в селькупском и в венгерском языках в древнейший языковой период, предшествовавший формированию флексий, относились к именам, обозначающим одушевленные предметы¹⁰.

В селькупском языке известно указательное местоимение na в анафорическом употреблении¹¹ для указания на только что упомянутый предмет, на нечто известное, близкое. Проследить, однако, сегодня по имеющимся материалам полевых записей его последовательное употребление только с существительными, обозначающими одушевленные предметы, не представляется возможным, ср.: Ив. $mi\ ka- 'ret\ \ddot{o}t\ topqit\ \ddot{a}mdej\ \ddot{o}ndj\ddot{c}isaut\ polzat\ pud\ddot{z}ot\ kutta\ kura.s.$ $nat'at\ n\acute{e}wa\ kurt\ \ddot{a}zet\ wasend.$ $na\ n\acute{e}wa\ nat'at\ okkir-$ $nj\ kurann$ 'мы под горой у воды сидим двое, слышим, в кустах кто-то пробежал'. Там заяц бегаёт, — отец его говорит, — этот заяц там всегда бегаёт'; $mat\ tap\ t'el\ balagan\ q\ddot{o}nd\ medisak\ a\ nat'it\ kunda\ ek\ mat\ tanwap\ na\ bala-$ $gangit\ \ddot{s}aksak$ 'я сегодня до шалаша дошел, а туда далеко. Я знаю, в том шалаше ночевал'. Тем не менее данное состояние не исключает предположения, выдвинутого И.Н. Шебештьен.

Не менее важно отметить, что в селькупском языке вычленяется древний $-n$ -анлаутный словообразовательный суффикс $-na$, функциональная сущность которого состоит в указании на близость, отнесенность класса людей друг к другу. Начальный элемент $-n$ - суффикса $-na$ встречается как в твердом, так и в палатальном варианте, ср.: Кет. $tj\ddot{b}'i-nna$; Ласк. $tibi-n\acute{a}$ 'брат' ($tj\ddot{b}i$ 'мужчина'); Ласк. $ne-n\acute{a}$ 'сестра' ($n\acute{e}$ 'дочь'). Данный словообразовательный суффикс $-na$ ($-n\acute{a}$) сопоставим с селькупским словом $ня$ 'товарищ' и с ненецким $ня$ с тем же значением¹². Компонент $-n$ -, указывающий на отнесенность к классу людей, составляет корневую основу формы $n-j\acute{e}-d$, ср.: $oker\ nj\acute{e}d\ on\ddot{z}e\ kuenba$ 'один из них двоих поехал сам'. Основываясь на наблюдениях И.Н. Шебештьен о семантической сущности $-n$ -анлаутных указательных местоимений в древнейший языковой период, можно было бы допустить генетическую связь компонента $-na$ - показателя $-nan$ местно-личного падежа с указательным местоимением na 'эта, этот', характеризовавшим класс одушевленных предметов. Во всяком случае, генетическая связь анлаутного $-n$ - словообразовательного суффикса $-na$, $-n\acute{a}$ с компонентом n -, указывающим на отнесенность к классу людей, с n -анлаутным элементом указательного местоимения na с анлаутным $-n$ - показателя $-nan$ местно-личного падежа, с формантом $-n$ родительного падежа, с элементом $-n$ в составе личных местоимений в селькупском языке не вызывает сомнения.

Оформление различных разрядов слов и косвенных падежей элементом $-n$ или компонентом, в состав которого входит $-n$ -, для выражения грамматического признака одушевленности наряду с отне-

сенностью к классу людей вполне закономерно. Оно основано на выделительной функции форманта *-n*: первоначальное выделение определенного класса слов – живых лиц, а затем и активного падежа. Свидетельством тому может служить также употребление в финно-угорских языках вопросительного местоимения, в состав которого входит *-n*-овый суффикс, указывающий как бы на человека¹³.

Падежными показателями, концентрирующими в основном существительные, которые обозначают одушевленные предметы в селькупском языке, являются *-ni*, *-nik* и их фонетические варианты дательно-направительного падежа. Последние содержат в своем составе также *-n*-анлаутный элемент. По мнению А. Кюннапа, падежные форманты *-ni*, *-nik* могли бы вполне соотноситься с лативными послелогами **ni*, **nik*; последние сопоставимы с обстоятельственными наречиями места *ni*, *ni*, *ni* 'туда' и *neka*, *neja* – с тем же значением¹⁴. Селькупские материалы хранят следы употребления этих наречий при указании направления движения в сторону имеющегося, имевшегося либо предполагаемого одушевленного предмета, однако проявляет оно себя (подобное употребление) не всегда последовательно, ср.: СтС *tan t'ärak kūn eŋ oppola man t'ēlan ni pal'd'uku'nneŋ* 'ты скажи, где твоя сестра, я днем туда ходила бы'; Кел. *mund'in tepse ?iYim kural'd'isit ni* 'вместе с ним сына отправил туда'; Пар. *tabe tārba* – *qūža qBa* – *laq?* *mat qaimnaŋ mēšpugu ā danBak pōum ōdešpugu* – *qudān ai tanBa't nēga qBa'lage nēga šārba* *halYu'p tiYon t'elzēmba* – 'Он думает: куда я пойду? Я ничего делать не умею. Шить чирки кто не умеет, туда пойду. – Туда зашел, женщина к нему вышла'.

Таким образом, в парадигме склонения имен существительных в селькупском языке категория одушевленности/соотнесенности выражается путем противопоставления ее категории неодушевленности посредством безличной формы родительного падежа на *-n* (последняя конструкция на вопрос "у кого?" в тазовском диалекте); лично-притяжательных форм склонения, базирующихся на лично-притяжательных формах родительного падежа, имеющих в своем составе формант *-n*; специального падежного маркера, в состав которого входит элемент *-n* с выделительным значением (местно-личный падеж на *-nan*, исходный на *-nanto*, *-nanni*, дательно-направительный на *-ni*, *-nik* и их фонетические варианты).

Особо следует подчеркнуть формантное противопоставление по степени одушевленности/соотнесенности и неодушевленности падежей пространственно-временной ориентации.

Одушевленность/соотнесенность

Местно-личный на *-nnan*, *-nan*

Исходный на *-nnanto*, *-nanto*
-nnanni, *-nanni*

Дательно-направительный на
-ni, *-nik*

Неодушевленность

Местно-временной на *-qin* ~ *-qit*

Исходный на *-qinto*,
-qinni

Дательно-направительный на
-ti, *-nti*

Из общей динамики выпадают продолжный падеж на $-m\dot{i}n \sim -m\dot{i}t$ и его фонетические варианты: он присущ существительным, обозначающим неодушевленные предметы.

Подразделение формантного инвентаря падежей пространственно-временной ориентации в зависимости от одушевленности/соотнесенности и неодушевленности предмета в селькупском языке объясняет факт довольно последовательного оформления показателями $-nan$; $-nan-to$, $-nanni$; $-ni$, $-ni:k$ и их вариантами личных, лично-возвратных и вопросительных местоимений со значением "кто?", с одной стороны, и показателями $-q\dot{i}n \sim -q\dot{i}t$; $-q\dot{i}nto$, $-q\dot{i}nni$; $-ti$, $-nti$ и их вариантами обстоятельственных наречий места, послелогов, вопросительных местоимений со значением "что?" – с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. Herausgegeben von A.Schiefner. Spb., 1854, S.97, 113; Sebestyén I.N. Die possessiven Fügungen im Samo-jedischen und das Problem des Uralischen Genitivs. – Acta Linguistica, Budapest, 1958, Fasc. 3-4, T.VI, S.332-335; Дульзон А.П. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. – В кн.: Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, с. 31; Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978, с. 50-126; и др.

² Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке, с. 34.

³ Майтинская К.Е. Финно-угорские языки. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966, с. 20-21.

⁴ Беккер Э.Г., Ким А.А., Осипова О.А. Роль показателя $-n$ в системе склонения в самодийских и индоевропейских языках. Омск, 1983, с. 13; ср.: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. 2. М., 1976, с. 79.

⁵ Майтинская К.Е. Функция местоименного суффикса $-n$ в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. – В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962, с. 74-75.

⁶ Майтинская К.Е. Функция местоименного суффикса $-n$, с. 79.

⁷ Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen, S. 97, 113.

⁸ Кюннап А. К вопросу о некоторых гипотетических самодийско-енисейских морфологических соответствиях. – В кн.: Финно-угорские народы и Восток. Tartu, 1978, с. 31.

⁹ Mikola Tibor. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen). Budapest, 1975, S. 169.

¹⁰ Sebestyén I.N. Die possessiven Fügungen im Samojedischen..., S. 332–333, 335.

¹¹ См.: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков ..., с. 94.

¹² См.: Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и манси). – В кн.: Советская этнография. М.-Л., 1940, с. 70; Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965, с. 335.

¹³ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 379–380.

¹⁴ Künnap Ago. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki, 1971, S. 96–97.

Ю.А. Морев

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА:

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ИСТОРИЯ

К настоящему времени в селькуповедении пока не выработаны единые принципы, по которым можно было бы последовательно проводить диалектное членение. Отсюда проистекают фундаментальные расхождения разных исследователей в оценке количества диалектов: от трех (Г.Н. Прокофьев¹ и др.) до двадцати и более (К. Доннер²). При выделении крайне малого количества диалектов игнорируется целый ряд достаточно существенных лингвистических расхождений, тогда как признание слишком большого количества диалектов говорит об абсолютизации отдельных языковых особенностей, которые при ближайшем рассмотрении оказываются явлениями поддиалектного, говорного характера. В селькуповедении, таким образом, сложился своего рода замкнутый круг: с одной стороны, выработка единых принципов диалектного членения всецело зависит от полноты исследования всего диалектного массива и выявления всех языковых особенностей; с другой – при описании какого-либо диалектного подразделения (прежде всего, фонетическом, поскольку основные различия заключаются именно в звуковых особенностях) необходимо давать его диалектную привязку, а делать это приходится опять-таки на некоторых далеко не единых принципах. Приемлемое рабочее решение в данном случае видится в объединении двух подходов к диалектному делению: территориального и этнолингвистического. В соответствии с этим за основу диалектных подразделений берутся селькупские этнические группы, упоминавшиеся еще М.А. Кастреном³ и лингвисти-

чески (точнее, в фонетическом аспекте) охарактеризованные А.П. Дудьзоном⁴: собственно селькупы (самоназвание их в ед.ч. *söl̥kup*), чумылькупы (*čumil̥kup*), шёшкупы (*šöš̥kup*), сюсюкумы (*süsükum*) и тьюкумы (*tuj̥kum*); в необходимых случаях для уточнения локализации описываемых явлений учитывалась и территориальная характеристика (в более общем виде – по названию реки, в частных случаях – по названию населенного пункта, где фиксировался языковой материал).

Анализ современного состояния консонантизма по вышеперечисленным диалектным подразделениям вскрывает в них наличие трех общих губных согласных фонем: /р, т, β/. Группа губных в целом, а в особенности /р/ и /т/, относится к наиболее употребительным фонемам по всем селькупским диалектам (%)*:

Этническая группа	р	т	β	φ	Итог
Собственно селькупы (Таз, Красноселькуп)	3,90	5,80	0,40	–	10,10
Чумылькупы h-группы (средняя Обь, Ласкино)	5,50	5,05	1,15	0,24	11,94
Чумылькупы s-группы (Тым, Напас)	5,59	4,10	1,34	0,02**	11,05
Сюсюкумы (нижняя Кеть)	4,04	3,57	1,87	–	9,48
Сюсюкумы (верхняя Кеть)	4,54	4,60	1,43	–	10,57

Итоговые данные по группе губных в диалекте собственно селькупов (3 фонемы, общая частотность 10,1%) могут быть сопоставлены: со всей группой согласных (16 фонем, 57%), с группой дентальных (5 фонем, 28,7%), палатальных (5 фонем, 8,8%), велярных (2 фонемы, 4,8%), увулярных (1 фонема, 4,6%), а также со всей группой гласных (25 фонем, 43%).

В поздних заимствованиях из русского языка (типа рус. "фуфайка", "флаг", "фабрика") употребляется также глухая шелевая губно-зубная фонема /f/⁵. На современном синхронном срезе в ряде говоров диалекта чумылькупов фонологизируется и билабиальный глухой шелевой согласный /p/⁶. Следует отметить, что во всех диалектах, хотя и с различной частотностью^{***}, функционируют геминированные губные согласные,

* Приведенные здесь и далее фоностатистические данные по чумылькупам средней Оби получены автором, по чумылькупам Тыма, сюсюкумам – Н.В. Деннинг и Ш.Ц. Купером; данные по собственно селькупам заимствованы: Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980, с. 149. Фоностатистическая обработка имеющихся материалов по диалектам шёшкупов и тьюкумов не проводилась.

** Только в звукоподражаниях.

*** Например, в диалекте собственно селькупов на 572 двуконсонантных сочетания пришлось: рр – 4, тт – 17; в диалекте чумылькупов (средняя Обь, Ласкино) на 1 тыс. двуконсонантных сочетаний – рр – 4, тт – 6).

являющиеся обычно продуктом ряда фонетических процессов⁷. Анализ инвентаря лабиальных фонем в селькупских диалектах показывает практически полное междиалектное совпадение одной и той же фонемы (из этого, однако, не следует, что она проявляется во всех диалектах одинаково):

Этническая группа

Селькупы	р	т	В	(f)	—
Чумылькупы	р	т	В	(f)	φ
Шёшкупы	р	т	В	(f)	—
Сюсюкумы	р	т	В	(f)	—
Тюйкумы	р	т	В	(f)	—

Специфика губных согласных (равно как и любых других) в каждом из диалектов селькупского языка заключается не столько в самом инвентаре лабиальных фонем, сколько в особенностях его реализации, т.е. в характере функционирования определенных аллофонов губных фонем по диалектам. При этом фонемные и аллофонные междиалектные соответствия дают основания для некоторых диахронических выводов. Объем статьи позволяет относительно подробно рассмотреть только фонему /р/, другие же будут затрагиваться фрагментарно.

По разным диалектам фонема /р/ представлена довольно однообразным набором аллофонов, которые можно сгруппировать соответственно нескольким конститутивным признакам — степени палатализации, звонкости и напряженности артикуляции:

Этническая группа

Селькупы	р	ṛ	ṛ'	В	Ṃ	—	b	—	—	p _л	—	—	—	β	f
Чумылькупы	р	ṛ	ṛ'	В	Ṃ	Ṃ	b	b̥	b'	p _л	B _л	b _л	φ	β	
Шёшкупы	р	ṛ	ṛ'	В	Ṃ	Ṃ	b	b̥	b'	p _л	—	—	—	—	—
Сюсюкумы	р	ṛ	ṛ'	В	Ṃ	Ṃ	b	b̥	b'	p _л	—	—	—	—	—
Тюйкумы	р	ṛ	ṛ'	В	Ṃ	Ṃ	b	b̥	b'	p _л	—	—	—	—	—

В позиции абсолютного начала слова действует общеселькупская закономерность: все диалекты характеризуются употреблением здесь исключительно глухих аллофонов, причем наличие и степень палатализации зависят от качества последующего гласного. Перед гласными среднего и заднего ряда обычны непалатализованные аллофоны; слабо палатализованные аллофоны чаще выступают перед ä, ö, ü, реже — перед е, і; сильно палатализованные аллофоны, наоборот, чаще звучат перед е, і и реже перед ä, ö, ü. Примеры*: с. с. рō 'дерево', рü 'камень', рin, рin 'ночью', рεrgi, рεrgi живот'; ч. рō;

⁷ Здесь и далее для диалектов селькупского языка приняты следующие сокращения: с.с. — собственно селькупский, ч. — чумылькупский, ш. — шёшкупский, сюс. — сюсюкумский, т. — тюйкумский.

pö; pü; pēD, pēD; pärg, pärG; ш. pō; pō; pen, pen; pärga, pärg; сюс. pō; pü; pin, pin; pērgi, pērga; т. pō; pü; pen, pen; pärgä.

Селькупские диалекты заметно дифференцируются по употреблению полувзвонких и звонких аллофонов в интервокальном положении; по этому признаку они распадаются на три группы. Первая группа включает диалект собственно селькупов, в котором тенденция к озвончению выражена слабо, а глухой и полувзвонкий аллофоны находятся в отношении свободного варьирования, например: с.с. *ḱorj*, *ḱoBj* 'шкура'; *sja*-*pa*, *sja*Ba 'мошка'. Ко второй группе относятся диалекты чумылькупов и шёшкупов, в которых озвончение интервокального /p/ осуществляется регулярно, а свободно варьируются уже полувзвонкий и звонкий аллофоны (с преимущественным употреблением звонкого): ч. *ḱoB*, *ḱoBa*; *sja*Ba, *hja*Ba; ш. *ḱoBə*, *ḱoBə*; *sja*Ba, *sja*Ba. На этом фоне особняком стоит третья группа, в которой в диалекте сюсюкумов происходит не озвончение той или иной степени, а регулярная геминация глухого: сюс. *ḱorpi*, *ḱorpa*; *sja*pa; и диалект тьюкумов, где наблюдается свободное варьирование геминированного или одиночного глухого: *ḱorj*, *ḱorpi*; *sja*pa, *sja*pa.

В словах иной слоговой структуры, однако, в диалектах сюсюкумов и тьюкумов также происходит озвончение: сюс. *čobj*r, *čob*a 'ягода', т. *tober*, *toBer* — ср.: с.с. *topj*r; ч. и ш. *čobj*r. Сюда же следует отнести и озвончение при парадигматическом чередовании ступеней в диалекте сюсюкумов, поскольку тогда тоже изменяется слоговая структура: ср. сюс. *toppi* 'нога', *toppiZe* 'ногой' (ор.-совм.пад.) — *tobj*n 'ноги' (род.пад.), *tobjm* 'ногу' (вин.пад.); аналогично: *lappu* 'весло', *lappuZe* — *labun*, *labum*.

Таким образом, в интервокальном положении по диалектам наблюдаются следующие соответствия: с.с. p, B — ч. и ш. B, b — сюс. pp, B, b — т. p, pp, B, b.

Что касается частично и полностью палатализованных аллофонов фонемы /p/, то они распределяются по диалектам практически так же: с.с. *tjpe*, *tjBe* 'муха'; ч. и ш. *čjbe*, *čjbe*, *čjBe*, *čjBe*; сюс. *čjppe*, *čjppe*; *naBi*, *naBi* 'яйцо'; т. *čjpe*, *čjppe*, *čjpe*, *čjppe*; *naBi*, *naBi*.

Фонема /p/ в двуконсонантных сочетаниях разной структуры реализуется по-разному. Так, в сочетаниях /p/ + глухой смычный рекурсия /p/ сливается с экскурсией и выдержкой последующего согласного, что имеет результатом значительное ослабление взрыва вплоть до его полного исчезновения. Имплзивный аллофон [p_л] особенно характерен для двуконсонантных сочетаний конца слова, поскольку в середине слова примыкание /p/ к другому элементу сочетания иное из-за специфики слогового деления. Во всяком случае, по диалектам наблюдается свободное варьирование эксплозивных и имплзивных аллофонов, например: с.с. *aptj*, *aptj* 'запах', ч. *ap_лt* 'запах', *aptəl* 'вонючий', ш. *ap_лt*, *ap_лtə*, *aptə*, сюс. и т. *ap_лt*, *aptə*. Соответственно и озвонченные аллофоны фонемы /p/ в диалекте чумылькупов перед полувзвонкими и звонкими согласными могут быть имплзивными (чаще) и эксплозивными (реже), например ч. *taB_л-Dət*, *taB_лdən*, *tabdət* 'их' (притяж.).

Перед латеральными фонема /p/ может выступать в озвонченных и иногда в шелевых вариантах, например: с.с. uβl̥i, uβl̥i 'твое пастбище', ч. и ш. n̄āVla, n̄ābla 'утки' (мн.ч.), kuβla 'люди', сяс. n̄ar̥l̥i, n̄aVl̥i, n̄abl̥i 'твоя утка'.

Шелевой аллофон встречается также перед фрикативными в диалекте собственно селькупов: čōfsi, čōpsi 'рожень, вертел'.

В двуконсонантных сочетаниях после сонорных /p/ реализуется во всех возможных вариантах по степени звонкости, но преимущественно озвонченных, т.е. практически так же, как в интервокальном положении: с.с. čum̥pi, čum̥Bi, čumbi 'длинный', ч. čumbə, čumB – ш. tumbə, tumb – сяс. tumbi, tumbi – т. tumba, tumbu.

Слов с ауслаутной фонемой /p/, которая бы не чередовалась с /m/, в селькупском языке очень мало: с.с., ч., ш., сяс. tōp или top 'край'; т. tuop; с.с., ч., ш., сяс., т. n̄ār или n̄ar 'утка'; с.с. k̥ər – междометие для подзывания оленей. Наряду с эксплозивным здесь употребляется и имплозивный аллофон [p_л] Кроме того, в диалектах чумылькупов и шёшкупов отмечено замещение слабо напряженного конечного смычного шелевым: ч. и ш. tip, tip_л, tiφ 'шпенек'.

Значительную группу в разных диалектах составляют основы и аффиксы с конечной фонемой /p/, чередующейся с /m/. Это чередование обусловлено рядом закономерностей как фонетического, так и нефонетического характера⁸. Здесь важно отметить, что в независимой позиции по диалектам наблюдается тяготение к определенному альтернанту, например: с.с. k̥ip, k̥im 'человек' (чаще с-р), ч. k̥ip, ш. k̥ip, k̥im (чаще с-р), сяс. и т. k̥im; подобным же образом распределяются по диалектам аффиксы вин. падежа и личные показатели 1 л. ед.ч. объектного спряжения. Исторически современное чередование /p/ – /m/ восходит к *m, а процесс развития взрывного из носового проходил по диалектам в несколько этапов и может быть объяснен на основе аналогического выравнивания⁹.

Основным аллофоном фонемы /p/ является [p]; все остальные вторичны и обусловлены конкретными позиционно-комбинаторными условиями. В генезисе они восходят к общеселькупскому *p (исключая случаи чередования p-m, отмеченные выше). Общеселькупский *p, в свою очередь, является продолжением общесамодийского *и уральского *p, что надежно установлено целым рядом исследований. Есть некоторые основания считать, что в диалекте чумылькупов средней Оби идет процесс фонологизации признака звонкости¹⁰, хотя прямое утверждение о наличии здесь звонких фонем¹¹ выглядит все-таки преждевременным.

Фонема /m/ в селькупских диалектах представлена аллофонами, различающимися в основном степенью палатализованности: [m, m̥, m̄]. Палатализация определяется качеством последующего гласного, так же, как показано выше для /p/. Следует только добавить, что по всем диалектам палатализованные аллофоны не употребляются в конце слова. В анлауте встречаются как непалатализованные, так и палатализованные аллофоны, например: с.с. mat, man 'я', m̄u 'дыра',

mirnam 'строгаю'; ч. mat, mö, mirnap; ш. mat, mö, mirnam; сюс. и т. man, mü, mirnaß.

В интервокальном положении /m/ встречается относительно редко: ч. и ш. aramo 'прорубь', сюс. gramo, ср. с.с. araimo, т. urmo. В ряде слов интервокальное -m- диалекта собственно селькупов и чумылкупов Тыма соответствует -ß- других диалектов, например: с.с. и ч. (Тым) tama 'мышь', ama, emi 'мать' - ч. (средняя Обь), ш., сюс. и т. taßa; aßa, eßi, äßi. Здесь -ß- представляют собой результат ослабления /m/ - ср. общесамод. формы *ama, *tama¹².

Из разнообразных сочетаний /m/ с другими согласными интересно развитие гоморганного сочетания /mp/ в сондровских говорах диалекта шёшкупов и нижнекетских говорах диалекта сюсюкумов, где *mp > bb или b, как в энецком языке: libbi 'орел', túbbi 'длинный'.

Фонема /ß/ в современных селькупских диалектах реализуется обычно в аллофонах [ß, ß̌, v, v̌, v̌̌, ʉ] и встречается в начале, середине, конце слова, например: ч. ßattə 'дорога', ñeßa 'заяц', röß 'обувь'. Эта фонема возникла относительно недавно и поэтому в некоторых диалектах слабо противопоставлена другим губным, особенно /m/ ¹³. Базой для развития /ß/ служит в большинстве случаев именно /m/, как показано выше; иногда же /ß/ развивается как протетический элемент: с.с. ßarkj 'большой' восходит к общесамод. *arkā¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935, с. 5.

² Donner K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920, S. XI-XII.

³ Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. Spb., 1856, с. 127.

⁴ Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. - СФУ, 1971, VII, с. 35-43.

⁵ Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974, с. 233.

⁶ Морев Ю.А. Развитие селькупского φ. - СФУ, 1977, XIII, с. 48-57.

⁷ Morev J.A. On the Origin of Geminated and Long consonants in the Samoyed Languages. - Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980,

Р. II, р. 38; Деннинг Н.В., Морев Ю.А. Геминация согласных в селькупском языке. – СФУ, 1979, XV, с. 94–103.

⁸ Морев Ю.А. Варианты со взрывными и гоморганными носовыми в среднеобском говоре селькупского языка. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 50–53; Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980, с. 141–144.

⁹ Морев Ю.А. Отклонения от тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в селькупском языке. – СФУ, 1980, XVI, с. 294–300.

¹⁰ Морев Ю.А. К соотношению глухости–звонкости и долготы–краткости шумных согласных в селькупском языке. – В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1978, с. 3–14.

¹¹ Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку, с. 145.

¹² Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977, S. 23, 146.

¹³ Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку, с. 121–122.

¹⁴ Janhunen J. Samojedischer Wortschatz, S. 19.

Е.А. Х е л и м с к и й

САМОДИЙСКО-ТУНГУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ИХ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Достижения последних лет в лексикографической и этимологической разработке тунгусского (тунгусо–маньчжурского) и самодийского материалов¹ позволяют уточнить и существенно расширить список сопоставлений. Это дает основание утверждать, что по суммарному числу параллелей в самодийской лексике тунгусские языки уступают только финно–угорским. Такую ситуацию можно считать закономерной, учитывая дополнение определенного числа исконно общих элементов – наследие ностратической, восточно–ностратической и (возможно) урало–алтайской эпох – языковыми свидетельствами длительных взаимодействий вдоль самодийско–тунгусской этнической границы, пересекающей с юга на север всю Сибирь. Данная работа опирается на корпус примерно 300 лексических параллелей контактного происхождения, свыше половины из них ранее не привлекались к рассмотрению. Разумеется, сопоставления неоднородны с точки зрения хронологии и языкового охвата. Наиболее многочисленные группы образуют прасамодийско–пратунгусские соответствия (~ 70, включая более 20

слов заведомо самодийского и ~ 10 слов заведомо тунгусского происхождения), тунгусские и эвенкийские заимствования в селькупском (не менее 40), заимствования в эвенкийском из отдельных самодийских языков (более 35), прасеверносамодийско-пратунгусские соответствия (~ 35, включая ~ 15 слов заведомо тунгусского происхождения). Во многих случаях вопрос о направлении заимствования еще требует дополнительного изучения.

Многочисленность и разнообразие соответствий делают их чрезвычайно важным (и пока еще почти не использованным) источником для изучения как внутренней, так и внешней истории самодийских и тунгусских языков. Мы сосредоточим внимание на втором из этих аспектов: рассмотрим некоторые этимологии (и группы этимологий) с точки зрения тех внешних предпосылок, которыми могли быть обусловлены соответствующие заимствования.

Вопреки высказывавшемуся в последнее время мнению об относительно позднем характере самодийско-тунгусских лексических связей² существует более правильная, как нам представляется, точка зрения о том, что интенсивные контакты были еще в эпоху, предшествовавшую распаду самодийского и тунгусского праязыков, т.е. до рубежа новой эры. Особенно показательна этимологическая общность ряда элементов базисной, сравнительно слабо проницаемой лексики: самод. *ñā 'человек, некто' ~ тунгус. *niā; самод. *kājwā 'бок, сторона' и kājwātā 'ребро' ~ тунгус. *xew и *xewtē (примечателен параллелизм как производящих основ, так и дериватов); самод. *op 'один' ~ тунгус. *up-kat, up-kal (формы с усиленными суффиксами) 'весь, целый'; самод. *jeppā- 'быть горячим' ~ тунгус. *jeppō 'теплый'; самод. *māncV 'смотреть' ~ сев.-тунгус. *munsi- и др.*

Определение относительной (а по возможности и абсолютной) хронологии фонетических изменений в обоих праязыках позволило бы по лингвистическим данным датировать начало самодийско-тунгусских контактов. Во всяком случае, начальная стадия одного из таких изменений (урал. *S, *Š > самод. *t) относится, видимо, не позднее чем к началу I тыс. до н.э.³ Вместе с тем имеется несколько заимствований, которые должны были быть сделаны до этого изменения: ср. тунгус. *saja(n) 'палец' < раннесамод. *sājā (> самод. *tājā > матор. taja) < урал. *suδā; тунгус. *sire (или *šire - ср. маньчжур. šeri) 'подник, ключ' < раннесамод. *sErV (> самод. *tErV > селькуп. tērij) < урал. *šerä или *šärä; самод. *tālkā 'пазвилка' < раннесамод. *sālkā < тунг. *sālgā (n) (~ монгол. salga- 'отделять').

* Отсутствие у перечисленных (и ряда других) слов надежных уральских (с самодийской стороны) или алтайских (с тунгусской стороны) этимологий затрудняет установление языка-источника, оставляя открытой возможность влияния какого-то третьего языка, субстратного по отношению к прасамодийскому и пратунгусскому.

Установление контактов между двумя праязыками могло явиться следствием продвижения самодийцев из Обь-Иртышья или какого-то иного региона в таежной зоне Западной Сибири* на восток и их приближения к территории тунгусской прародины. Последнюю (по крайней мере, для начала новой эры) принято локализовать в Прибайкалье, включая его западную часть (распространение тунгусских языков на Дальнем Востоке явилось результатом более поздних миграций)⁴; в то же время прародина, или, по удачному выражению К. Менгеса, *Urwandergebiet*, тунгусов могла охватывать и огромные сопредельные пространства Средней и Восточной Сибири. Во всяком случае, выйдя к Енисею, самодийцы уже застали там тунгусов. Об этом говорит прасамодийское название реки — *Jentâsŭ (ненец. *Jen(ă)-šajam'*, энец. *Dedoši'*, нганасан. *Jentajea*, селькуп. (южн.) *Nandesī*), которое заимствовано из тунгус. *Jēndesī (эвенк. *Jenderī, *Jendreyī, в записях XVIIIв. *Joandesī*). Об исконности тунгусского гидронима свидетельствуют наличие у него нарицательного значения (большая река, исток большой реки) и словообразовательная вторичность по отношению к тунгус. *jēnē/*jēŋē 'река (большая)'. Этноисторические импликации данной этимологии весьма существенны. С одной стороны, она доказывает, что прибайкальская прародина тунгусов достигала на западе Енисея, с другой — сохранение заимствованного самодийцами названия Енисея с его исходной географической соотнесенностью было бы нереальным при удалении от бассейна этой реки в ходе дальнейших миграций. Примером тому служит судьба самод. *Jentâsŭ в тазовском диалекте селькупского языка, где его рефлекс *č̣ntis* означает 'море' и встречается в фольклоре как название места сказочного действия; вероятно, название Енисея превратилось в географическую мифологию еще в тымско-ваховский период истории тазовских селькупов. Здесь же можно указать и вероятный перенос названия Енисея на Иртыш или Конду в диалекте лесных ненцев (ср. *Jen'sā kārβat* 'Кондинск'). Следует поэтому предполагать следующие обстоятельства, обеспечивающие сохранность семантики рассматриваемого гидронима: а) к моменту распада языковой общности прародина самодийцев или включала в себя часть бассейна Енисея, или прилежала к нему; б) в ходе дальнейшего расселения северных самодийцев они не удалялись от Енисея на значительное расстояние, а, скорее всего, продвигались на север вдоль течения этой реки (так же, как позднее кеты); в) близко от Енисея обитали на всем протяжении своей истории и южные селькупы. Отметим, что большинство сравнительно немногочисленных монгольских заимствований, возможно, проникло в самодийский праязык через тунгусское посредство. Ср., например, самод. *ṭon или

* Лингвистические данные по проблеме прародины самодийцев и их миграций см.: Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев по языковым данным. — В кн.: Этногенез и этническая история самодийских народов Сибири. (Материалы конференции). Омск (в печати).

*toǝn 'число' (> 'сто') при ср.-монг. to'an и маньчжур. ton, самод. *jesin 'силок' при монг. degesün 'веревка' и эвенк. de-sun 'веревка, петля, аркан'. Такая ситуация вполне допустима, если учесть, что пратунгусы Прибайкалья находились между территорией проживания самодийцев Обь-Енисейского региона и местами расселения праомоголов (по-видимому, в Восточной Монголии).

Наличие определенного числа прасеверосамодийско-пратунгусских (или практически неотличимых от них прасеверосамодийско-древнеэвенкийских) параллелей свидетельствует о сохранении, а возможно, и об активизации контактов северных (в то время, вероятно, еще восточных или северо-восточных) самодийцев с тунгусами и после распада самодийской языковой общности. Представляется, что продвижение самодийцев на север (вдоль Енисея) проходило по территории, уже частично заселенной какими-то периферийными группами тунгусов. Наиболее интересны в этом плане, на наш взгляд, несколько тунгусских заимствований, связанных со специфически циркумполярными природными реалиями: сев.-самод. *jāŋor 'тундра' (энец. déu', мн. ч. déuro'; нганасан. jaŋur) < тунгус. *jaŋ(ur)-(эвенк. jaŋ 'сопка-голец', jaŋurā 'ровное место на горном хребте, мшистое место'⁵); сев.-самод. *kārpē 'северное сияние' (ненец. харп, энец. kabo' мн.ч.) < тунгус. *garpa-'стрелять из лука; излучать свет, сиять', *garpa 'луч'; сев.-самод. *pājV 'ольха' (ненец. pāj, энец. poja) < тунг. *pulV 'ольха, осина, тополь' (это заимствованное название произрастающей на севере Западной Сибири и в Восточной Сибири ольхи кустарниковой по фонетическим признакам (переход u > ǝ, субституция тунгус. l в виде j), видимо, следует отнести к прасамодийской эпохе).

Заслуживает особого внимания обозначение эвенков в южно- и центрально-селькупских диалектах (Нарьм). kyelom и под. По нашему мнению, оно связано с тунгус. *kēlōme/*kēlēme 'слуга, работник'⁶ и, таким образом, входит в довольно обширный этимологический разряд этнонимов, источниками или дериватами которых являются обозначения слуг (рабов) и которые возникали как отражение архаического института военного рабства (из близких территориально семантических аналогий ср. ненец. хābi 'остяк; слуга, раб'). Возможно, именно из речи тунгусов-военнопленных, живших среди селькупов (или же от захваченных женщин), были усвоены такие высокочастотные и совершенно не терминологические слова, как qaj 'что' (тунгус. *xai) и ašša, aša, aš 'не' (тунгус. *ā- — основа со значением отрицания; непосредственный источник селькупского слова-дериваты типа эвенк. āšša, удэг. anši 'нет, отсутствует'). Отметим, что и в северосамодийских языках соответствующая сфера

* Фонетические трудности препятствуют принятию этимологии И. Футакки, объясняющего селькупское слово из тунгусского родового названия Kile(n), ср. также ульч. kīlō 'эвенк' (Futaky I. Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen. Wiesbaden, 1975, S. 24-25).

лексики оказалась (в силу сходных обстоятельств?) проницаемой для тунгусских заимствований: ненец. $\eta\check{a}w\epsilon$, $\eta\check{a}m\eta\epsilon$ 'что', энец. (лесн.) oby отражают тунгус. $*xaw\bar{u}/*xawg\bar{u}$ 'что' (дериват той же вопросительной местоименной основы, что и $*xai$; различная рефлексация тунгус. $*x-$ — селькуп. $q-$, при сев.—самод. $\sim \eta$ имеет место и в других необщесамодийских заимствованиях из тунгусского).

Довольно многочисленные лексические совпадения наблюдаются между самодийскими и "восточно-тунгусскими" (т.е. тунгусские языки без эвенкийского) языками. Естественно, здесь мы можем иметь дело с реликтивно представленным наследием прасамодийско-пратунгусских контактов или со следами связей в первые века новой эры (после завершения прасамодийской эпохи, но еще до распада тунгусской языковой общности). Имеющийся материал позволяет, однако, сделать еще одно немаловажное с точки зрения этнической истории допущение. Отдельные группы самодийцев (древние селькупы Приобья, северные самодийцы Енисея), возможно, были "захвачены" тунгусскими миграционными волнами, направленными из Енисейско-Прибайкальского региона на Дальний Восток, и вовлечены в этногенез "восточных" тунгусов. Такая гипотеза может объяснить, в частности, следующие предположительно поздние заимствования: 1) нан. $xorko$, ульч. $xork\bar{u}$, сол. $xukku$, удэг. $xiku$ 'веревка'. Фонетически затруднительно возведение этих слов к пратунгусской форме, заимствованной из самод. $*kurko$ 'веревка' (производное от $*kur\check{a}$ — 'плести'), поскольку не ясна субституция $k \rightarrow x$, а также в пратунгусской лексике $*-rk-$ $\rightarrow$ нан. jk , ульч. $\check{c}$. Скорее следует предполагать поздний самодийский источник типа ненец. $xurko$ 'веревка' (из $*kurko$); 2) нан. $t\check{u}\check{s}e\check{z}a$ 'ящерица': слово явно напоминает селькуп. $t\check{u}\check{s}\bar{i}$ 'ящерица', хотя заведомо не может отражать прасамодийский источник этого селькупского слова (самод. $*t\check{a}ns\bar{e}$); 3) нан. $l\check{i}ptoko$ 'тапочки', ср. сев.—самод. $*l\check{i}ptVt$ 'меховые чулки' (ненец. $l\check{i}pt$, энец. $l\check{i}tu$). Впрочем, можно думать и об очень позднем опосредованном заимствовании (ср. рус. липты, из ненец.); 4) маньчжур. $xe\check{c}en$ 'город, стена'. Нельзя, вероятно, исключить в качестве возможного источника селькуп. $*q^we\check{c}\check{c}\check{a}$ 'поселок, город' (из самод. $*w\check{a}c$ 'ограда, забор'); 5) эвен. $k\check{e}nde$, $k\check{e}nde$ 'нарта (оленья), олень (упряжной)' — скорее из сев.—самод. $*k\check{a}nt\check{a}$ 'нарта', чем из более ранней формы — самод. $*k\check{a}nc\check{a}$ (ср. маньчжур. $xun\check{c}u(n)$ 'санки'⁶).

Особую группу составляют этимологии, которые отражают роль самодийцев как посредников между русскими и тунгусами. Проникновение русских на крайний север Средней Сибири морем началось раньше, чем были достигнуты сухопутным путем ее центральная и южная части. Так, в низовьях Енисея русские промышленники из Приморья появились не позднее второй половины XVI в. (и вскоре начали подниматься до Нижней и Подкаменной Тунгусок), в то время как путь с Оби через Кеть в бассейн среднего течения Енисея (и лишь затем к его верховьям) был освоен только в XVII в. Это обстоятельство не учитывает этимология, предполагающая южносамодийский источник рус. Енисей⁷. Действительным источником гидронима являет-

ся, как было показано Е. Владимировым⁸, ненец. Jen(ä)śa-jam'. Если учесть в конечном счете тунгусское происхождение ненецкого названия, то оказывается в какой-то мере "реабилитированной" старая этимология Й.Э. Фишера, непосредственно связывавшего Енисей и эвенк. Joandesī⁹.

Давно установленным фактом является самодийское происхождение слова, которым тунгусские народы называют русских. Эвенк. lūša (lōša, nūša) 'русский', распространившееся далее во все тунгусские языки (нан.-маньчжур. loša, удэг. lusa, эвен. nūši и др.), а также в якутский (luša, nuša) и бурятский (lūsa), является заимствованием из ненец. lūša 'русский'¹⁰. Последнее восходит к древнененецкой форме *luātsā (на это указывают ранние заимствования из соседних северосамодийских языков: энец. luotā, нганасан. lūasa), которая непосредственно отражает приб.-фин. rōtsa/ruotsa 'скандинав, варяг' (фин. Ruotsi 'Швеция', ruotsalainen 'швед'). Ошибочным (в свете приведенной реконструкции) представляется толкование ненец. lūša как заимствования из коми roś или хант.-манс. ruś 'русский'¹¹.

В известной мере "симметрична" судьба этнонима тунгус, распространившегося в русском и в европейских языках. Среди многочисленных этимологических предположений, высказывавшихся в связи с этим этнонимом, решительной поддержки заслуживает гипотеза Ю. Янхунена о его ненецком происхождении¹². С учетом того, что именно с ненецкой и энецкой этнической территории русские впервые проникли, в район расселения эвенков¹³, заимствование ненец. tungo', tungu' (мн.ч. tungos', tungus') 'эвенк, тунгус' в русский язык оказывается вполне естественным. Бытующее мнение об обратном направлении заимствования, о вторичности ненецкого слова встречает существенные возражения: 1) слова с чередованием -'//s- представляют в ненецком языке сравнительно редкий морфонологический тип, и для заимствования была бы гораздо естественнее форма с сохранением -s в ед. числе (ср. ненец. śas < рус. час, ненец. turos 'рубанок' < рус.диал. струж.); 2) ни одному из ненецких диалектов не известно никакое иное обозначение восточных соседей, кроме tungo', причем оно широко употребляется в традиционном фольклоре не только сибирских, но и европейских ненцев (в том числе малоземельских, с закономерной фонетической модификацией в tigu', мн.ч. tiguśe'¹⁴; трудно представить себе, чтобы относительно позднее заимствование могло полностью вытеснить столь существенный этноним. Следует, впрочем, заметить, что источник ненец. tungo' не вполне ясен. Возможно, им является эвенк. tunu-ri-l 'родня по свойству'¹⁵ - в этом случае этимология слова, возможно, отражает существование в прошлом регулярных брачных связей между северными самодийцами и тунгусами. Имеются, однако, и некоторые родовые названия эвенков (Donki, Donoj, Tonkul), которые в принципе также могли послужить источником рассматриваемого этнонима¹⁶. Во всяком случае, нет оснований искать источник слова тунгус в языках Южной или Восточной Сибири, например в якутском¹⁷.

С начала XVII в. основной путь проникновения русских на Енисей и Лену пролегал через Маковский острог на р. Кеть, через этническую территорию селькупов. С этим связано то обстоятельство, что некоторые ранние русские заимствования попали в эвенкийский язык, видимо, через селькупское посредство. Ср. особенно формы со специфическими адаптационными преобразованиями: эвенк. (Подкаменная Тунгуска) *sivinja* 'свинья' при селькуп. *siwinča*, эвенк. (Подкаменная Тунгуска) *lekarsē* 'лекарство' при селькуп. *lekarso*, *lekarsä*.

Совокупность тех самодийско-тунгусских лексических параллелей, которые на основании их распространения и фонетического облика можно признать результатами контактов нового времени, дает иную картину, нежели та, которая возникает при рассмотрении результатов древних связей. Названия частей тела, термины родства, местоимения и другие элементы базисной лексики среди поздних заимствований не представлены (пожалуй, единственное исключение нганасан. *nāgē* 'хороший' из эвенк. *nāka*, при том, что имеются данные о вхождении в состав нганасанов целых групп эвенкийского происхождения¹⁸). Преобладает так называемая культурная лексика (показательна серия терминов верхового оленеводства в говоре верхнетазовских селькупов: *ločjiko* 'седло' < эвенк. *ločoko*; *tinap-tin* 'подпруга' < эвенк. *tinęptun*; *kumala* 'меховая подстилка под седлом' < эвенк. *kumalān*), в отдельных случаях заимствовались эквиваленты табуизируемых слов (эвенк. (Сым) *korko* 'медведь' < селькуп. *qorqi*; ненец. *ñileka* 'злой дух, вызывающий болезнь'; волк' < эвенк. *ñeleki* 'трус, волк'). Изменение характера заимствований, вероятно, обусловлено происшедшей стабилизацией этнических границ, а также расселением кетов в областях интенсивных самодийско-тунгусских взаимодействий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1/ Под ред. В.И. Цинциус. Л., 1975; Т. 2, 1977; *Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.*

² *Futaky I. Einige Aspekte zur Erforschung der uralisch-tungusischen Sprachbeziehungen. – In: Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 65. Geburtstag. Göttingen, 1973, S. 33; Janhunen J. Samoyed-Altaiic Contacts – Present State of Research. – MSFOu, 1977, N 158, p.127.*

³ *Хелимский Е.А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этнолингвистическая интерпретация). М., 1982, с. 125.

⁴ См.: *Menges K.H. Tungusen und Ljao. Wiesbaden, 1968.*

5

Вряд ли оправданы сомнения в тунгусском происхождении нганасанского слова, ср.: Janhunen J. *Tunguusin ja samoje-
din kosketuksista. Preliminääri katsaus. II osa, sana-
luettelo.* Esitelmä prof. Aulis J. Joen johtamissa altailai-
sen kielentutkimuksen proseminaarissa 12. 1974, XII, p.6.

6

Sinor D. *Uralo-Tunguz Lexical Correspondences.* -
In: *Researches in Altaic Languages.* Budapest, 1975, S.261.

7

Paasonen H. *Beiträge zur finnischugrisch-samojedi-
schen Lautgeschichte.* Budapest, 1917, S. 90; Фасмер М.
Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.

8

Владимиров Е.К. К вопросу о происхождении названия реки
Енисей. - Изв. Всесоюз. геогр. об-ва, 1938, т. 70, вып. 2.

9

Fischer J.E. *Sibirische Geschichte.* Spb., 1768.

10

См.: Donner K. *Samojedische Benennungen der
Russen.* - JSFOu, 1928, N 58, S. 367.

11

Donner K. *Samojedische Benennungen...*, S.366;
Itkonen E., Joki A.J. *Suomen kielen etymologinen sana-
kirja, IV.* Helsinki, 1969, S. 876.

12

Janhunen J. *Tunguusin ja samojedin...*

13

Menges K.H. *Problems of Tungus Linguistics.* -
Anthropos, 1973, N 3-4, p. 367.

14

См.: Куприянова З.Н. *Этнические песни ненцев.* М., 1965,
с. 371-382.

15

Ср.: Joki A.J. "Tunguse" - "Pomback". - In: *Stu-
dia Serica Bernhard Karlgren dedicata.* Kopenhagen,
1959, S. 123-126.

16

Joki A.J. "Tunguse" - "Pomback"...

17

Ср.: Menges K.H. *Tungusen und Ljao*, S. 8.

18

См.: Долгих Б.О. *Происхождение нганасанов.* - В кн.: *Сибир-
ский этнографический сборник.* Т. 1. М., 1952, с. 23.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ - Вопросы археологии Урала
 ВЯ - Вопросы языкознания
 ДТП - Диалекты и топонимия Поволжья
 ИИАЭ АН КазССР - Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
 ИЛАИ - Известия Лаборатории археологических исследований
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии
 КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии
 МАЭ - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР
 МИА - Материалы и исследования по археологии
 РГО - Русское географическое общество
 СА - Советская археология
 САИ - Свод археологических источников
 СО АН СССР - Сибирское отделение Академии наук СССР
 СФУ - Советское финно-угроведение
 СЭ - Советская этнография
 ТИЭ - Труды Института этнографии
 ТувНИИЯЛИ - Тувинский научно-исследовательский институт языка и литературы
 ХНИИЯЛИ - Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ААН - Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
 JSFOu - Journal de la Société Finnoougrienne
 MSFOu - Mémoire de la Société Finnoougrienne
 UAJb - Ural-Altaische Jahrbücher
 Ив - Иванкино
 Кул. - Кулеево
 Ласк. - Ласкино
 Пар. - Парабель
 Таз. - бассейн р. Таз
 Кел. - Келлог
 Кет. - Бассейн р. Кеть
 авест. - авестийский
 азерб. - азербайджанский
 алт. - алтайский
 афр.-аз. - афразийский
 венг. - венгерский
 греч. - греческий
 груз. - грузинский
 диал. - диалектный
 дравид. - дравидский
 и.-е. - индоевропейский
 камас. - камасинский
 картвел. - картвельский
 кет. - кетский
 кумык. - кумыкский
 лат. - латинский
 лесн. - лесной
 лив. - ливский
 лит. - литовский
 лопар. - лопарский
 манс. - мансийский
 маньчжур. - маньчжурский
 марийск. - марийский
 матор. - маторский
 мегр. - мегрельский
 монг. - монгольский
 мордов. - мордовский
 нан. - нанайский
 нганасан. - нганасанский
 ненец. - ненецкий
 общесамод. - общесамодийский
 персид. - персидский
 приб.-фин. - прибалтийско-финский
 раннесамод. - раннесамодийский
 рус. - русский
 саам. - саамский
 самод. - самодийский
 сев.-самод. - северосамодийский

сев.-тунгус. — северотунгусский
селькуп. — селькупский
сем. — хамит. — семитохамитский
сол. — солонский
ср.-монг. — среднемонгольский
ст.-акк. — староаккадский
татар. — татарский
тунгус. — тунгусский
тур. — турецкий
туркмен. — туркменский
тюрк. — тюркский
удэг. — удэгейский
удмурт. — удмуртский
узбек. — узбекский
уйгур. — уйгурский
ульч. — ульчский
урал. — уральский
фин. — финский

хант. — хантыйский
хет. — хеттский
чан. — чанский
чуваш. — чувашский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
энец. — энецкий
эрз. — эрзянский
южн. — южный
вин.пад. — винительный падеж
дескрипт. — дескриптивный
ед.ч. — единственное число
мн. ч. — множественное число
ор.-совм.пад. — орудийно-совмест-
ный падеж
притяж. пад. — притяжательный
падеж
род. пад. — родительный падеж

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Р.С. Васильевский</u> . Исторический путь народов Сибири	3
<u>А. Барта</u> . Проблемы этнической археологии в уралистике и алтаистике . . .	11
<u>И. Эрдели</u> . Вооружение древних венгров как источник по истории основания венгерского государства	14
<u>Й. Сентпетери</u> . Ритуальная посуда в аварских погребениях	17
<u>В.И. Матющенко</u> . О достоверности этнических сопоставлений археологических культур эпохи неолита и бронзы Западной Сибири	24
<u>А.Х. Халиков</u> . Венгры, болгары и бургасы в Среднем Поволжье и Приуралье	27
<u>М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина</u> . Городище Чудская Гора в свете этнической интерпретации андроновидных культур Западной Сибири	32
<u>Л.А. Чиндина</u> . Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников	38
<u>В.И. Молодин</u> . Этнические интерпретации археологических памятников барабинской лесостепи	43
<u>Ю.С. Худяков</u> . К вопросу об угорской принадлежности памятников таштыкской культуры на среднем Енисее	49
<u>А.П. Уманский</u> . Памятники эпохи "великого переселения народов" на Алтае.	55
<u>Ф.Х. Арсланова</u> . К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX-X вв.	63
<u>Ю. Ф. Кирюшин, А.М. Малолетко</u> . Этнокультурная интерпретация археологических памятников Васюганья	69
<u>Ю. Ф. Кирюшин</u> . О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая	72
<u>Н.В. Полосымак</u> . К вопросу о выделении новочекинской культуры	77
<u>В.Ф. Зайберт</u> . Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане	82
<u>Е.А. Окладникова</u> . Петроглифы Кара-Оюка	85
<u>Ю.С. Худяков</u> . Типология и хронология средневековых памятников Табата. .	88
<u>О.В. Дьякова</u> . Археология, этнография, фольклор о керамике тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов Северной Азии	102
<u>Т.М. Гарипов, Р.Г. Кузеев</u> . Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов.	107
<u>П. Вереш</u> . Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа	113
<u>В.И. Васильев</u> . Основные проблемы этногенетики и этнической истории северных самодийцев	119
<u>К. Урай-Кёхальми</u> . К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.)	124
<u>Н.В. Лукина</u> . Традиции приготовления пищи у восточных хантов	130
<u>В.М. Кулемзин</u> . Сверхъестественные существа и шаманы в представлениях восточных хантов	134
<u>И.Н. Гемуев</u> . Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели	137

<u>В. А. Бобков.</u> К вопросу об обряде кремации у венгров в X в.	144
<u>В. В. Иванов.</u> О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими и западно-ностратическими языками	147
<u>Э. Г. Беккер, А. А. Ким, О. А. Осипова.</u> Гипотеза об общих истоках показателей посессивности в уральских языках и согласных основообразующих формантах в индоевропейских языках	150
<u>Л. Хонти.</u> О связях уральских и алтайских языков	159
<u>Г. Е. Корнилов.</u> Некоторые новые аспекты подготовки и интерпретации исходных данных для решения проблем урало-алтаистики	172
<u>М. И. Черемисина.</u> Исследования сложного предложения в алтайских языках Спбири	179
<u>Д. М. Насилов.</u> Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках	188
<u>Э. Г. Беккер.</u> Категория одушевленности/неодушевленности и ее отражение в парадигме склонения в селькупском языке	194
<u>Ю. А. Морев.</u> Губные согласные в диалектах селькупского языка: современное состояние и история	200
<u>Е. А. Хелимский.</u> Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации	206
Список сокращений	214

УРАЛО-АЛТАИСТИКА

Археология Этнография Язык

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства *И. М. Анджиевская*
Художник *А. И. Смирнов*
Технический редактор *Н. М. Остроумова*
Корректоры *Л. Л. Михайлова, Г. Д. Смоляк*

ИБ № 23805

Сдано в набор 20.02.85. Подписано к печати 12.09.85. МН-03173. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр.-отт. 13,6. Уч.-изд. л. 18. Тираж 1350 экз. Заказ № 741. Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

